

Станислав Росовецкий

В

Друкарей и скоморохов

Станислав Росовецкий

У друкарей и екоморохов

Историческая повесть для подростков

Киев-2025

УДК 821.161.1-312.5
ББК 84(4Рос)-44
Р75

Р75 Росовецкий, Станислав Казимирович
У друкарей и скоморохов. Историческая повесть для подростков [Электронная книга]. Киев, 2025. 354 с.

В остросюжетной повести Станислава Росовецкого – известного прозаика и драматурга, победителя многочисленных литературных конкурсов, рассказывается о приключениях московского мальчика, типографского ученика Васки, в 1629 году убежавшего в ватагу скоморохов. Вместе с ними он путешествует, попадает на Украину, где оказывается в самом огне вспыхнувшего тогда казацкого восстания.

Для среднего школьного возраста и всех читателей, интересующихся отечественной историей.

В 2015 году повесть вышла в финал конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру» в 6 сезоне.

В издании использована графика С. К. Росовецкого.

Дизайн обложки Я. Г. Пикиной с использованием элемента заставки С. К. Росовецкого, фрагмента панорамы Киева 1651 года А. ван Вестерфельда и мотивов фресок киевского Софийского собора.

На авантитуле фото С. К. Росовецкого авторства С. Н. Саломатина.

УДК 821.161.1-312.5
ББК 84(4Рос)-44

© Росовецкий С. К., текст. 2025
© Росовецкий С. К., графика. 2025
© Саломатин С. Н., фото. 2025

Глава первая. В ней читатель знакомится с юным москвичом Ваской, а сам Васка - с походным искоморохом Блаженом

Если Васке доводится где увидеть живой огонь, он отворачивается, боясь заплакать. Три года, как в большом московском пожаре погибли его родители и сестрёнка, а он всё страшится злого огня, и во всей работе, в которую запряг его благодетель, дядька Гаврила, нет для него ничего горше, чем утром растапливать печь. А благодетель Васкин – резчик¹ государева Печатного двора одинокий вдовец Гаврила Осипов. Пожалел он сироту, взял к себе вместо сына, пообещал выплачивать

¹Резчик – гравёр, вырезавший на грушевых досках клише для гравюр-иллюстраций и титульных листов (форт) старопечатных книг.

тягло – налог за его обгорелый двор, а главное – обучить своему ремеслу. И на Печатный двор со временем устроить; не в резчики, конечно, – то мастерство великое, – но, к примеру, в батыйщики, краску на набор набивать. А ремесло у печатников у всех честное, чистое, здоровое, денежное, а потому и завидное многим...

Лучка ему верил. Обижаться нечего, выучил кое-чему Васку мрачный резчик: и грамоте (быстро, накрепко и почти без битья), и как расписывать красками заставицы – заставки в книгах и иконы печатные, и как знаменить даже, то есть рисунок на грушевую доску наводить. Брал с собою на Печатный двор, показывал все тамошние дива дивные и Васку нужным людям показывал: вот-де помощник мой, придёт время, глядишь, и попрошу вас, мастера, поручиться со мною за него, чтоб на случившееся выбылое место приняли... За все эти благодеяния благодарить надо. И на то, что в ремесле своем помогать себе заставляет, пенять разве можно? А

вот по хозяйству... Поспать некогда, а выспаться – разве что в большие праздники, когда дядька Гаврило в лучшей шубе и в шапке с вытертым соболем отправится в гости.

– Хоть бы праздник скорее! – вздохнул Васка, изо всех сил, чтобы не заснуть, таращивший глаза. Он сидел один в клети и расписывал разными красками печатные листы, которые сам же три дня печатал вручную, притирая один за другим гладкой косточкой к резной, чёрной краской намазанной доске.

Верно, уж сотую (а может быть, и тысячную) Владимирскую Богоматерь раскрашивал паренёк, и руки помнили свое дело, но голова вдруг сама падала на грудь, а как поднимал её с усилием, в ушах начинали спорить чужие голоса, и виделось невесть что. Вот и сейчас вместо суровой Матери Божьей глянула с листа его, Васкина, в пожарном огне пропавшая мамка, и он испуганно отдёрнул кисть от её милого лица.

Васка сощурился, опрятно положил кисть на край стола, вышел через сени во двор и, поёжившись, окунул лицо в

бочку с дождевой водой. Отряхнулся, поднял сразу посвежевшую голову: голубое, чистое распахнулось вверху небо, и медленно плыли по нему белые мартовские облака. Не глядя, чувствовал Васка вокруг себя всё тот же серый и черноватый, прискучивший забор. Повернулся уже ко крыльцу, когда услышал, что в ворота стучат.

Стук был точно такой, как у дядьки Гаврилы, поэтому Васка без оклика отодвинул засов. Тут же мимо него проскользнул чужой, незнакомый парень и, подбоченившись, встал так, будто собирался выталкивать малого со двора.

– Ну, здравствуй, хозяин.

Васка и себе отступил во двор.

– Ворота-то закрой, хозяин, – совсем уж откровенно смеялся над ним гость. – Ты что же, немой?

– Отчего ж, – выдавил из себя Васка и, озлившись, крикнул. – А тебе чего тут?

– Мне до бывшего хозяина двора, мастера Гаврилы, дело имелось. Не знал, что мастер двор свой продал. Или...?

– Тут и живёт.

– А ты кто ему будешь?

– Я Васка Березанский, сирота. Долго рассказывать... А дядька Гаврила сегодня в лавке. Скоро на обед придёт, вот я и подумал, что это он в ворота колотит.

– Коль скоро, подожду. А ты так и будешь меня на ветру держать? Забыл, – дурашливо, будто взрослому, поклонился парень. – Меня кличут Баженкой Любимовым, чином я скоморох² боярина государева, князя Ивана Борисовича Хованского.

– Что ж платье на тебе не скоморошьё? – недоверчиво хмыкнул Васка.

– Не на промысле ведь, а скоморохи мы походные. В походе и оболокусь, как придет деловая пора. Ну, брат, веди в горницу и расскажи, как у мастера

²Скоморох – древнерусский артист (музыкант, танцор, актёр), в Сибири скоморохи существовали до конца XVIII века. В XVII веке назывались ещё «весёлыми».

Гаврилы оказался. Ох, и люблю же я всякие повести слушать!

Подумав, Васка повел гостя в горницу. Скоморох небрежно перекрестился на красный угол, сел на лавку и белозубо улыбнулся Васке. Тот глядел на весёлого во все глаза: был Баженко кудряв, черноус, и подумалось мальцу, что таких вот улыбчивых, добрых красавцев должны любить все: кони, собаки, дети, бойкие московские девицы.

– Кваску не хочешь ли?

– Тащи. – Угостившись, гость снова спросил. – Так откуда ты сюда заявился?

– Долго, говорю тебе, рассказывать. В великий пожар³, как полыхнуло в Ипатском переулке, днём...

– Я тогда в походе был. Вернулся к зиме – весь Китай и пол-Кремля черны стоят, – все так же улыбаясь, вставил Бажен.

– А я с ребятами соседскими играл, да и забежали тако далеко, на Николь-

³Это был страшный пожар 10 мая 1626 года. Даты даются по старому стилю.

скую, за Печатный двор. Тут как зазвонят, как занабатят все колокола на Москве – в ушах загудело. Гляжу, а с Зарядья прямо стена огня идет, а ветер так и срывает с земли...

– Если в злую бурю попадешь или на большом пожаре, то же самое, надобно лечь на землю и за неё держаться, чтобы ветер под себя не подпустить, а пустишь – сорвёт и понесёт неведомо куда, на погибель... Так, дальше!

– Мы с Денежкой, да с Петюнькой-заикою пальцы в рот и глазеть, известное дело, мальцы. Тут бежит старичок, в полах шубы путается, шапкой нам машет. «Ребятки! – вопит. – Давайте со мной, государево добро спасать!» Навстречу ему из подмоста сторож с палкой выскочил, палку бросил и давай ворота Печатного двора отпирать. Отпер, мы с Денежкой туда, а Петюнька забоялся, верно; больше я его не видел.

– Что ж за добро было?

– Да всё печатные снасти. Ящички с литерами (ну, как оно прозывается, я уж после прознал, а тогда чуть руки мне не оторвали – до того тяжёлые!), ларцы

с грушевыми заставками, доски грушевые же, на них евангелисты вырезаны. А старичок, что нас позвал, был мастер государева Печатного двора Кондратий Иванов. Кричал на нас, на сторожа, чтоб шевелились. Пускай, дескать, каменный Двор весь выгорит, пусть даже станы его расписные, на которых книги печатают, пускай-де и они сгорят, – всё-де за месяц вновь обстроится и сделается. А вот если буквы, заставки да доски те резные погорят – их и за двадцать лет опять не собрать. И как перетасили мы тот припас в каменный глубокий погреб, сторож опустил над собою железную дверцу, и пересидели мы там с иными набежавшими людьми весь пожар.

– И как вам там было, в погребе?

– Душно гораздо, а дверца от жару посередке светиться почала. Я на то и не зрел: после беготни да суматохи о своих вспомнил – а куда денешься?

– И что твои?

– Что, что... Огонь там стеною шёл, сказано ведь. Всех поел, схоронить было нечего. Что вспоминать?

– Отец твой кто был?

– Батька мой был черкас⁴ из Киева. Он из казаков полку Сагайдачного – знаешь? – из тех, что после войны остались в Московском государстве. Отец к деду Ивану в зятя пошёл. Дед Иван был зеркальщик, и батька мой ремесло то перенял. Дед сам, баба и тётки в моровое поветрие померли, я мал ещё был.

– То-то слышу: выговариваешь ты мягко этак! Малоруса сынок... А двор отецкий за тобою? Тягло платишь?

– Гривна в год, дядька Гаврила платит. Только сдал он мой двор пришлому бондарю.

– Если мужик там построился, не видать тебе своего двора. Плохо дело... Лет-то тебе сколько?

Васка поднял глаза к потолку. Ответил не сразу:

– Выходит, одиннадцатый.

⁴*Черкас* – в первой половине XVII века так, по городу Черкассы, признанной столице украинских казаков, в Московском государстве называли всех украинцев.

– Скоро и женить тебя можно будет, – рассмеялся скоморох. Тут же посерьёзnel. – Чему ж тебя Гаврилка Осипов учит? Грамотен хоть?

– Грамотен, – важно отвечал Васка. Вздохнув, добавил. – Больше домашнюю работу работаю.

– Только ли? Мне его домашнее ремесло ведомо. Небось, тебя в него и запряг. Ну и как тебе тут?

– Скучно. Горшки да горшки, ещё метла. Носа на улицу к ребятам не высунешь.

– Играть тебе, брат, уж не судьба... А с твоим занудою какое может быть веселье? Тут с тоски задавишься.

И гость скорчил смешную рожу, очень похожую на насупленное лицо дядьки Гаврилы, и даже пожевал сердито губами. Васка прыснул. Скоморох, довольный, продолжал:

– Не всё же тебе городской вонью дышать. А не хочешь ли...?

Оба прислушались. Да, в ворота стучали. Васка сорвался с места и умоляюще посмотрел на весёлого. Тот кивнул и вышел вместе с ним на двор.

Увидев Бажена, хозяин забыл выругать Васку за то, что без него пустил чужого. Прищурился, всматриваясь, пожевал губами (точно так, как только что показывал скоморох), присел и вдруг вскричал тонким голосом:

– Ах ты вор, окаянный сын! Да я за те три рубля в холодной тюрьме тебя сгною! Васка, беги в съезжую избу за десятским!

Скоморох незаметно подмигнул испуганному мальцу, сунул руку в красивую, с бахромой, сумку на боку, неторопливо извлёк длинный кошель и позвенел серебром.

– Принес я должок! И сверху его, приятель и благодетель мой Гаврила Иванович, – продолжал он, доставая нечто продолговатое и завёрнутое в тряпицу, похожее на поленце (а зачем его заворачивать в чистую тряпицу?) или на булаву (на что булава весёлому?), а, скорее всего...

– Гм... Не ходи со двора, малец. Гость в дом – Бог в дом. Прошу, прошу в горницу, закусить. Васка, тащи кашу, – и добавил раздумчиво. – Капустки там, грибков... Живо мне!

Когда мальчик принёс горшок с кашей, гость и хозяин вели уже деловой разговор. Скоморох бережно сворачивал печатный лист доброй, судя по солидному хрусту – немецкой, бумаги, и перед глазами Васки мелькнули две пары голых ног – пухлых бабы и мосластых мужика, ноги эти топтали роскошную, в неведомых крупных цветах, траву.

– Окстись, Баженко! У нас не пойдёт, где уж там.

– Это ведь, Гаврила Иваныч, праотец наш Адам и праматерь наша Ева. А что голы – ты что ж, в бани не ходишь?

– Так ведь в банях, милый, печатные листы пока не приобвыкли вешать, хе-хе... Больно уж мясисты, телесисты непристойно, не пойдут. А ту Богородицу печати киевской оставь, оставь... Сколько за неё просишь? Васька, поди в клеть!

– Бери, мастер, ты ещё лучше тех киевских друкарей вырежешь, ей Богу! А хочу я взять за неё твоими листами, хотя они и худо идут...

Через час-полтора Васку оторвал от работы дядька Гаврила, покрасневшийся и добрый.

– Трудишься всё, молодец! За всё со временем отблагодарю. Поди, поди, Васенька, работничек мой, проводи гостя нашего. Он хмелён, ещё листы теряет...

– Ты-то не усни, челом бью, дядя Гаврила. А то уснёшь и во двор не пустишь.

– Постучишь – пуцу...

Проскрежетал засов.

– Да ну его, чего я там порастеряю... С тобою словом перекинуться хотел. Не, сам понесу... Слышь, а не хочешь ли с нами, с весёлыми, побродить? Глядишь, зайдём и на Украину – родичей своих, сын иноземский, найдёшь...

Васка молчал. Бажен отвлёкся, изо всех сил стараясь показать встречной девице, как его поразила её красота. Девица скромно потупилась и прижалась к забору, уступая дорогу. Васка и себе приосанился.

– Вот отчего так жаль каждый раз из Москвы уходить! Где ещё таких скром-

ниц найдешь? Чистенькие, нарумяненные, и ведь каждая себе на уме! Я вот про что: завтра наша ватага уходит... или послезавтра. Надумаешь с нами – приходи завтра в Зелёный ряд, к той лавке, где немец Мартынка сидит, зубы трёт пилкой булатной и вырывает. Редкий мастер, да... Я там буду рядом в два часа, дело есть одно.

Новый друг обнял его на прощанье и удалился по деревянной мостовой, приплясывая и посвистывая. Гость залётный, иного, праздничного мира житель. Васка завистливо вздохнул. Что ж, время подумать у него есть.

Глава вторая. О том, что приключилось с Ваской после побега от дядьки Гаврилы, и немного о весенней Москве 1629 года

Утро выдалось ясное и солнечное. Ледок меж торцами мостовой совсем уж растаял, когда Васка, беспокойно озираясь, протолкался-таки к верхним торговым рядам Китай-города. Крик тут, несмотря на ранний час, стоял страшный, однако мальчик от волнения и не слышал ничего, точнее слышать-то слышал, а слов не разбирал. Вот и условленное место. Немец Мартынка поднял глаза на подошедшего слишком близко Васку, да и неверно понял выражение его лица и поэтому, вытирая руки о кожаный передник, процедил:

– Зуп рват – пятак давайт.

Парнишка отшатнулся испуганно, отбежал от немца и огляделся ещё раз: неужто опоздал? Тут с недалней Спасской башни раздался скрежет, потом два дребезжащих удара. Это огромные, хитроустроенные часы боем оповестили если не всю Москву, то Кремль, Зарядье и Занеглименье уж точно, о том, что с рассвета сегодняшнего марта 20-го дня года от сотворения мира 7137-го, а от Рождества Христова – 1629-го минуло уже два часа. Васка немного приободрился: опоздал не он, а весёлый.

Потом задумался о своём и прозевал, как немец сторговался с ражим посадским. Сидел тот уже на лавке, разинув рот, а Мартынка усердно перетирал ему чёрною, блестящей по низу пилкой один из последних зубов. Дядька Гаврила тоже зубами мается, однако предпочитает дешёвую знахарку, а в крайности – сам выдёргивает зуб ниткой... Вдруг мужик завопил, вскочил и, по-русски широко размахнувшись, нацелил мастеру в ухо правый кулак. Мартынка ловко увернулся и отскочил,

закрываясь пилкою. Страдалец, рыча, уселся снова.

Васка почуял на себе чей-то внимательный взгляд и пугливо обернулся. Нет, то не дядька Гаврила: незнакомая старуха, поджавши губы, шныряет глазами по толпе. На всякий случай беглец протолкался от неё подальше.

Часы отбили ещё полчаса. Васка растревожился не на шутку. Он сошёл со двора самовольно, ключ оставив у соседа. Страшно представить, какая таска ждет его, если не успеет вернуться домой раньше хозяина. А если и успеет – сосед всё равно не смолчит...

Тут над головами прохожих заколыхался знакомый, лихо заломленный колпак Бажена. Васка подпрыгнул и, бешено работая локтями, устремился в ту сторону. Старуха опередила его.

– И ещё она, зоренька моя ясная, грамотку к тебе изволила отписать...

Васка воззрился на скомороха с особым почтением: ни отец покойный, ни дядька Гаврила грамоток на его памяти не получали.

– Ай-я-яй, даже грамотку отписала, – Бажен улыбался насмешливо и, как юному его дружку показалось, несколько разочарованно. – Позавчера ведь только, виделись, ай-ай... А ты зачем тут, подмастерье? Как там, у хозяина твоего, головка не болит ли?

– Баженко, мы ж с тобою...

– Грамотку, грамотку прочти – и возверни!

– Тошно мне честь скорописное, ты уж, мать, не обессудь. Эй, приёмыш Гаврилов, тебя как кличут? Запомнято-вал я...

– Ваской. Неужто ты?..

– Вот что, отче Василие, прочитай-ка мне сию грамотку.

Старуха зашипела. Скоморох, не допуская её до паренька, спокойно протянул ему письмо. Васка прочёл: «Любезнейшему дружочку моему Бажену скомраку», потом перевернул грамотку и бережно отогнул сперва правую и левую её части, а затем верхнюю и нижнюю. Откашлялся.

– «Государю моему и другу сердечно-му Бажену Игнатьевичу ведомая тебе,

мой свет, добра желательница низко челом бьёт. Здравствуй, дружок мой любезнейший, на все многие впредь будущие лета, а про меня изволишь знать, что я на Москве в тереме батюшкином здорова. А хотя и здорова, да всё-таки и недужна, поелику не могу дожидаться тебя, друга своего любезнейшего, чтобы обнять и в сахарны уста бессчётно поцеловать...»

– Го-го-го, сахарные уста! – на месте грамотки перед изумлёнными глазами Васки запрыгала красная, мокрая, редким рыжим волосом поросшая рожка... Бажен схватил шутника за ворот, протолкал в людской поток и вновь сунул грамотку в руку чтецу. Старуху, примерившуюся было вцепиться ногтями в лицо весёлого, толпа отнесла в сторону.

– Читай же.

– «Помнишлимойсве...» Ага. «Помнишь ли, мой свет, как дарила я тебе золотой перстенёк с бирюзовым камешком? Отдай его мамке моей, челом бью. Государь батюшка мой, не нашедши у меня перстенёкка того, гневен сделался, что и отписать не можно...»

– Хватит! – Бажен отобрал грамотку и сунул её за пазуху. – Вот и серая утица наша опять подплывает... Так чего же, Авдотьевна, желает моя забавушка – чтоб я к ней сегодня зашёл или перстень тот вернуть?

– Грех тебе, шпынь⁵ безродный! Думаешь, нельзя на тебя управу найти? Вот донесу господину своему боярину, холопы⁶ тебя скоренько укроют в тёмное место.

– Ахти мне, матушка, уже забоялся! Скажи: буду во время обычное.

Бажен схватил паренька за плечо и толкнул впереди себя к Нитному перекрёстку. Старуха, засеменившая было за ними, отстала в Калачном ряду, где народу было ещё погуще.

– Хуже не найти московских девиц, до чего прилипчивы... Так ты собрался с нами идти? Вспомнил я уже.

Васка не глядел на него. Они быстро (на Москве все бегут, у всех дела) шли по Варварке.

⁵*Шпынь* – нищий, оборванец. В другом значении – балагур, насмешник.

⁶*Холоп* – человек в феодальной зависимости, раб. В XIX веке назывался крепостным.

– Мне к дядьке Гавриле уже не ворочаться. А с вами, весёлыми, могу и не идти. Вот лучше пойду я к печатному мастеру Кондратию Иванову, он меня любит и службу мою пожарную помнит. А у него в приятелях дьяк государев⁷ Иван Тарасович Грамматин. О, сколь это человек великий! Волшебный перстень имеет, и перстень тот может что угодно сотворить по его воле, дьяка.

– Обиделся. Теперь уже ты меня дьяком чародейным пугаешь. Иди себе, коль желаешь... Что ж не идёшь?

– Ладно уж, я с тобой.

– Добро, будешь у нас за козу... Да постой, парень, дослушай хоть сначала! У нашей ватаги плясовых псиц отродясь не водилось, а была учёная коза. Наша Чернуха с медведем плясала, в барабан била и другие штуки выделывала. Сдохла, бедная, зимою, а вместо неё смастерил нам столяр козлиную голову на палке. Мы тебя быстро научим. Коли

⁷*Дьяк государев* – чиновник высшего ранга, стоявший во главе приказа – тогдашнего министерства.

грамоту одолел, то плясать тебе выучиться – раз плюнуть!

– Знатное ремесло...

– Зато у нас, походных скоморохов, жизнь вольная, здоровая. Всё по лугам, по лесам. Будешь нам в товарищах – и казною в разделе не обидим!

Они были уже на Варварском крестце.

– Вот здесь, сказывают, и загорелось тогда, – показал Васка на новые, ещё пахнущие свежеею стружкой хоромы князей Татевых в начале Ипатского переулка.

– Эх, брат, когда б Москва час от часу не горела, сама бы давно по брёвнышку раскатилась. Один Кремль бы стоял. Что там у тебя в суме?

– Полотенца ручное да личное, рубаха. Хлеба захватил. Книжицу ещё печатную – «Часослов»...

– Казна твоя где?

Васка развёл руками.

– Не пропадём! Как смекаешь, отдавать перстенёк или нет? Сниматься отсюда пора, и без того засиделись на Москве бесстыдно. Да и тесновато тут

становится... Вот и пришли. Добро пожаловать, сын казацкий, в наши палаты!

Чернобородый, закопченный кузнец открыл им ворота и что-то буркнул Бажену, а тот в ответ скривился. Бухнула дверь клетки, наёмного жилья скоморошьяй ватаги. Острая вонь шибанула Васке в нос. Когда глаза привыкли после солнца, рассмотрел он, что посреди клетки сидит на цепи большой полублезлый медведь. Завидев весёлого, зверь начал ему кланяться и просить лапами. В углу дымилась куча помёту. Скоморох снял шапку и поклонился медведю в ответ:

– Михайла Иванович! Сей вот – Василий Березанский, новоприбылой наш товарищ. Прошу любить и жаловать, – и Васке на медведя показал. – А сие – главный кормилец ватаги нашей, самолучшей ярославской породы. Учён всему на свете, только говорить не хочет... Да не бойся, зубки у него подпилены, а своего он не помнёт.

Медведь посмотрел на Васку действительно умными, прямо-таки

человечьими, глазками и поклонился теперь ему. Мальчик достал из сумы корочку и, сам удивляясь своей смелости, дал её с ладони. Проглотив угощение, зверь принялся обнюхивать суму.

– Ему б винца лучше, – не оборачиваясь, заметил Бажен.

Он тряс за плечо мужика, спавшего на лавке под полушубком. Тот мычал всё громче, но не просыпался. Бажен скатил его на пол. Мужик поднял, наконец, голову и стал изумлённо озираться.

– Ты что ж это, Филька, зверя не выводил? Хозяин обижается. Поди-ка убери.

– Цей таков? – не отвечая, показал мужик на Васку. Черноволосый, густобородый, глазки имел он маленькие и совершенно медвежьи. Это был, конечно же, поводырь медведя. Когда Филя поднялся на ноги, увидел паренёк, что ростом они почти одинаковы, только скоморох раза в три его толще. Похоже, что в детстве своем рос он не вверх, а вширь.

– Будет сей отрок нам товарищем. За козу плясать будет. Звать Ваской, сам сирота. Грамотный и чтёт скорописное бойко... А писать умеешь ли?

– Умею.

– К чему в ватцаге грамоцей? – почесываясь, пробурчал медведчик. – Луцше бы плясовую суку купили... То дельце дородно.

– Купишь её... Чем Мишу кормил?

– Не ели ещё.

– Томилка где?

– Недалецко.

– Завтра снимаемся. Надо хоть на харчи дорожные заработать. На Москве говорят: пришли датские послы и стали на месте обычном.

Филя взглянул вопросительно.

– На Посольском дворе. В Зане-глименьи, у самых Никитских ворот.

Филя кивнул.

– Попробуем их позабавить. Только стрельцов подарить нечем, чтоб допустили.

Филя пожал плечами.

– Убери пока за Мишей. А ты, Вася, с нами пойдёшь. Поглядишь, как работаем.

– Лучше бы мне тут пересидеть. Вдруг дядьку Гаврилу встретим...

– Беглый? – Филя возмущенно посмотрел на Бажена. – Мало тебе было, атаман?

Стукнула дверь. Это пришёл, как маленький понял, третий скоморох, Томилка. Был он костист, хмур, неприветлив. Васка никогда бы не поверил, что скоморохи бывают такими. Поговорив о непонятных пока ему своих делах, весёлые споро собрались, вывели Мишку и вышли сами, нагруженные потешными снастями. Клеть сразу показалась нежилой, давно заброшенной.

Васка посидел на лавке, потом достал из сумы горбушку и поел хлебца. Собрав крохи в ладонь, привычно забросил их в рот. Кучу в углу Бажена заставил-таки медведчика убраться, но острый запах остался. Беглец лёг на лавку, накрылся с головой своим тулупчиком и тихо заплакал.

Глава третья, а действие её происходит на дороге под Курском, где наших скоморохов ожидали, как оказалось, новые знакомства

Прошёл месяц. Всё, что растёт на земле, ярко зазеленело, а Васка загорел, окреп и даже (так казалось ему) подрос, и смешно было теперь вспоминать о тех старых страхах и опасениях. Он почти совсем освоился в ватаге, а главное дело, по душе пришлась ему походная жизнь, полюбил малый глядеть, как выплывают из-за поворота леса и холмы; сперва неловко и даже стыдно было, а теперь уже нравилось входить в новую деревню, примечать, зажиточны ли люди, как построена церковь, встречаться взглядом, гордо подбоченившись, с изумленно-любопытными глазами детей... А было,

было чему дивоваться. Васка и сам успел подучиться новому ремеслу, хоть чтение и письмо, ей же ей, давались ему легче.

Правда, в начале похода, особенно когда пришлось скоморохам отпустить нанятого на Москве возчика и брести с поклажей от села к селу, было беглецу с непривычки тяжко. Потом ватаге повезло. В Курске на конских продажах поиграв, они заработали уже совсем прилично, и атаман с Филей, захватив с собой и Васку – для научения, отправились прицениваться к лошадям. Бажен после признавался, что рассчитывал только на московское авось: за те два рубля с полтиною, что могли они дать, ничего, кроме травяного мешка, жердями подпёртого, не купишь.

И вдруг попали на мужика с польской стороны, из Ромен, который продавал мерина лет одиннадцати, голубого, однако на их дело годного. Знаток в конских покупках считался Филя. Посмотрев, где надо было, он скривился. Бажен на всякий случай спросил цену. Мужик, не отвечая,

осведомился, сколько они дают. Бажен начал торговаться с двух рублей – и мужик сразу ударил по рукам!

Потом, когда отдали по алтыну таможенному голове и поглядели за свои деньги, как писец записывает покупку в книгу, мужик разговорился. Оказалось, что он дал обет – избавиться от меринка не торгуясь. Три года с ним промучился: домовый Голубя невзлюбил, а тут уж ничего не поделаешь. И хлев сам собою загорался, и с жёнкою нелады, и чего уж только не случалось... Продали было Голубя в соседнее село, и там у хозяина началось такое же лихое действо, пришлось деньги назад отдавать. Бажен заверил мужика: у них-де, людей походных, старичка домашнего нет, да и завестись ему, домовому, негде. Потом купили телегу по сходной цене. Упряжь сторговали, уж совсем поверив в своё покупательское счастье – да она оказалась гнилой...

Голубь пока никак не проявлял своего дурного нрава. Может быть, оттого, что боялся Мишки: всё прижимал уши и косился в ту сторону, откуда несло

медвежьим духом. Телегу тянул ходко. Васка горько сожалел, что никто из московских знакомцев не видит его сейчас с кнутом и вожжами в руках.

За его спиной Бажен спросил сонным голосом:

– Слышь, Филя, это про вас, пошехонцев, такое сложили? Вот:

Гаманяць, гаманяць,
Я и пошёл доганяць.
Думал – то люди,
А то пошехонцы.

Филя промолчал. Бажен, позёывая, перебрался к Васке и забрал у него вожжи.

– Отдохни. Я эту дорогу знаю, тут вскорости такие ухабы пойдут...

Телега выехала на пригорок. Теперь лес справа поредел, и видно было, как там, за верхушками сосен катится, не отставая, красное закатное солнце.

Филя подтянул на цепи Мишку, бежавшего, переваливаясь, рядом с телегой, побурчал ему в мохнатое ухо, расстегнул ошейник с намордником

и хлопнул по спине. Взвилось облачко пыли, зверь радостно взбрыкнул задом и пустился в кусты.

– Филя, а ты не боишься, что Мишка сбежит? – спросил Васка, отчихавшись.

Медведчик смотал цепь и ответил неохотно:

– Поймаю – гляделки выколю. Он знает.

– Откуда ж знает?

– Да сказано ж было ему давно.

Васка помолчал, прислушиваясь к треску в кустах, подумал-подумал и решился:

– Слышишь, Филя, это у вас, пошехонцев, когда один мужик из пищали стреляет, то другие в дуло заглядывают: смотрят, как пуля вылетать будет, а?

Филя подумал, потом коротко замахнулся. Шутник не успел увернуться, в ухе у него загудело.

– За что, Филя?

Обидчик молчал. Бажен сказал весело:

– А поделом. Мал ты ещё со старшими шутки шу... шутить. Н-но! Н-но!

Он привстал и хлестнул Голубя кнутом. Почти сразу же раздался страшный свист. Свистели так лихо, что у Васки заболело ушибленное ухо. Он не видел уже, что там происходило впереди, но телега стояла, а из кустов прямо на него продирался здоровенный мужик с рогатиной. «Разбойники», – подумал Васка, ничуть не испугавшись: это ему, конечно же, снилось. Свист смолк.

– Здорово, господа купцы! Пожалуйте в гости ко мне, атаману Петьке Бособроду. Молитесь, кто умеет.

– Какие ещё там купцы... – протянул жалостно Бажен.

– Тащи их, ребята, на стоянку. Головы замотайте, а то вдруг ещё отпустим... Находит и на меня весёлый стих.

Васкину голову закутали в его же тулупчик. Мотало немилосердно из стороны в сторону, Голубь хрипел, ветки хлестали по тулупчику, больно били по рукам, наконец нечем стало дышать.

– Выволакивайте-ка их, ребятки, поглядим на добрых молодцев, – раздался тот же задорный хриплый голос, и Васка подхватил тулупчик, сдёрнутый с

его головы. – Небось, уже успели портки подпортить, а?

Скоморошья телега стояла на большой поляне. Солнце садилось, и тут, в тени большой лесистой горы, уже стемнело. Горел костёр.

Разбойник, что распоряжался, стоял перед пленниками, важно подбоченившись и отставив ногу в кривом стоптанном сапоге с завязками. Шуба зато на нём была знатная, на куницах, крытая немецким синим сукном. Вместо бороды торчала чёрная щетина. Глаза глядели строго, будто у стрелецкого головы.

– Мы скоморохи, господин честной атаман, – поклонился ему Бажен. – Что тебе с нас взять, с бедных людей? А люди мы боярские, что добудем, то и...

– Скоморохи, скоморохи, атаман. На телеге никакого товару, кроме харь⁸, потешных портов и дрянной походной рухляди.

Это доложил низенький разбойник, небрежно покопавшийся в скоморо-

⁸Харя – тут: маска.

шьей телеге. Был он бос, зато за роскошным шёлковым поясом имел два пистолета с блестящими медными шарами на концах рукояток. Атаман облокотился на борт телеги, картинно подпёр кулаком висок и задумался. Наконец, промолвил уже без прежнего напора:

– Что ж, мы, как это всем честным людям известно, бедняков не трогаем, мы сами люди бедные... А помогли бы вы нам, скоморохи? На харчишки, на зелье для пицалей подкинули бы, бедности нашей ради? Ну, как?

– Откуда у нас деньги, господин честной атаман?

– Жадность вас губит... А ну-ка, ребятки, вытряхните этого верзилу из сапог! Ишь ты, сафьянные завёл, чтоб девки любили.

Бажен не сопротивлялся. Товарищи его стояли смирно, только Филя вертел чёрною головой. «Мишку высматривает», – догадался Васка.

– Так... Теперь мы тебе, жадный ты человек, пятки поджаривать станем.

– Жарьте, коль охота, – спокойно отвечал Бажен. – Мне от этого только щекотно будет.

– Что ж так? Садите-ка его к костру!

– У меня под кожу зелье одно зашито. Хотя бы двенадцать палачей старались – оттерплюсь.

– Тогда скажи, какое? Пытать не станем тогда.

– Дёшево такое зелье ценишь... Уж лучше щекотка.

– Убери головню, Уклейка, – скучно распорядился атаман. – Нет такого зелья от пытки, чтобы его под кожу зашивать. Храбрый ты, однако.

Бажен, всё ещё сидя, замотал портянку и вопросительно взглянул на атамана. Тот махнул рукой:

– Взувай уж. Куды тебе в лаптях до девок?.. А всё ж таки, господа весёлые, просим у вас – могу и шапку скинуть – на бедность нашу. Правда ведь, с голодухи подыхаем.

Бажен полез за пазуху и протянул атаману что-то маленькое, блеснувшее в свете костра. Васка шагнул вперёд, присмотрелся – был то золотой перстень с бирюзой. Потом Бажен достал

кошель с казною ватаги и высыпал большую часть монеток на землю перед атаманом Бособродом. Тот кивнул.

– Благодарствую. Бога за вас молить, правда, не обещаем. А теперь потешьте-ка нас, лесных молодцов. Винца у нас третий день нет, да и вы не привезли. Скучно.

Разбойники заулыбались. Бажен заявил, что надо подготовиться, и собрал ватагу у телеги.

– Филя, ты слушал?

– Не слышно. А мницца, цто зверь недалеко. Не дай Бог, караульный разбойничек подстрелит... Ацаман, да глянь же на Томилку!

– У нашего Томилки задрожали поджилки. Ничего... Потешим уж их, чертей. Разыграем-ка, братцы, песню про Уса! Я буду атаманом, ты, Томилка, богатым мужиком. Харю Старика вздень, дрожать дрожи, но чтоб смешно было! А тебе, друг Филя, самое простое: будешь бабою мужика, без хари. Молчи, только морду корчи позабавнее. Начнём с тебя. Томилка, вяжи Филе платок, а ты, мальй, давай крути юбку из рогожи. Да только ты, Васенька, одним

глазом на нас поглядывай, а ушами обоими прислушивайся: Мишка наш в кустах не бродит ли?

– Ухо-то у меня до сих пор гудит.

– Гляди, сейчас по второму ещё и у меня заработаешь! Нашёл время обижаться.

Потеха удалась на славу. Бажен изображал знаменитого воровского атамана Уса и посему приклеил на свои усы ещё одни, чёрные и длиннющие, а к поясу привесил деревянную саблю. Бажен настолько ловко подражал выговору атамана Бособрода, что лесные молодцы, уже услышав только его голос, начинали помирать со смеху. Да и Филя с Томилкой старались изо всех сил.

Вот Ус со своими разбойниками стучится к богатому мужику и просит угощения: попить бы чего, поесть да позавтракати. Томилка, уморительно пятясь и подпрыгивая на каждом шагу, тащит походный котёл, означающий, как заявляет Бажен, ушат с кислым молоком, а Филя в юбке и платочке волочит мешок и высыпает из него

воображаемое толокно в котёл. Атаман Ус поднес важно к усам воображаемую ложку – и тут же трое молодцев, должно быть, первые затейники в шайке, достают ложки, становятся рядом и принимаются причмокивать и закатывать глаза.

Атаману Бажену угощение понравилось меньше:

Да спасибо те, хозяин,
на кислом молоке,
Да спасибо те, хозяйка,
на овсяном толокне.
Хорошо ты нас, хозяин,
напоил-накормил,
Ещё б ты нас, хозяин,
да казною наделил.

Мужик и баба его клянутся-божатся, что денег нет. Атаман подкручивает усы. Васка видит, что один ус у него отваливается, и теперь Бажен должен будет его придерживать рукою до конца игрища. Тем не менее, Бажен ухитряется стать фертом – руки в боки – и сипит:

Ты пойдѣ, Самсон, сколупни
в печи заслон,
Вы кладите-ка хозяина
у пылу под дыру!

Мужик тут же падает на спину и дрыгает тощими ногами, а Филя в платочке, охая и хватаясь за голову, приносит всё тот же котёл, только теперь это уже кубышка с деньгами. Бажен, прощаясь с мужиком, выводит торжественно:

Ты живи, мужик, подоле,
Ты копи денег поболе.
Мы и двор твой знаем –
опять зайдём,
Мы кубышку твою знаем –
опять возьмём,
А тебя дома не найдём –
и двор сожжём!

После игрища пришлось ещё долго петь и плясать.

Последнее, что запомнил Васка, засыпая: Бажен сидит на пеньке, голову уронив на руки. Очнувшись на

рассвете, малый увидел его на том же месте, и показалось ему, что атаман и не пошевелился за ночь.

– Баженко, ты живой?

– Да ещё как жив! – поднял Бажен смеющиеся глаза. – Пошарь-ка с береженьем по кустам, а вдруг... Я пошёл атамана будить.

Как можно было найти следы Мишки в таком тумане? Весь промокший от росы, Васка возвращался ни с чем, когда услышал невдалеке голоса Бажена и атамана Бособрода. Неудача-разведчик замер.

– ...на все четыре стороны! Нам после завтрашнего дела на эту стоянку всё одно не ворочаться.

– Можно и глаза снова замотать, мы люди не гордые. Слушай, господин честной атаман, верни перстенёк, челом бью. Его мне мать-старушка перед смертью подарила.

– У меня, браток, заповедь положена: что взял, волею своею не выдавать. Как же буду я себя уважать, если заповедь ту порушу?

– Бог с ним, с перстеньком. Теперь скажи мне, как ты понял, что я про зелье соврал?

– Есть такое зелье, от пытки. Только его не под кожу зашивают, оно другое употребление имеет.

– Что ж, с тобою спорить тяжко. Благодарю за науку... – Бажен переминался с ноги на ногу, готовясь отойти. Вдруг он поскользнулся на росистой траве и, чтобы не упасть, уцепился за атамана. Тот не пошевелился.

– Экой ты неловкой! Что ж, выезжайте. Эй, Третьяк, Уклейка! Помогите им телегу на просёлок выволокти.

– Мы ж не запрягли ещё...

– И не хлопчите. Меринок ваш нам нужнее.

Бажен крикнул. Лесные молодцы весело переглянулись при виде заспанного Фильки и проворно выкатили телегу на оказавшийся почти рядом со стоянкою просёлок. Колея еле виднелась в буйной траве.

– Братцы, где мы?

Молодцы без звука исчезли в кустах. Томилка, выждав, принялся ругать раз-

бойников, замысловато сопрягая зазорные слова. Филя не поднимал головы.

– Главное, живы, ребята, – заявил весело Бажен. – Поймаем мы, тебе, Филька, нового друга. Твой ярославец староват становился... Ух, была у нас телега и одна кляча, а теперь разбогатели: телега всё та же, зато кляч уже четверо! Давайте, ребятки-жеребятки, приспособимся получше. Гей-гей – а перстенёк-то у меня! – и он достал перстень из-за пазухи.

– Ловко, – процедил Томилка, оглянувшись.

– За такую ловкость в немцах руки рубят, – ухмыльнулся Бажен.

– Баженко, для чего ты... ну, придумал, что перстень тебе матушка дала?

– А чтоб жалостнее, Вася... Мать, что она, мать... Она меня как на свет выпустила, так сразу же почти и оставила на Божье произволение. Ну, поехали. Выше голову, Филя.

Глава четвёртая, в которой рассказывается о странных, прямо скажем, обычаях гостеприимства, принятых у обитателей лесной деревеньки Хворостниковки

Как назло, просёлок пошел в гору. Через полчаса пришлось передышать. В животе у Васки сосало, и не было нужды в великом разуме, дабы догадаться, что и у других ватажников кишки к хребту прилипают. Томилка, в голодном разе лютый паче всех прочих – потому, верно, что и без того худ, как щепка, – пристал к атаману.

– Где мы хоть, узнаёшь?

– Ага. Коль я атаман, так должен был каждую пядь Московского государства обшарить, чтоб тебе, когда прикажешь, донести. Лучше б ты...

Тут Филя вскочил на ноги. Теперь уже все услышали мягкий топот. Из-

за поворота возник Голубь, подбежал, волоча чужую упряжь, кивнул головой и, как ни в чём не бывало, принялся щипать траву у телеги.

Не успел никто слова сказать, как на дорогу, сопя, выкатился Михайло Иваныч. Он ткнулся носом в руку поводеельщика, потом сел у его ног, поклонился честной кампании и высунул красный язык.

Бажен молча руками развёл. Филя заявил гордо:

– Зверь-то мой живоцинку пригнал!

– И вовсе нет! Голубок сам пришёл и путь Мишке указал, – обиделся за мерина Васка.

– Оба молодцы. Перемигнулись, решили, что устарели уж для разбоя того, и подались прежнюю работу работать. Что ж, Васка, запрягай нашего благодетеля. Надо хоть куда-нибудь выехать, а то кишки сводит.

Лес, чем дальше, тем гуще становился и черней. Колея местами позаросла мелким сосняком, а иногда совсем исчезала. Васке уже чудились меж ветвей крадущиеся тени, зелёные глаза лешего

вспыхнули там вдруг и погасли, тень русалки метнулась, потревожив росу. Боязно стало посмотреть в ту сторону, и он заставил себя не прислушиваться к лесным шорохам.

Солнце с утра укрылось за низкими, плотными облаками. Трудно было понять, обеденная ли пора длится, или уже, ох, к ужину идёт... Вдруг Голубь приостановился и начал стричь ушами.

– Чует жильё, – встрепнулся Бажен. – Скоро конец посту!

– А ежели опять разбойники? Лес-то какой дикий! – проворчал Томилка.

– Ну нет, то был бы недосмотр Господень. Хотя через такие облака и за чернецами трудно уследить, не то что за скоморохами... Ну вот, наконец.

Перед ними лежала развилка с разъезженным, пыльным просёлком. Теперь надо было решить, куда поворачивать, чтобы оказаться ближе к жилью.

– Брось вожжи, Васка, – наказал атаман. – Коль Голубок у нас такой разумный, пусть и дальше сам ведёт...

Мерин пожевал губами, забрал, головою кивая, круто влево и запы-

лил чуть ли не в ту же сторону, откуда пришли. Скоморохи беспокойно переглянулись: никому не хотелось снова оказаться в гостях у атамана Бособрода. Вскоре, однако, колея начала загибаться вправо.

– Тпру, – вскричал Бажен, – На дубе грань! Томилка, сходи да погляди, что на ней.

Васка присмотрелся. На стволе сосны светлеет затёс. Спросил несмело:

– А что такое грань, Баженко? И для чего?

– Да вот придумано такое, чтобы, где чья земля, не путаться.

А тут и Томилка вернулся.

– Знамя на грани – санный полоз. Чьё оно, атаман?

– Сам бы знать хотел, друг.

– А что, как на польскую сторону заехали?

– Кончай, Томилка, малого пугать! Тут границы по рекам больше... Н-но, благодетель ты наш ушастый!

Через полчаса впереди посветлело, и стало понятно, что лес кончается или что там, на худой случай, большая

поляна. Выехав на опушку, увидели они пашни, тяжким трудом вырванные некогда у леса, посреди них деревню дворов в тридцать, а там, дальше, снова синел лес. Дорога, которой они приехали, проходила через ворота в жиденьком частоколе, сейчас открытые, и тянулась к высоким хоромам, а над ними темнела луковица невзрачной церквушки. У хором видны были люди, над избами курились дымки, и голодным ватажникам показалось, что ветер доносит соблазнительные запахи варева.

– Не завтракавши, так хотя поужинать! – заявил атаман, сбрасывая дорожный кафтан. – Ну, братцы, оболочайтесь!

Деревенские должны были быть радостно изумлены, услышав с опушки разудалую музыку. Самое им время бежать к частоколу, повиснуть на нём и веселиться душой, наблюдая, как приближается к селу скоморошья ватага. Впереди, в шутовском короткополом платье и разноцветных (левая штанина – синяя, правая – желтая) немецких

портках скачет высокий красавец, подыгрывая себе на волынке. За ним кружится на задних лапах медведь, его вожатый в маске Смехуна бьёт в бубен с колокольчиками. Ещё один скоморох кувыркается и ходит колесом. За ними ведёт под уздцы лошадь, запряженную в телегу, последний ряженный – почти настоящая коза с барабаном на груди.

Через прорези под козьей головою трудно было Васке осматриваться толком, однако углядел он, как ворота закрылись было, но сразу же распахнулись ещё шире. Дивно, подумалось ему, что крестьяне до сих пор не выставились на частоколе или хотя бы в воротах – в лесу народ, что ли?

Бажен остановился перед воротами, подудел на три стороны, поклонился и завёл своё:

Здравствуйте, честные господа!

Пожалуйте все сюда!

Мы пришли вас потешить

И всякими играми утешить.

И вы нас утешьте:

накормите-напоите,

Казною наделите и спать уложите!
Так мы в любви учинимся,
Друг дружке пригодимся...

Эге!

Тут он вдруг присел, взял волынку под мышку, повернулся на высоких каблуках и помчался вспять, к опушке. Васка, забывший от испуга сбросить с себя «козу», начал заворачивать Голубя с телегой, а когда оглянулся, похолодел: на ватагу молча накатывалась целая стая лохматых псов.

Бажен всё так же бежавший последним, не слишком теперь торопился и часто оглядывался. Вожак стаи догнал его и, коротко подпрыгнув, ухватил за полу кафтана. Бажен прицелил ему в лоб каблуком – и пёс покатился, не выпуская из зубов красно-зелёный лоскут... Остальные пронесли мимо и не тронули уже никого из скоморохов: Михайлу Ивановича, вот кого они увидели... Медведь на бегу смешно взбрыкивал задом. Когда свора настигла его, сел на задние лапы, ловко отбросил летевшего прямо на него и уже совсем близко от зверя заробевшего молодого

пса, на второго, перекрывшего ему путь к лесу, прыгнул, подмял под себя... Голубь тревожно заржал.

– Цо стоишь, как пень! – закричал тут на Васку медведчик, выхватил у него из рук кнут и бросился выручать своего кормильца.

Мишка уже залазил на дуб. Враги успели поживиться только парой клочков шерсти с его мохнатых ляжек. Подоспевшие скоморохи отгоняли собак от дерева, чем могли.

У частокола сыграл охотничий рог. Псы нехотя потрусили к воротам, двоих, оставшихся на земле и зализывавших раны, Бажен поддел носком сапога, поворачивая к остальным, и сам спокойно направился за ними. Васка, чувствуя в груди нарастающий холодок, догнал атамана.

– Ты куда это, мальй?

– А ты?

Бажен отогнул полу кафтана:

– Мешковиною мне его, что ли, латать прикажешь?

Подошёл к вожаку стаи, всё ещё дрыгающему, будто на бегу, всеми

четырьмя лапами, разжал пасть и вытащил лоскут.

– Дюже не хочется уходить. Не смекну никак...

– Гляди, Бажен!

В воротах стояли люди, по виду дворянин и его слуги. Хозяин одет был в шёлковый, даже под пасмурным небом переливающийся лиловый подрясник⁹, на плечи накинута соболья шуба. Дородный бородач с ключами у пояса и холоп с рожком и арапником¹⁰ почтительно держались сзади.

– Победих! Победил еси проклятый сатанинский выводок! Дивен Бог во святых своих, Бог Израилев! – завопил, вдруг высоко подпрыгнув, дворянин.

– Эй, боярин! Нешто можно людей собаками травить? Гляди, найдётся и на тебя управа!

⁹*Подрясник* – нижняя одежда православного духовенства. Во время церковной службы обязательен чёрный подрясник, вне неё допустимы любых цветов. Хозяин поместья, человек, как увидим, вольнодумный, носит подрясник, чтобы подчеркнуть своё благочестие.

¹⁰*Арапник* – длинная охотничья плеть с короткой рукояткой.

Не обратив на Бажена внимания, помещик внезапно бухнулся в пыль, оборотился резво на коленках спиной к скоморохам и принялся бить поклоны в сторону креста на церквушке.

– О святая дево Параскева! О пречудная Пятница! Сколь утешила раба твоего, даровав мне в день твой, пяток, победу над нечестивыми скоморохами. Радуйся, пресвятая Параскева, яко в девстве своем муки претерпела еси! Радуйся, пречестная дева...

Продолжая кланяться, креститься и выкрикивать церковное, он вполз на коленях в ворота и исчез из виду. Холоп с арапником, осторожно ставя свои босые лапищи, двинулся за ним. Дородный ключник¹¹ остался на месте, спокойно рассматривая Бажена.

Атаман покрутил пальцем у виска.

Ключник важно кивнул, указал рукою на опушку, вытянул её ещё дальше и резко загнул ладонь вниз. Потом, так и не сказав ни слова, ушёл и запер за собою ворота.

¹¹Ключник – в XVII веке это управитель поместья, старший над дворовыми, у него были ключи от всех построек.

На опушке Филе уже удалось смазать Мишку с дуба, однако тот никак не мог успокоиться, скалился даже на поведельщика, рычал и всё норовил удрать подальше в лес.

– Напрасно ты, друг Томилка, снасть завязываешь. Чую, будет нам ещё сегодня работа. Подождём пока здесь.

Томилка отвернулся. Филя выкрикнул:

– Зверь вам больше не работник! Я отсюда далеко не пойду, а ночью проберусь в деревню, кой-кого поцешу.

И сунул руку за голенище.

– И я не прочь вернуться. Давненько меня собаками не травили, – мрачно заявил Томилка.

– Ишь, храбрецы какие... А не кажется ли вам, братцы, что именно сюда сбирался наведаться один наш недавний знакомец? Близко ведь... Тихо, вон ключник идёт.

Глава пятая, об истории жизни князя
Хворостинского, рассказанной его холо-
пом Луковкой, и о завершении оной,
предугаданном Блаженном

– **В**ог в помощь, весёлые.

– Спасибо на добром слове, да только на деле... Отчего ж вы так гостей встречаете?

– Хозяин наш, князь Пётр Семёнович Хворостинский (не слышали?) весёлых крепко не любит, вот и приказал псарю натравить... До того в святость ударился, что все тут стонем. Ни песню запеть («сатанинские», ты ж понимаешь), ни на Купалу погулять – куда там! Попик тут у него свой, так батогами в церкву сгоняют и часами гноят. Разве мы татары-новокрепченцы какие, что нас надо наставлять беспрестанно? Детей

крестим, венчаем, попа и попадьё кормим – и не замай нас!

– Чем же мы вам поможем, почтеннейший?

– Ты, как я понял, парень головастый. Знаешь, небось, что рядом с богатым дураком люди разумные могут жить, и жить неплохо. Всё у нас есть, слава Богу, только скука зелёная нам, медведям лесным, да ещё с таким господином... Потешьте нас, лучших людей, да и чёрных мужиков заодно.

Бажен молча поднял правую руку чуть ли не к носу мужика и потёр большим пальцем об указательный.

– Вот, здесь полтина денег, – кивнул мужик. – И накормим, и напоим, как ведётся. Только не в деревне, знамо дело, а с той стороны леса, на поляне. Там сенник, там и заночуете. Барин теперь целую ночь станет молиться, победу праздновать... Тем летом на ржаной сноп ведьму на костре сжёг, так неделю потом этак праздновал, чуть не преставился... Вы нам позабористей там, посолонее.

– Понятно. А как нам ловчей туда доехать?

– Вожа дам. Гей, Луковка! Так у сенника.

На место растворившегося в сумерках толстяка выдвинулся из кустов паренёк в длинной холщёвой рубахе, босой. Смотрел он на весёлых счастливо и испуганно.

– В первый раз игроков вижу...

– Скажи лучше, чего принес? – спросил нетерпеливо Томилка, тонким пальцем указывая на берестяной короб и кувшин у ног парня.

– Это вам на перехватку пирогов и пива, от ключника. А то у них глотки пересохнут, говорит.

– Мудро говорит. Садись с нами, – приказал Бажен.

– Благодарствую, сыт.

– До трёх раз приглашать некогда, сами в миг подметём... Вот так-то лучше. Михайло Иваныч, угостись!

Деревенский замер с куском пирога во рту, глядя, как подобревший Мишка тянет пиво из оловянного ковша-

братины. Скоморохи дружно жевали. Наконец Бажен встал и отряхнулся.

– Полегчало, братцы? Веди, пора.

– Нечего тут вести, господа скоморохи... Налево вдоль леса, по просёлку, и там... А в нём, в Мишке, не человек ли сидит?

– А ты подойди да сам пощупай!

– Ну-ну...

– Что ж, ваш ключник всегда такой ласковый? – небрежно, уже на ходу, осведомился Бажен.

– Матюшка-то? Змей он лютый, хуже барина. Выколачивает с мужиков и на господина, и на себя. И тиун такая же собака, дружки они... Тиун Петьку Бособрода за малость такую – соху тот на пахоте сломал – до полусмерти засёк. Петька сбежал, стал разбойником, придёт сюда с ватагой – отольются кошке мышскины слёзы!

– То ли ты, брат, пьян, то ли смел...

– Чего? А... Кого мне – вас ли, игроков, бояться-то? Разве не вас сегодня барин собаками травил?

– Так, так... Видишь, Вася, с каким храбрецом нас судьба свела? Ну, прямо

тебе могучий богатырь Алёша Попович! Вася, ты сегодня споешь, выбирай сам песню, что желаешь. Не всё тебе Голубя чистить да козою вертеться.

– Боязно, Баженко...

– Сором тебе, парень вон своего барина не боится... А с чего барин твой свихнулся – али всегда таким был?

– Свихнулся. Про то лучше бы старики рассказали...

– Некогда нам стариков ваших спрашивать, валяй сам.

– Господа наши в старопрежние времена всегда на Москве жили. А как началось царствование Дмитрия Ивановича...

– Гришки-расстрижки, что ли? – повернулся к мальцу Бажен.

– Кому Гришка, а нашим дедам – царь Дмитрей, они за него воевать ходили, – с комической серьёзностью произнёс Луковка, и Васка догадался, что тот повторяет затверженное от старших. – Я, правда, сам смекаю, что на настоящего царевича он не тянул: такую змею, как наш барин, на груди пригрел! Князь Пётр Семёнович был тогда молодой,

так царь Дмитрий его за красоту, тьфу, полюбил и сделал, как это, своим коровчим...

– Ох, уморил! Кравчим¹², наверно... А ты, небось, думаешь, что он царских коров гонял?

– А что? Ежели есть такие бояре, что сапоги с царя стягивают и тем живут (да столь сладко живут, как нашему мужику и не снилось), то отчего ж... А боярин наш крепко возвеличился, даже песню поносную сложил, говорят, про Московское государство...

– Песню? – хмыкнул Бажен.

– Ну да, сложил да ещё и на бумаге написал... Потом полякам, дружкам своим, на посмеих читал. А как смута поутихла, взяли его, голубчика, и в монастырь на смирение. Вот там он за десять лет и досмирялся... Теперь всё с бесами воюет. А вот и сенник. Общество уже в сборе.

У овина горел костёр. Перед ним восседал на сене давешний ключник,

¹² *Кравчий* – придворный чин московского царского двора. Руководил стольниками, подающими к царскому столу еду и напитки.

чуть позади – ещё трое; по одежде судя, были это богатые мужики. Остальные зрители стояли за их спинами полукругом, мальчишки спереди.

– А своих девок и баб куда подевали?

– У нас в Хворостиновке того в заводе нет, чтобы баб на игрища пускать, – пояснил нехотя ключник. – Поглядит баба на медведя – мохнатку ещё родит...

Бажен хохотнул коротко, приладил волынку, вышел вперёд и поскакал вокруг костра, дудя превесело...

Они уже заканчивали, уже Васка, весь в поту, счастливый тем, что испытание позади – отпел своё и отплясал, и мающийся, что скажет о нём атаман, уже снимал он с себя потешное, уже Томилка, успевший снова проголодаться, свирепо поглядывал на большую корзину с закуской, стоящую возле богатых мужиков, когда представление прервалось.

Из кустов выскочил вдруг сам господин князь и, подпрыгнув точь-в-точь, как днём, завопил:

– Снова они тут, исчадия Сатаны! И мои холопы тут! Измена! Уж подписали

на себя кабалы врагу рода человеческого! И крови своей холопской не пожалели! Засеку!

Крестьяне молчали. Васка во все глаза разглядывал бывшего Расстригина любимца: искал следы старопрежней его красоты. Не верилось что-то. Глаза белые, борода жиденькая, волос почти нет...

– Засеку сегодня же! Изменщики! Ты, толстый пёс, мало того, что мёд за рубеж тайно продал и деньги взял, так и тут... Я тебя велю Иванку на воротах расстрелять!

Лучшие люди переглянулись. Ключник встал, неторопливо отряхнул сено с колен, подошёл к господину и тихо ему сказал:

– Твоя воля, расстреляй хоть сегодня. А что ты с деревни без нас, рабов своих нижайших, возьмёшь? И кого сечь меня заставишь, а тем паче – расстреливать?

– Сказано во Псалтыри: «Прийми оружие и щит, восстани на нечестивых!», – князь оборотился в темноту. – Иванко, раздувай фитиль! Сам пицаль возьму.

Ключник потемнел, но ответил ещё тише – так, что на сей раз Васка едва расслышал:

– Поди лучше помолись, баринок. Это тебе не в Расстрижкиных палатах задом крутить. Завтра только словом заикнись про нашу забаву – только ты нас и видел. Свет широк, и без тебя, богомольца нашего, проживём. А теперь охолонь, княже Петро Семёнович, и поди в свой терем. Поди, поди, коли хочешь, чтобы меня мужики боялись. Поди с миром. Попу Мосейке поклон от меня, грешного, передай.

Князь замер. Потом сорвал с головы монашескую шапочку, бросил её на землю, растоптал и закричал ещё пуще:

– О горе мне, о адова пасть окаянному! Песни сатанинские слышал, нечестивое плясание отрока хареносительного¹³ зрел и соблазнихся. Како отмо-
лить? Како умолити тебе, Дева святая?

¹³ *Хареносительный* – в маске.

Он бухнулся на колени и уполз во тьму. За кустами послышалась возня, в землю глухо ударили копыта... И стихло.

– Баженко, чем это засмердело, когда князь появился? Неужто это от него так воняет? – зашептал Лучка атаману на ухо.

– Нет, братец, это фитиль на пищали смердел. Ты разве не знал? Фитиль в козлиной моче вымачивают, чтоб дольше горел.

Тут ключник прокашлялся и важно обратился к Бажену:

– Спели б вы теперь нам, игрецы, «Во лузех, во чистых...»

– Твоя воля, хозяин, – спокойно ответил атаман, ловко поклонившись.

Угощение закончилось поздней ночью. Мишка, вдоволь насытившись, храпел под телегой, Филя заливался соловьём у него под боком. Бажен, отчаянно зевая, втолковывал Васке:

– Я ту ночь сторожил, теперь твоя очередь, разведчик. Да, да, ты в кустах

сидел, что твой татарин, когда мы с... – он оглянулся, – со знакомцем беседу вели. Помнишь, что он говорил?

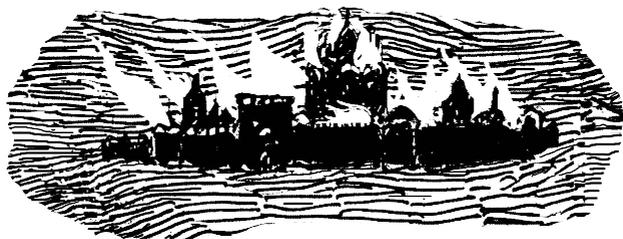
– Не понял я тогда ничего.

– А я понял. Если он нас отпустил тогда, дорогу к своей стоянке открывши, то он либо дурак (а не дурак!), либо всё едино уходить вздумал... Поверь мне, те добрые люди придут сюда или сегодня ещё, или завтра ночью. Не спи, братец, проспичь – всю ватагу погубишь... Только там, в Хворостиновке той проклятой, загорится, закричат, в сполох ударят – буди всех!

– А почему ты решил...?

Атаман уже спал, подложив под щеку маску Смехуна. Васка разыскал Голубя на тёмном лугу за сенником и проверил, надёжно ли тот стреножен. Оборотясь спиной к лесу, невольно поёжился. Уж если стоять на стороже, то с оружием. Завтра же выстругает он себе пику и обожжёт острие на костре.

За час, не больше, до света, когда пахнул свежий ветерок, и звёзды начали бледнеть, он увидел над Хворостиновкой зарево. Почти сразу же задюденил часто колокол.

Глава шестая, а в ней читатель познакомится с литавщиком Андрушкой Бубенистом и прекрасной владелицей Райгородки

Незаметно, украдкой, завладела миром осень. Всё было убрано с полей, кроме капусты и моркови, а по утрам, чтобы умыться, иногда приходилось уже разбивать ледок на луже. Зато и ярмарки пошли одна за другой, всё гуще – только поспевай, весёлые, поворачиваться, а ну-ка, атаман, выбирай, на какую ватаге податься ловчее да выгоднее! Встречались на ярмарках с другими скоморошьими ватагами, ладили миром или (что случалось реже) соединялись и удивляли народ такими игрищами, на которые не стало бы их порознь. И всё лучше понимал Васка, как повезло их ватаге с атаманом: где

ещё найдёшь второго Бажена – такого умного, умнее всех на свете, неистощимого на потешные выдумки? Однако всё чаще малый замечал, что Бажен начинает грустить и задумываться. А вот Филя-медведчик, тот, напротив, чем ближе к зиме, тем веселее становился, и что удивило Васку, в Брянске добрый час проторчал возле торговца игрушками, приценивался и к дешёвым бабым побрякушкам.

Всё разъяснилось в конце сентября, на захолустной ярмарке в большом селе Зыбково, когда закончили они там свою работу. Потные, в скоморошеском, разве что хари на затылки сдвинув, шли они на постоянный двор обедать. Мишка, пыхтя и еле лапы переставляя, плёлся за Филей на цепи.

За ватагой увязался мужичок, седенький уже, кривоногий и явно перегулявший свою меру на ярмарке. Звали мужичка Андрюшей Бубенистом, и служил он, если не врал, стрелцом-литаврщиком в Путивле, а на ярмарку послан воеводою для конской покупки. Стрелецкого кафтана на нём

не имелось – прогулял, наверное, как и казённые деньги...

– Я, Андрюша Бубенист, вам, игрецам, свой брат! С литаврами все службы служил...

– Не мешал бы ты нам, дядя, – Бажен мягко отодвинул гуляку. – Васка, плясал ты сегодня неплохо...

– Какой я тебе дядя? Да я с литавры во все походы за воинскими татарами ходил и к бою всегда был первый человек! Да я на бою с татарами...

– Слышь, дядя, чем кричать, шёл бы своей дорожкой... Филя, как там по весу – гуще вышло, чем вчера?

– Звенець-то звениць, Баженко...

– Ох, ну до чего ж я люблю игрецов, гудцов, свирельников! Сам игрец, в литавры...

– Ребята, кто видел, дядя этот пожаловал ли нас, подарил ли хотя полушкою?

– Я видел, – мрачно отозвался Томилка. – Не меньше алтына сыпанул.

– Так... Пошли с нами, дядя, угостим и мы тебя обедом – да вот и наше пристанище!

Постоялый двор, украшенный шестом с пучком соломы наверху, грязноватый и тесный, имел, однако, перед всеми прочими важное преимущество: Аграфена, молодая жена хозяина, оказалась прирождённой стряпухой и не успела ещё научиться, подавляя в себе высокий дар, кормить постояльцев скупой и невкусно.

– Аграфенюшка, радость ты наша, что есть в печи, на стол мечи! Утомились мы, спины наломали, как на жатве.

Аграфена, зарумянившись, стукнула об стол горшком со щами и метнулась за хлебом. Бубенист оглядел её с головы до ног и одобрительно промычал.

– Уж притомились... Тоже мне работнички. Сказано ведь: плясать – не пахать... – заворчала молодка, возвратившись к ватаге. Ворчала она, потому что с тревогою следила за Баженом: наскоро перекрестившись, он уже подносил ложку к губам.

– Хоть голову на плаху – таких щец и сам царь не едал! Вечно, братцы, будем зыбковские щи вспоминать, – зачастил атаман.

Когда хозяйка, довольная, вышла, положил Бажен ложку, и на лицо его легла тень.

– А ты хлебай, дядя, хлебай... Ребятки, бабье лето на исходе, зима на носу. Пора нам подумать, как дальше быть. Что скажешь, Филя?

– Ребята, поедemте ко мне, к Андрюше Бубенисту! Эх, барана заколю, пива наварю!

– На Свенскую ярмарку¹⁴ да и домув! Цто ж ещѐ!

– А ты что скажешь, друг Томилка?

– Мы с тобою, атаман, люди вольные, нам торопиться некуда... Что задумал?

– Да вот что... Ох, а ты, Вася, как думаешь?

– Что мне думать, тут и постарше меня есть. Только вот обещал ты, что на Киевщину пойдem, родичей моих поискать можно будет...

– Видишь, не пошли. А я, знаешь ли, к тому и веду! Хочу я, ребята, зазимовать здесь или к польскому рубежу поближе, а весною пораньше, хотя и на Евдокию-

¹⁴*Свенская ярмарка* – у стен Свенского монастыря под Брянском, на Андреевском лугу.

плющиху¹⁵, махнуть на Новгородок Северский да на Киев, а там успеем на ярославскую ярмарку и во Львов!

– Что за шутки! Мои детки от голодухи помруць!

– Тихо, Филя, тихо! Давайте обсудим, вместе подумаем; дело того стоит, дельце-то, Филя, дородно... А положение наше не ахти: на постоялом дворе зазимовав, проедемся и в долги залезем, а чем станем боярину платить?

– Вот я и говорю: подумаем, ребята... Заработали мы мало, вот что.

– Это вы-то, весёлые, мало заработали? Да сегодня только, на моих глазах, сколько ваш зверь в его вот шапку собрал! Ох, не буду я Андрюша Бубенист...

– А ну-ка, Филя, – отодвинул Бажен в сторону горшок. – Вываливай сегодняшнюю выручку! Ты тоже погляди, Васка, тебе полезно.

Явившуюся на столешнице кучку серебра атаман разделил надвое.

– Гляди, дядя. Это – ватаге, а это – в оброк боярину. Уразумел? Теперь нашу

¹⁵На Евдокию-плющиху – 1 марта.

горсть ещё пополам – это вот на зиму, когда бродить нельзя будет...

Васка знал уже, что скоморохи и зимою найдут, чем прокормиться, но и он, как замороженный, уставился на быстро тающую кучку.

– Вот это нашей разлюбезной Фене, зажитое да за овёс Голубю, а это – на дорогу, пока до следующего места доберёмся. Согласен, Андрюша? А вот и заработок! – Бажен ловко разделил остаток на пять равных долей и придвинул ближнюю Бубенисту. – Держи свой алтын.

– Ловко. Однако мне за что?

– А чтобы ты скорей смекнул, сколь наше ремесло доходно. Может, к нам в товарищи пойдёшь?

– Не идти на Москву – боярина сердить, – процедил Томилка и, отводя глаза от Бубениста, сгрёб все кучки в одну. – Или... Ты что ж... Совсем сбежать задумал, атаман?

– Нет, Томилка, нет. Послушаем теперь Филю.

– Мы, браццы, с Мишкой пойдём, нам нельзя не идци – домув надо.

– Тогда слушайте меня. Пусть Филя оставит Мишку...

– Голодом зверя замориць?! Не дам.

– Пусть Филя возьмет с собою Мишку, отнесет за ватагу оброк и идет к жёнке! А мы посмотрим... Чему радуешься, Васка?

– Ты ж всё на свете понимаешь, Баженко, так и это поймешь...

– Ага. Чего ж тут и смекать? Рад, что к благодетелю своему на расправу пока не попадешь и что к Киеву будешь поближе. Угадал? Только чур, Филя, пойдешь после Свенской ярмарки.

– Ладно, пусците только домову.

– Теперь решить токмо, где перезимуем... А чего тут думать-гадать, вот у Аграфенюшки! Старого мужа прогоним, из ватаги кого-нибудь на красавице подженим да здесь и зазимуем.

Вошедшая минутой ранее Аграфена раскрыла рот и чуть не уронила с рогача горшок с завлекательно дымящейся кашей.

– Ой, глядите, ребята, уже поверила, уж выбирает!

После обеда, пристроив задрёмающего Андрюшу Бубениста на лавке, Бажен позвал Васку во двор.

– Пошли разгуляемся. Поговорить надо. Хочу с тобою кое о чём посоветоваться.

Ярмарка притихла, и пыль над нею осела немного. Почти все возы были уже завязаны, под ними спали хозяева, иные кормили коней или волов. Только гончары маялись ещё подле своих горшков, да какие-то два мужика никак не могли выбрать дугу у куняющего уже белоруса. Между возами бродили не покупатели – зеваки.

– Вася, где бы нам не пришлось зимовать, а сидеть сложа руки я не привык, да и Томилке это вредно: окончательно свой норов испортит. Я вот про что: а не приловчиться ли нам с тобою потешные листы печатать, как дядя Гаврила твой?

– Листы печатать? – протянул важно Васка, гордый доверием атамана. – Слишком много снастей и припасов надо, не потянем.

– Что ж, тогда придется Петрушку делать... Ты не знаешь, верно, что наш Томилка искусный петрушечник? Монашек какой-то неистовый у него кукол поломал, а вот мешок, в коем кукол показывать, Томилка с собою второй год таскает...

– А где печатные листы, что взял ты у дядьки Гаврилы? – осмелел вдруг Васка. Отчего ж не спросить? Ведь это ж он собственноручно, как ни как, те листы раскрашивал.

– Продал я их ещё в Курске. А выручка, что ж выручка...? – и Бажен поднял руку и разжал пальцы, будто пустил что-то лёгкое по ветру. – Помнишь, небось, как загулял я тогда на неделю? Теперь опять, Васенька, душа моя ноет. Осень нынче так хороша, наглядеться не могу, будто это последняя моя осень... Да ты зелен, впрочем, чересчур, не поймёшь...

– Баженко, глянь: та барынька, что давеча на игрище...

– Где?!

– Да вон, ищет кого-то... И девка с нею та же.

Барыня плыла павою, наряженная куда как роскошней, чем в дообе-

денную пору днём раньше, когда она презрительно шурилась на скоморошьи игры. Теперь даже как будто на иноземный пошиб, вот только накрашена густо, по-московски. За нею семенила босая чернявая девчонка лет десяти да топал мужик в зелёном кафтане и грубых сапогах.

– Да не тарасься ты на них, не пяль буркалы-то, Вася, – всё так же грустно выговорил Бажен. – И кто сказал тебе, что это мы выбираем девок? Они сами нас, сладкие, выбирают, от того вся моя жизнь и загублена, от них.

– Ну и загнул же ты дугу, Баженко, – заявил малый, обрадовавшись, что в кои-то веки сумел поймать атамана на нелепой речи. – Сватают ведь родители, и чёрта ты скорее увидишь, чем свою невесту до венца... Ой, девка та к нам идёт!

Взглянул он на Бажена – и оторопел. Бажен и не глядел вовсе в сторону барыньки, наблюдал рассеянно, как ложечник собирает свой пёстрый товар в коробки, однако совершенно невероятным, чудодейственным обра-

зом сделалось так, что каждого, кто сейчас взглянул бы на скоморошье атамана, поразили бы его красота и вальяжность. Рубаха, выглядывавшая из-под воротника кафтана, была не-свежей, но такой именно несвежей она и должна была быть, ибо казалось несомненным, что теперь на Москве именно в такие рубахи и наряжаются молодые щеголи, и нитка на месте оторвавшейся застёжки завивалась щегольски же, будто так и надо было. Щетина на щеках Бажена сама собою растаяла, а усы красиво изогнулись, и закрутились у них кончики...

Вася перевёл взгляд на девчонку и увидел, что она тоже смотрит во все глаза, да только не на Бажена, что несколько обидело малого, а на него самого.

– Вот, а ты говоришь, – скучно заметил Бажен. Теперь он следил за воробьями, весело барахтающимися в пыли.

Девчонка вблизи оказалась некрасиво худой, смуглою. Глазела бесстыдно на

весёлых, однако успевала и под босые свои ноги посматривать: во всяком случае, как-то обошла оказавшуюся на её пути свежую коровью лепёшку.

– Боярыня моя, игрецы, приказала вас позвать после ярмарки в её деревню, в Райгородку, поиграть... Тут недалечко.

– А как твоя боярыня прозывается?

– Супружница сына боярского¹⁶ Ждана Фёдоровича Жирова-Засекина, звать Анной Васильевной.

– Скажи своей госпоже Анне Васильевне, что приедем с радостью и послужим ей после Свенской ярмарки. Вот тебе, красавица, на ленты! Держи подол!

Атаман поклонился издалека будто бы только сейчас увиденной им бабыньке, повернулся на высоких каблуках и зашагал не торопясь.

– Баженко, а почему ты её назвал красавицей?

¹⁶*Сын боярский* – отнюдь не сын боярина, а носитель одного из чинов служилых людей.

– А что? Вот барыньку, ту умыть сперва бы надобно, а потом разглядывать...

Васка оглянулся, но не увидел уже ни барыни, ни её девки.

– Может статься, там и зазимует, – промолвил Бажен задумчиво.

Глава седьмая, в которой скоморохи устраниваются на зимовку в Райгородке, а Филая показывает, как малые дети горох крадут

Там они и зазимовали, однако произошло это только месяца через полтора, и вышло оно как-то не совсем удачно. Начать с того, что все, кроме Васки, запомнили о встрече с той барынькой, а Васка, в свою очередь, забыл, что барынька приглашала их повеселить её, а вовсе не на зимовку.

Заморозки начались раньше обычного. Выпал снег, и мало того, что валил с утра до вечера, но и растаял только на следующий день к обеду. Скоморохи решили не дожидаться конца Свенской ярмарки, и тут-то Васка, непонятно от-

чего смущаясь, напомнил о владелице Райгородки.

Бажен, как оказалось, ухитрился выпустить её из памяти напрочь, а Томилка заявил язвительно, что ему всё равно куда ехать и что Васка, может быть, вспомнит ещё, что их приглашал к себе и некий болтун Андрюшка Литаврист (или Бубенист?), вот только куда приглашает, не сказал.

Как съехали на рассвете с постоянного двора, малый оглянулся на ярмарку, раскинувшуюся на покрытом утренней изморозью Андреевском лугу, на высокие стены монастыря – и запечалился. И три недели на одном месте – не шутка, а главное, кончалась распрекрасная летняя, походная жизнь.

– Что за добрая ярмарка! Дивные монахи! Косились на нас, да и только. Потешили купцов – и им, клобучникам, выгода, – балагурил Бажен и вдруг спохватился, – Вася, а правильно ли мы едем? Веди!

– Недалече от Зыбкова, деревня сына боярского Ждана Фёдоровича Жирова-Засекина, прозванием Райгородка.

– Ишь, как оттарабанил! Что это за овощ такой – Райгородка? Придётся ехать на Зыбково, там и поспрашиваем. Заодно и аграфеньюшкиными щецами полакомимся.

В полдень подъезжали уже к Зыбкову. Завидев шест с пучком соломы, Мишка замахал лапами и приветственно заурчал.

– Помнит, чёрт лохматый, где до хозяйского медка добрался! А, Филя?

Филя, совсем замолкший в последние дни, кивнул Бажену, даже не улыбнувшись.

– Аграфеньюшка, эге-гей!

Та, однако, не появлялась. Вместо неё в калитке возник заспанный парень в одной рубахе.

– Чего орёшь, нету здесь тётки Аграфены!

– А где ж она?

Узкие глазки парня неуверенно скользнули меж землёю и небом.

– Померла.

– Как же это померла?

– Разбойники двор пограбили и зарезали обоих, и дядю Тита и супружницу его.

– Да когда же?

– Сорока дней ещё не прошло... Я наследник ихний. А вы, проезжие, не должны ли им остаться?

– Нет, – перекрестившись, отрезал Бажен. – Трогай, Васка. Эй, хозяин, как нам проехать на Райгородку? На село боярского сына... как его? Жирова-Засекина?

Парень четырежды объяснил дорогу, каждый раз припоминая новые подробности, потом утёр полою рубахи пот со лба и сказал:

– Только самого Жирова-Засекина там нету.

– А из семьи его остался кто-нибудь на деревне?

– Семья его, супружница и сынок, там.

– Спасибо. Прощай, хозяин. Трогай, Вася.

– Все под секирой той ходим, – проворчал Томилка.

– Баженко, а это их... не наш ли знакомец из лесу, а?

– Нет, Вася, не он. Тот, верно, на Дону давно, коли здесь не поймали. Нет,

Бособрод не из тех сволочей, что бабу за полушку зарежут. Иначе не беседовать бы нам с тобою сейчас.

– Как мнишь, атаман, попал-таки князёк тот, молитвенник, на небо?

– Не знаю, Томилка. Коли и там, на небе, такое же сообщество душ устроено, как у нас людское на земле, то попал, конечно.

Они добрались к месту, когда на небе повисли уже холодные осенние звёзды. Атаману пришлось долго стучать в ворота кнутовищем. Наконец, появился сторож, но впустил он после долгих переговоров одного Бажена, а остальным велел дожидаться за частоколом.

Голубь заржал недоумённо и притворился, что хочет боднуть ворота. Мишка, всю дорогу проспавший на обычном месте Фили, поднял голову и принялся кланяться и урчать; поводырь сунул ему сухарь.

Бажен, наконец, возвратился со сторожем, отнюдь не поспешившим, впрочем, впускать ватагу.

– Потерпите уж ещё, ребята, Василий, айда со мной.

Они шли обычной деревенской улицей, уже тёмной; только в нескольких избах слабо светились щели задвинутых досками на ночь маленьких окон.

– Ты только не пугайся, парень. Пришлось пообещать, что выучишь грамоте господского сына. Прибодришься, гляди веселей, орлом!

А вот и высокий терем. Бажен подтолкнул Васку к наружной лестнице, что вела в верхнее жильё господских хором, туда, где тускло сияли полукруглые, цветными стёклышками набранные окошки.

В горнице, перед свечой в высоком заграничном подсвечнике сидела барынька, сегодня не покрашенная совсем и в незамысловатой стёганой душегрее. Всё та же девчонка-худышка стояла за её стулом.

Васка ловко, по всей Баженом втолкованной науке, поклонился.

– Здравствуй, госпожа Анна Васильевна, на многие лета!

– Спасибо, весёлый. Сможешь ли ты обучить моего сыночка грамоте?

– За зиму смог бы обучить чтению, а письму – не берусь... Наука зело велика.

– А сам ты вправду грамотен ли? Меня надуть не хотите ли, весёлые? Все вы мошенники... Вот, почитай-ка мне тут, в любимой мужниной книге!

И она показала узким белым перстом на рукописную книгу, уже разогнутую.

– Изволь слушать, государыня... Вот: «Ни птица в птицах сыч, ни в зверех зверь ёж, ни рыба в рыбах рак, ни скот в скотах коза, ни холоп в холопах, кто у холопа работает – ни муж в мужах, кто жены слушает...»¹⁷.

– Довольно, – поморщилась барынька и продолжила раздумчиво. – Государь мой Ждан Фёдорович сие место почасту читывал, и вроде были такие точно слова... Вешка, ты запомни, что весёлый прочёл, и после заутрени отцу Ферапонту дай прочесть, чтобы узнать, верно ли. Где чтено было, заметила?

– Заметила, государыня. Там ещё посередке, где он пальцем водил, где чёрненькие следочки, виселичка такая красненькая...

¹⁷Отрывок из древнерусского «Моления Даниила Заточника» (XIII век).

– Молчать! Закладку вложи, дура. Так вот, весёлый, если ты поутру испытание пройдёшь, то поучи моего сыночка, сладенького моего... Может, и выучишь. Государь мой Ждан Фёдорович брался было, да не смог – горяч больно, не-терпелив, сразу за палку хватался... Поп наш не сумел тоже – мягок он, попик, а я без батьки сечь Петюньку боюсь... А ты, Баженко, на что пригоден в хозяйстве моём?

– Сказывал ведь уже, барыня-государыня. Могу ещё сказки тебе перед сном баять. Или твоего сынка розгами поучить.

– Дерзок ты не по чину. Идите. Сегодня переночуйте с дворнею, завтра вас ключник устроит. И завтра этого противного медвежатника с его вонючим зверем отправь, Баженко. Идите.

Скоморохи поклонились и вышли. Девка стукнула за их спинами засовом.

– Вот ведь стерва, – жарко зашептал Бажен в ухо Васке. – Муж-то ейный аж-но в Гишпании оказался, коли не врёт, при посольстве, а она тут пря-

мой царицею. Меня признавать не захотела... Ладно. Коли что, так нам и сняться недолго, лёгким людям!

Заехали. На деревне погасли тем временем два последних окошка.

– Вот, ребята, располагайтесь, – сторож распахнул тяжёлую дверь, и в ноздри скоморохам ударил густой портяночный дух.

Дворовой люд спал не только на лавках, но и на полу, подстеливши сермяги. Стоял богатырский храп.

– Ну, ну... Филя, ты уж того, во последний уж након, переночуй с Мишкой на телеге под холстом, а завтра утром потешим боярыню и с Богом, брат. Может статься, и мы с тобою рванём на Москву.

– Дай-цо Бог. Ну, пошли, Миша, делаць берлогу. И Голубка ужо распряжём. Спи, Вася.

Приснилось малому вначале, что вроде был он не только Ваской, но одновременно сильномогучим Ильёю Муравленином¹⁸ и, на Голубе, богатырском

¹⁸*Илья Муравленин* – древнее прозвание этого богатыря, в позднейшей русской былинной традиции ставшего Муромцем.

коне, ездя, подстрелил Соловья Разбойника. Тот, однако, и к золотому богатырскому седлу притороченный, продолжал свистеть... Мальчик очумело поднял голову: чёрная ночь, и в темноте кто-то рядом заливался носом, что где уж так высвистеть твоей сопели...¹⁹ Потянул в себя воздух Васка, нашёл, откуда веет родным духом, пощупал для верности и привалился плечом к надёжной спине Бажена, спавшего, как всегда, покойно на правом боку. Почти сразу же оказался малый на ночной дороге, и из тёмных кустов прыгнула на него чёрная ведьма, оседлала и гнала, гнала и, только когда привез он её на себе к воротам Райгородки, вспомнилось ему верное заклятье – и тут же снова забылось, когда его принялись трясти за плечо...

– Фомка, а Фомка, где ты эфтог кафтан стянул?

На Васку глядели круглые испуганные глаза.

– Какой я тебе Фомка? Я походный скоморох... А ты кто?

¹⁹*Сопель* – русский народный музыкальный инструмент типа флейты.

– А я Воробей... Так люди зовут, а мамка – Степанкой. Я тут на поварне больше... Вы что, играть сегодня будете?

– Ясное дело, будем. О, наши уже проснулись!

Скоморохи, помятые со сна, неумытые, что-то тихо обсуждали у телеги.

– Что присудила ватага, то боярину и отвезёшь... Теперь целуй икону и клянись святыми Кузьмой и Демьяном²⁰, что не обманешь... Добро, но гляди мне! Если своруешь, мы тебя из-под земли достанем!

– Нецто можно, ребята, меж своими. Дал бы ты, ацаман, телегу с Голубком, а?

– Чего захотели вы с Мишкой – телегу! А не вернётесь? Что же нам тогда без Мишки, без телеги и меринка – гусей пасти наниматься? Вот посмотрим ещё, как накормят нас – глядишь, и все вместе ещё со двора съедем...

²⁰Святые Кузьма и Демьян считались покровителями скоморохов. В былинах «Вавила и скоморохи» выступают как волшебные скоморохи-музыканты.

Днём, при солнышке, местность показалась Васке более пригожей, чем вечером. Господские хоромы высокие, в три жилья, ухоженные, недавно ярко расписанные; во дворе, где представлению быть, чисто подметено... Осмотреть двор досконально Васке помешал старенький попик, отец Ферাপонт. Он отвел малого в домовую часовню и проверил наскоро, по «Часослову»²¹, его познания в грамоте. Напоследок сказал, пригорюнившись едва ли не по-бабьи:

– Чем вразумлять ученичка будешь? Розгою не мочно, понеже мамин любимчик, сметанничек, полизунчик, да и сам ты, отроче, мал зело... Ума не приложу, к чему бы сия затея. Грамотей, а с бесстыжими весёлыми пришёл! Ох, грехи тяжкие...

Своего будущего ученика Васка увидел только перед самым представлением. Полизунчик, толстощёкий крепыш лет двенадцати, развалился рядом с матерью на скамье, поставленной на

²¹«Часослов» – сборник церковнослужебных текстов дневного круга (кроме литургии). В древней Руси по «Часослову» учили читать.

гульбище²² второго жилья²³. Барынька была опять раскрашена, как кукла, соболя на ней горели голубым огнем.

– Пора, ребятки! – И задудел Бажен на вольтинке, а Васка, разбежавшись, прошёлся колесом...

Потом переоделся за телегой в женский наряд и танцевал с Баженом...

Затем напаялил на себя «козу» и крутился бесом с барабаном на животе вокруг Мишки... Мишка был злой и чуть не зацепил его всерьёз своею лапищей...

Опосля Васка отошёл в сторону и выбил густую дробь.

Мишка заурчал и выпрямился на задних лапах, не отводя беспокойно моргающих глазок от Фили. Бажен подлетел к ним, встал фертом, заслоняя медведчика, и завел своё:

– Ну-ка, Михайла Иваныч,
покажи свою науку,
Развей нашей милостивой
госпоже скуку,

²² *Гульбище* – крытая терраса или галерея.

²³ *Жильё* – этаж.

Покажи, чему тебя в киевских
школах старцы научили,
Каким разумом наградили?

Мишка поклонился. Толпа деревенских восторженно загудела.

А как красные девицы,
Да бойкие молодницы,
Белятся-румянятся,
А в зеркальце себя
увидевши – пугаются.

Васка охнул и опустил глаза. Мишка сейчас должен был сесть на землю, одной лапой тереть морду, а другою, прыкивая от усердия, свернуть себе под нос кукиш. В толпе раздался одинокий смех, тут же смолкший испуганно.

А как малые ребятишки
горох крадут?

Медведь неохотно пополз на брюхе.

А как бабы на барщину
не спеша бредут?

Ф-ф-у-ты, кажется, пронесло. И как это Бажен забыл? А коли не забыл – как отважился? Всё шло своим чередом. И когда Мишка, отработав, лёг на спину и задрал к голубому небу все четыре лапы, Бажен, улыбаясь вопросительно, посмотрел на гульбище.

У его ног упал, глухо звякнув, кошель.

Скоморохи поклонились. Атаман, разогнувшись, почти пропел:

Для госпожи доброй и тороватой
Покажем игру замысловатей!

Филя пожал плечами, неохотно отстегнул от ошейника цепь, сунул её Васке и встал перед медведем, нагнувшись и руки разведя. В ответ на это приглашение побороться Мишка снова поднялся на задние лапы, сделал два быстрых шага и обхватил поводыря.

Теперь медведчик старался доставить сугубое удовольствие замершим зрителям, для чего ухал, вертелся, кряхтел, а ещё придуривался, будто пытается сделать подножку. И вдруг притих. Васка увидев, что его шея, и

без того багровая, начинает наливаться синевой, умоляюще взглянул на Бажену. Атаман кивнул ему, скользнул к борцам, схватил Мишку за ошейник и резко дёрнул к себе. Медведь возмущенно зарычал и повернулся к новому противнику. Филя вывалился из его объятий и, уже сам неволею показывая, как малые ребята горох воруют, отполз в сторону.

Васка помог ему подняться.

– Больно, Филя? Как чувствуешь, рёбра хоть целы?

– Целы... Мишке хочецца спаць лечь, разве ж можно так со зверем?

Весёлых досыта накормили, ключник, ворча себе под нос, отвел им чистую клеть в старом барском доме, оказавшемся теперь на задворках, рядом с конюшней. Поварёнку Воробью, тому самому, что утром разбудил Васку, было приказано топить у них печь, мыть пол и носить еду из поварни.

Ублаготворённый обедом, а пуще того баней, атаман решил оставаться. Томилку он послал на телеге подвезти Филю с медведем до Брянска и сделать кой-какие закупки.

Провожая товарищей, Васка вышел за ворота. Из-за холодного ветра едва не перехватило дыхание. Роща, ещё вчера яркая, огненная, стала сегодня почти чёрной. Есть же где-то на свете вечно жаркие, полуденные страны, так отчего же нельзя уходить туда на зиму и возвращаться с птицами, с теплом?

Васка вздохнул, убедился, что Голубок и телега растаяли среди серых стволов рощи, и сам побрёл в ту же сторону. Предстояло вырезать и остругать указку, чтобы было чем ученичку буквы показывать, а из себя выведет – и по пальцам ему отвесить...

Глава восьмая. Из неё выясняется, в частности, что Васькина суженая вовсе не ведьмина дочка

В шумели святки. В Райгородке говорили, что даже самые старые деды не припомнили таких весёлых святок – молодцы, скоморохи! Бажен охрип, Томилка жаловался, что из-за всех этих колядок и игрищ не успевает и, наверное, не успеет к Масленице доделать своего Петрушку и прочих кукол, а надобно ещё слова вспомнить и подновить... Васка, однако, мог бы побиться об заклад, что Томилка потерял куда больше времени за пивом с дворовыми, своими новыми приятелями.

Васка по вечерам всё чаще оставался один, жёг в рогатом светце²⁴ лучину за лучиной и читал, читал... Свой печатный «Часослов», унесённый в заплечной суме из Москвы, он выучил на память ещё летом, теперь пришёл черед книг сына боярского Жирова-Засекина – рукописных, старинных.

В тот вечер сидел он за толстым «Соборником»²⁵. Пожелтевшие листы рукописи уже потемнели в нижних углах, там, где их касались нетерпеливые пальцы читателей, а чёрный от времени переплёт сладко и страшнова-то припахивал разлагающейся старой кожей, а может быть, пугал себя Васка,

²⁴*Светец* – древнее устройство для освещения. Подставка, в которой укреплялась лучина – длинная берёзовая, как правило, щепка. Светец ставился в ведро или ушат с водой, куда падали отгоревшие угли.

²⁵*Соборник* – древнерусский рукописный или старопечатный сборник нравоучительного содержания. Рукописные имели более свободный состав, могли включать и светские литературные произведения. Кстати, читавшееся в эпизоде к светским не относится: это житие популярных муромских святых, составленное в середине XVI века священником кремлёвского собора Спаса на Бору Ермолаем, в монашестве Еразмом.

и тёмною ссохшейся плотью мощей тех святых, о коих в сей книге писано. Васка перечитывал – в который уже раз! – предивную повесть о жизни Петра и Февронии Муромских, то место, где святой князь Пётр совсем ещё юношей выходит на смертный бой с коварным летающим змеем: «И взял он меч, а имя мечу тому Агриков, и пришёл в палату ко снохе своей, и увидел змия, обликом точь-в-точь брата своего, и твёрдо убедился, что не брат это его, но коварный змий, и ударил его мечем. Змий же явился, каков был он естеством своим змеиным...»

И тут дверь противно заскрипела. Васка, не поднимая глаз, продолжил громко: «...змеиным, и начал трепетаться, и...».

Что-то прошелестело от дверей, и малый, понявший, что не Томилка это и не лодырь-поварёнок, коему давно пора бы прийти подтопить печь, онемел от страха: это могли шелестеть перья зелёных с красными чешуйками крыльев огненного летающего змея...

– Что это ты такое читал, Васенька? Я почти ничего не разобрала...

Тьфу ты, это же всего-навсего Головешка, а короче – Вешка, комнатная девка барыни. Уставилась, не мигая. Васка опускает глаза: это что ещё за безобразие такое? Девчонка босая, а ноги красные, как гусиные лапы.

– Совсем спятила, Вешка? Босиком по снегу бегаешь...

– А? Пустое... Барыня велела сапоги отобрать, как побила сегодня.

– За что ж побила тебя?

– Да так, свои там наши дела... Что это ты такое мудрёное читал, Васенька, что я почти не поняла?

– Про огненного летящего змея. Как его святой князь Пётр Муромский убил. Вот чудно... Там в Муроме, правил князь Павел, и к его жене повадился летать этот самый змей, в образ князя Павла перекидываясь. Князь же Пётр был брат князю Павлу...

– Та Павлова жена, хоть и княгиня, а дурная, видно, была. Тут и без мужика можно было бы обойтись. Если бы, Васенька, ко мне этот змей прилетел, я бы уж знала, что сделать...

– Очень ему нужно прилетать к тебе, недоростку!

– А что? Вот мы с тобою, сказать, поженились бы, и ты ушел бы на войну, а я по тебе тосковала бы, и змей ко мне стал бы прилетать в твоём образе, и я бы подглядела, что у него когти...

– Ну и накрутила!

– А на другой раз, только он приходит в твоём, Васенька, образе, а я уже семечек конопляных налуцила бы и ем по зёрнышку. Змей и спросит: «Что-де ешь?». А я ему: «Вшей ем». Он плюнет, ударится об землю, явится в своём змеином, с когтями и крыльями, образе и улетит... Может, ты мне, Васенька, сесть позволишь?

– Садись, ради Бога.

Вешка села рядом с Ваской, мягко отобрала у него книгу и положила её на лавку. Бросился парень застёгивать «Соборник», а когда обернулся к ней возмущённо, она снова устала ему куда-то в переносицу свои немигающие, чёрные глаза – и Васка заробел.

– Слышишь, Васенька, погрей мне ноги, а? – и, не дожидаясь согласия, всунула свои ледяные узкие ступни ему подмышку, между рубахой и кафтаном.

Малый вздрогнул, но побоялся противиться. Лучина догорала, он беспомощно поглядел на светец.

– Хватит, Васенька, читать сегодня. Лучше со мною поговори, это тебе куда как нужнее.

– Отчего это вдруг?

– Тайна это великая, не знаю, как и сказать... Выходит, Васенька, что ты мой суженый, что мы с тобою от рождения своего друг для друга определены.

– За что же мне такая честь?

– Ох, дружок мой драгоценный, и я ведь мечтала совсем о другом. Мечтала, что вот придёт в Райгородку такой красивый, румяный... И чтобы настоящий богатырь был, на руках, думала, меня носить будет... Поглядела я на тебя, поплакала втихомолку, повздыхала. А там и подумала: хоть ты, Васенька, и скоморох, и росточком невелик, однако тоже ничего: грамотный, умный, пляшешь здорово, тихонький такой – и я на судьбу свою стала согласная.

– Как же...? Откуда, спрашиваю, ведомость тебе такая, что мы...?

– Ты, Васенька, на святках колядовал да игрища разыгрывал, а я гадала! Страшно, не без того, было, когда зачерчивалась, да что поделаешь? Без него, анчутки, горюна хвостатого, и не узнаешь ничего. А как погадала, так чуть не обмерла, пока не расчертилась: «Черти все от девок, девка от чёрта, и чёрт от девок». Не тронул меня горюн, а правду я узнала.

– А как гадала-то?

– Так тебе и скажи! Это уж наши, девичьи тайности... Гадание верное было. А ты ничего парень, тёплый, как печка. Ноги-то согрелись почти. И смирный, руками не лезешь, не то, что Степанка...

– Какой ещё такой Степанка?

– Да Воробей, поварёнок. Щипается тако больно. Думает, как сирота, так и постоять за меня некому. Ты, Васенька, ему поушников хороших понавешай, если про меня вякать станет! Я, дружок мой, вовсе не ведьмина дочка, это врут всё.

– Ой-ёй... – маленькие ступни жгли теперь Васку, как огнём.

– Я русалкина дочь, Васенька. У нас в деревне обычай такой был, пока поп

не закрестил и заклятий не наложил с Богом тем своим господским. Такой обычай, что на Ивана Купалу парни наши гуляли с русалками, плясали через всю ночь. Однако с уговором: если русалки перепляшут, то парня забирают себе до следующего Купалы, какой им больше приглянется, а если людская молодёжь, то к ним в деревню русалка жить уходит. Всё больше русалки наших переплясывали и парней забирали. Такой парень через год возвращался. Вот, правда, уже не от мира сего становился, тосковал всё, да в Убеди потом все они как один топились... Васенька, ты что это дрожишь, замёрз?

Малого и в самом деле в дрожь бросило. Последний уголёк от лучины упал в воду и зашипел, вздохнул будто. Глаза Вешки, при свете такие тёмные, сейчас мерцали двумя зелёными кружками... «Самый смелый на свете, спаси меня, милый Баженко!» – взмолился Васка.

– Ну вот, а в тот раз больно бойкой оказалась наша райгородская молодёжь, переплясала русалок. И пошла одна русалка, матушка моя, жить к людям, вышла замуж за моего батю

покойного и, меня родивши, вернулась к своим. А батька в приморок помер.

– Ты хоть крещёная?

– Конечно же, крещёная, обижаешь меня, право... И мать была крещёная, а то как же поп мою мамку с батей повенчал бы?

– Я, Вешка, тоже не простой человек. Мой отец иноземец был, казак из самого Киева...

Распахнулась дверь и проскрипел голос Томилки:

– Васка, ты спишь? – послышалась возня, искры посыпались, вспыхнул на мгновение и затлел трут. – Эге, да ты с девкою сумерничаешь? Вот скажу атаману, не поздоровится тебе!

– И что за жизнь такая? – шепнула Вешка на ухо Васке, который, наоборот, появлению Томилки обрадовался и немного приободрился. Волосы её выбились из-под незатейливой повязки, щекотали ему щеку, они пахли полыньёю и ещё какой-то знакомой травой, уже не горькой. – Только соберёшься с милым дружкой поговорить, тут тебе и мешают. Пошли хоть в сени теперь...

– Да сидите уж, сидите, – уже потише сказал Томилка и зевнул протяжно. – Я всё равно спать лягу сейчас. Смешно, право смешно.

А вот почему смешно, он уже не сказал. Захрапел почти сразу.

– Рассказывай, Васенька, рассказывай, – зашелестели сухие губы Вешки. – Мне страх как хочется узнать, за что ты мне наделён судьбою.

Утром Васке было уже не до ночных страхов: надо было подумать над тем, как повести себя с ученичком, с маменькиным сынком Петюнькой, молодым хозяином Райгородки.

Вчера Бажен, наслушавшись за обедом Васкиных жалоб на леность и высокомерие ученика, подумал-подумал, подмигнул малому и исчез на полчаса. Вернувшись, сообщил, что барынька поручила ему выпороть сыночка. Васка при наказании помогал атаману.

Перед вечером среди холопов случилась замятня. Пегобородый ключник, собравши дворовых у красного крыльца, топтал свою шапку, плакал и кричал, что государь их Ждан Фё-

дорович, на службу царскую едучи, поручал им, холопам своим, супружницу и сына-наследника. Кричал, что если уж надо было поучить розгою барчонка, то пристойно было бы сделать это ему, ключнику, поклонившись сперва, и вежливоенько, за руки взявши, – а не этому приبلуде-скомороху. Вот-де вернётся государь, ему уж не будет смолчено, всё-всё донесено будет!

Тогда явилась на крыльце сама барынька с тростью, которой и принялась восстанавливать порядок. Ключника она ухватила за бороду и начала драть, а он, не стерпев позору перед глазами дворовых, принялся было толкать её кулаками под мягкие бока... Тут Бажен, уже несколько помятый толпою, ловко ударил ключником об землю, а потом сумел, рассмешив, успокоить расходившихся дворовых.

Ученичку, конечно же, доброты из дворни донесли о происшествии, и учитель опасался теперь, не ослабилось ли с этим известием благодетельное воздействие порки. Перед дверью господской светлицы, отведенной для учения – господской она называется,

потому что её, будучи в деревне, занимает сам Ждан Фёдорович, – Васка от волнения даже перекрестился.

Опасения оказались напрасными. Ученичѣк после встрѣпки стал как шѣлковый. Васка, окрылѣнный его покорностью и усердием, после двухчасовых трудов решился, несмотря на то, что полизунчик ещё не вполне твѣрдо заучил азбуку (особливо, ежели в обратном порядке, с конца), начать сегодня же с ним чтение слогов. Юный наставник торопился, желая как можно скорее приблизить Петюньку к священному рубежу, отделяющему человека, грамотою просветлѣнного, от неучѣного невежды. Пройдя склады, ученик должен будет научиться складывать из них слова, и тут в мозгу его сверкнѣт, рано или поздно, молния: сим внезапным озарением суждено ему постигнуть великую тайну соединения под палкою вызубренных букв и слогов в Слово, за которым стоит Смысл. Все книги заговорят тогда с учеником, немислимые бездны премудрости откроятся ему!

– Теперь начнём сначала, Пётр Жданович... Ба, ва, га.

– Ба, ва, га.

Васка протянул теперь указку Петюньке, но рука того не шевельнулась. Учитель поднял глаза от «Азбуки»: ученик спокойно щурился на окошко, на его весёлые разноцветные стёклышки. Страшное подозрение закралось в душу наставника...

– Давай-ка, Пётр Жданович, ещё раз буквы почитаем... Погляди сюда, что сие за буква?

– «Есть»²⁶. Нет, «Земля», пожалуй.

– Вот я тебе дам «Землю»! «Ферт» сие. А сия буква?

– «Д-д-добро».

– «Аза» уже не признаешь? Да ты, татарские твои очи, и не знал никогда! Заучил просто, обманщик. Получай!

– Что бьёшься? – заныл Петюнька, тряся ударенной кистью. – Заимели обыкновение тут драться, шпыни без-

²⁶«Есть», «Земля», «Ферт», «Добро», «Аз» – названия букв древнеславянской и древнерусской азбуки (соответственно: «Е», «З», «Ф», «Д», «А»).

родные. Присушила²⁷ тебя Головешка, так ты на мне зло сгоняешь? Ничего, я тебя ещё выпорю, всласть натешусь, когда женишься!

Васка сразу притих и опустил указку.

– Как это меня присушила? Как это ты выпорешь?

– А так же, как всех холопов – на конюшне! – выпучил свои голубенькие глазки полизунчик. – Женишься на моей холопке – и ты мой холоп будешь! По рабе холоп – не слышал разве? У ней родители были холопами нашими, а она, что ж, вольная, по-твоему? А как она тебя заговаривала, чтобы к себе навсегда присушить – тому свидетели люди верные!

– Но ведь матушка-то Вешкина...

– Матка ейная, все в Райгородке знают, сызмальства у нас в портомойницах ходила.

– В порто...? Что это такое?

– Ну в прачках.

²⁷*Присушить* – сделать объектом заговора-присушки, магической формулы, заставляющей объект полюбить того, кто заговаривает. Далее упоминается «отсушка», любовный заговор противоположного действия.

Васка надолго задумался. Очнулся, когда ученик несмело коснулся его плеча и попросил умильно:

– Мастер, давай с тобою по-доброму, чтобы совсем без битья! А я, вот те крест, сам все буквицы выучу. Хочешь, сегодня ты будешь запорожцем, а я поляком?

– Ох, Пётр Жданович, тяжко с тобою без строгости... Ладно уж, застегни застёжки. Положи теперь на полку. Вот так. Добро, токмо лучше я сегодня буду Алёша Попович, а ты Тугарин Змеевич.

Через полчаса в светлицу заглянул Бажен, свежевыбритый, оживлённый.

– Эй, суровый сын отецкий, что это ты на столе делаешь? Мастер Василий, свет мой, никак тебе опять помочь требуется?

– Мы, Баженко, урок уже выучили, да... А это игра такая. И не стол то, а горы Киевские, а над ними летает Тугарин Змеевич.

– Ага... Тогда я тебе, господин, помогу.

Бажен легко поднял откормленного Петюньку, сметанничка, к потолку и принялся носить его вокруг Васки, завывая и посвистывая.

– Слышишь, мастер, как урок свой доиграете, к нам в клеть давай... Дело есть.

В клетки было натоплено. Дым, стекаясь под потолком, уходил в узкое оконце. Бажен сидел у печи на лавке, вертел в руках новые сапоги, примериваясь, какой из них разношивать на правую ногу, а какой на левую. Томилка у окна рассматривал, склонив голову на плечо, разложенные на рогожке готовые уже, белые от последней доводки ручки и головки кукол.

– А, явился не запылится, Алёша Попович! Не хотел я при барчонке говорить, да только, похоже, теперь твой черед быть пороту, мастер... Видишь, готовы куклы. Томилка, что смог, сделал, а теперь твоя работа: расписать им рожи да руки. Краски все Томилка ещё осенью из Брянска привёз, желтков здесь добудем... Сумеешь ли?

Васка, уставившийся зачарованно на белые лица кукол, медленно кивнул.

– А я, мастер, попрошу у любезнейшей барыньки подружку твою, Головешку, чтоб нам кукол обшила, завесь

сотворила да и Томилкин мешок чтобы заштопала, где потребно.

– Она, Васкина зазноба, и не видала, небось, никогда Петрушки!

– Ничего, Томилка, покажем и расскажем! Погляди, Вася, краски и кисти. Коль не хватает чего, мне скажи. Я с барынькою в Брянск еду, заодно с локотным товаром на Петрушку с товарищами смогу прикупить.

– А то и сам ты, малый, гони атаману деньгу, чтоб привез тебе платочек или бусы какие для девицы разлюбезной, ха-ха! – никак не хотел отстать Томилка.

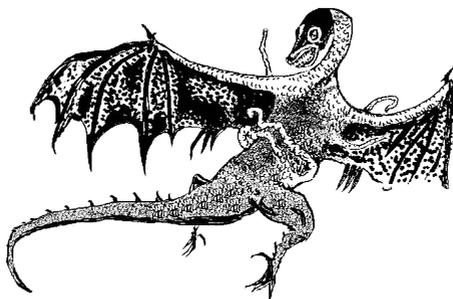
– Что за дурносмех? – прикрикнул Бажен. – Сам привезу гостинец ей, и получше. Чай сирота. И не деньгами же нам ей теперь за работу ту платить.

Васка, не слушая их, поднял с рогожки Петрушку. Будущего бесшабашного драчуна покамест узнать можно было разве что по длинному носу. Васка шмыгнул своим, курносым. К глазам его подступили слёзы, ведь чуть ли не впервые в жизни уразумел паренёк, сколь высоки и трудны задачи Мастера, творца: предстоит создать весёлого заводилу-драчуна из гладко, но без-

душно оструганного куска дерева, Напыжившись от гордости, позабыл он, что настоящую жизнь в Петрушку сможет вдохнуть всё-таки только Томилка, когда выставит его над мешком, хитро укрепленном на груди своей, захлопает его ручками-ластами и, приветствуя довольную толпу, запищит, заскрипит, затараторит...

– Томилушка, тут вот щёки надо б иначе, не столь круглы. У тебя нож-резец, клёпик, далеко ли?

– Зачем мне клёпик твой? Всё топором да засапожником сработано. Ну-ну, покажи...

Глава девятая, а в ней о том, как провожали икоморохов из Райгородки, и о двух встречах Васки с хозяйкой Девичгоры

Провожали весёлых до опушки всею почти деревней (не вышли поп, ключник и сама барыня). Потом остались только Васкины провожатые. Ученик ехал верхом, Головешка семенила, держась за кузов, о другую сторону телеги. Друг на друга они не смотрели.

– Ну, прощай, мастер, – заговорил наконец юный Жиров-Засекин, жалостно скривившись. – Бил ты меня мало, ну, не лупил почти, и матушке не доносил. Спасибо, что выучил-таки читать скучные те книги... Если ещё ты роду благородного, добрым бы другом был.

Он уцепился за переднюю луку седла, свесился к Васке и зашептал:

– Когда государь царь и великий князь сделает меня воеводою и пошлёт на турок, я тебя пожалую, возьму в полк, понял? И вот, дай руку. Дарю тебя этими игральными костями, вчера у Воробья-поварёнка псари отобрали да мне ими поклонились. Они заговоренные, без проигрышу. Ты, ими играя, добудешь себе золотую казну... А на казну ту купишь себе коня, панцирь и саблю, чтоб было с чем на турок идти. Понял?

– Спасибо тебе, господин Пётр Жданович. Прощай!

– Прощай! – ученик взмахнул плетью, шатнулся в седле назад, чуть не свалился в телегу, однако справился. Развернул кобылу и, подбоченившись да в улыбке оскалившись, проскакал мимо учителя. Вот и исчез за поворотом зелёной лесной дороги.

– Убрался, наконец, – процедила Вешка. – Сойди ко мне, Васенька! Спрыгни, спрыгни, любезнейший мой, не тут же нам прощаться.

Они отстали.

– Что тебе наш баринок нашептывал? Не про меня ли? Тогда лохматка его заberi. Ах, жалость какая... Весною расставаться, хороводов не поволивши, на Купалу венки не завивши...

– Сама ведаешь, пора нам пришла деловая, промыслишко наш таков. И без того безбожно засиделись, Филю с медведем напрасно до последнего дожидаясь. Да, спасибо тебе ещё раз велено передать от всей ватаги, славно ты нам одёжку для кукол сработала!

– То радость мне была, к тебе побыть поближе... О чем ты говоришь, горький ты мой? Все вы, мужики, тако: про дело да про дело, ты вот про ваш промысел. А вот я про нас обоих, как бабе и положено, думала, думала и ничего лучшего не придумала. Вот что. Через три года ты приедешь и выкупишь меня, мы поженимся и уедем вместе на Москву. Клянусь, что буду тебя ждать верно три года, а если ты не приедешь, то я... что ж, тогда переоденусь мужиком, сбегу в Дикое поле и буду биться с татарами, пока не убьют!

– Мне пора, Вешка. А тебе не боязно будет одной через лес возвращаться?

– Мне-то чего бояться, русалки ведь мои родички. А вот ты им лучше не попадайся – залоскочут.

– Мне и вправду пора своих догонять. Прощай, Вешка!

– Успеешь. С тебя клятву не беру, ты и так ко мне навечно привязанный. Ты уж прости, что я тебя зачаровала, что присушила навсегда... Прощай, Васенька!

Она обняла Васку, зажмурилась, ткнулась холодным носом в его шею, и её волосы опять пахнули то ли полынью, то ли ведььмиными кореньями. Отвернулась и побежала.

У Васки в голове зазвенело, ноги подогнулись, и он опустился на кстати подвернувшийся пенёк. Впереди смолкло туканье копыт, потом прозвучали лёгкие шаги Бажена. Друг стоял над Ваской и смотрел в ту сторону, куда убежала Головешка.

– Баженко, зачем ты научил меня тому заговору, как отсушить, зачем велел держаться за крестик? Так грустно, так пусто, Баженко...

– Я с тобой давно хотел, дружок, об этих вот делах поговорить, и всё

неловко мне становилось, да и сейчас опять как-то оно не совсем... Ты вот что, не верь тому, что о бабах Томилка скоморошит или что я ненароком сболтну. Они, бабы, тоже люди и добрее нас... Мы вот поумнее их только, а с этого – что за корысть? А насчёт отсушки – блажь всё это... Разве можно шептанием вызвать или извести любовь? Всё дело в нас самих, в тебе. Пойдём-ка.

И он мягко поднял паренька.

– Баженко, она ведь поклялась ждать меня три года! Ты только Томилке не скажи...

– Кто, я? Могила! Три года... Через три года обростёт, где надо, сладким мясцом... Ну, в общем, все в деревне увидят, что она настоящая красавица. Дурь у неё из головы выйдет, и засватает нашу Вешку справный мужик, и забудет она свою ребячью клятву. Знаешь байку про то, как воевода приказал нашему брату скомороху за пять лет научить медведя читать, иначе голову срубит? Разумная жена утешила беднягу: «Бери деньги смело, ведь за пять лет либо медведь

подохнет, либо воевода, либо ты, моё золотце».

– Через три года я приеду и выкуплю её. Пусть выходит замуж за кого захочет! Мы ведь заработаем столько, Баженко?

– Добре придумано. Доживём – увидим.

Первое, что они увидели, подойдя поближе к телеге, были подошвы сапог Томилки, сияющие новими набойками. Томилка открыл один глаз:

– Трогаем, наконец? Утешили девку?

– Дай-ка мне вожжи! Смотри, Васка, наш Голубок совсем растолстел на даровом том овсе... Н-но, поехали! Томилка, брат, ты ведь не спал, думал. Чего надумал?

– Думал, куда нам теперь, без Фили, ехать.

– Ведь решено уже, брат. На Украину – не талеров, так злотых, не злотых, так грошей подзаработать!

– Оно-то так, атаман, однако бают, что беспокойно на Украине.

– У них там, сколько себя помню, всегда беспокойно. Запорожцы с ляхами не могут долго в мире жить... Нам-то чего бояться, едем!

– Что ж, выехали в среду, день для того наилучший.

– Томилка, а как перейдём рубеж? И если явно, то где – в Путивле или как?

– Да что это с тобой, атаман? Идти явно – от дьяка не отбрешешься, от воеводы не откупишься. Ты ж места знаешь, тебе и карты в руки.

– Добро. Под Путивлем, выше Макошевицкого перевозу, знаю я хороший брод и к нему просеку. Место тайное, проверенное. Только – бережёного и Бог бережёт – до рубежа давайте в сёла не заезжать, власти проезжую память потребуют, тут у рубежа строго. Запасец есть у нас, барынька была добрая... А теперь давайте Петрушку проиграем. То, что на Масленице в Райгородке играли, ты уж прости, Томилка, для заграницы не годится. Ей-ей, лаптями гнилыми забросают...

И всё-таки они наткнулись на людей. Было это уже недалеко от Путивля. Выехали из Чёрного бора, и Бажен забеспокоился: не видно-де Девич-могилы. Боялся, наверное, что заблудился.

Наконец, за очередным поворотом (дорога петляла у опушки бора), перед ними открылся высокий курган.

– Что такое? Вроде она, да меньше вполовину. И каменную бабу как коро-ва языком слизала. Так вот оно что... Тпру, родимый!

Теперь все увидели возле кургана телеги, запряженные волами, и толпу мужиков с мотыгами да лопатами. Копачи разрывали курган, проходя через него с двух сторон посредине, и бросали землю на телеги.

– Это, братцы, землю для селитренного варения добывают. Ведаешь ли ты, Василий, что для этого промысла годится земля только из курганов, городищ и древних кладбищ? Понял ли? Те, кто убиты были стрелами и топорами, теперь после варки обращаются в зелье для огненного боя, которым убьют ещё многих других. И пройдет ещё лет триста, и опять порох для новой войны потребуется, а тут и сырьё подоспеет...

– Лишнее болтаешь, атаман, – буркнул Томилка. – Кто ж станет могилы предков разорять? Скажи лучше, что делать будем.

– Возвращаться нельзя, в лесу объезда нет. Вперёд, как ни в чём не бывало! Мы же у них гусей не крали, правда, Васёк? А на волах не догонят.

Никто из работников, вообще, похоже, не обратил на них внимания. Зато, когда оставалось до кургана не более полуверсты, движение там стало заметно оживленнее, произошла какая-то сумятица, и вскоре все уже мужики, побросав мотыги и лопаты, волов и телеги, побежали на противоположную от скоморохов сторону кургана.

– Там занимается неведомо какая великая толока! – завопил Томилка, словно товарищи его слепые недоумки. – Гони, атаман!

Бажен хлестнул Голубя вожжами. Меринок прижал уши и наддал рысью. У кургана весёлые, не стовариваясь, скатились с телеги и давай проталкиваться сквозь толпу. Голова Васки, наконец, протиснулась между кисло воняющими сермягами, он тут же получил локтём по носу, однако зрелище стоило того...

Внутри колеблющегося круга лаптей и запыленных сапог желтел в разрытой

сухой земле круглый человеческий череп, длинная прядь густых русых волос чуть шевелилась там под ветерком.

– Баба это, мужики!

– Та самая девица... Воительница!

– Осади! А ну назад!

Вокруг головы рассыпались серо-зеленые обломки шлема, на шее внутри серого с резьбою кольца проступали коричневые косточки. Возле костяка, то и дело покрикивая на работников, метался, волоча за собою по земле мешок, рыжебородый потный дядька в бараньей шубе. Вот он копнул ножом, отбросил его и поднял к глазам пыльную рукоятку меча. В земле, у растопыренных тонких косточек ладони остался оттиск рукояти и полоса ржавчины – там, где было лезвие. Рыжебородый потёр рукоять о свой длинный рукав, а когда блеснуло тусклое золото, засопел, сунул добычу в мешок, зажал его под мышкой и принялся обирать жёлтые бляхи, разбросанные на груди костяка. Толпа шевельнулась, загудела.

– Ни стыда, ни совести! Мало им живых, уже и мертвецов грабят.

– Пожди, пожди, Миронка, пожди, святотатец! Придёт ещё эта покойница нынче ночью, придёт за своими пуговицами... Не порадуешься тогда кладу!

– Ты ещё поговори мне, скот безрогий! – рыжебородый вырвал из земли иссера-чёрный витой прут, потёр о рукав, ругнулся и отшвырнул в сторону. Прут подкатился к ногам Васки, и он с ужасом увидел на конце его змеиную головку, глянувшую на него лазурными, почти живыми глазами.

– Ты кем будешь, начальник? Селитренный мастер, что ли? – прозвучал спокойно-насмешливый голос Бажена.

– Кто это там вякает, мужики? Вытолкайте чужака в шею! – не оборачиваясь, распорядился рыжебородый.

– Это приказчик, парень, а мастер наш на варнице, у котлов, – прогудело из толпы.

– Вот что, православные, послушайте добрый совет. Коли не хотите, чтобы вас всех на дыбу и к огню приводили, пытали, шлите гонца на варницу за своим мастером, а то лучше – в Путивль

к воеводе. А за этим вострецом рыжим присмотрите, чтоб находное царское золото не укрыл. Айда, ребята!

Скоморохи выбрались из зашумевшей толпы и беспрепятственно отъехали от кургана.

– Баженко, а зачем ты их пыткой страдал? Подшутить над ними хотел?

– Ничего себе шуточки! Всё золото и серебро, Васёк, что в земле лежит, всё оно царёво. И если где найдено в земле сокровище, уклад, и про то станет ведомо, тотчас наедет царёв дворянин с подьячим²⁸ и стрельцами. Ну, и начинается сыск. Вон Томилка про то лучше знает.

– Атаман правду сказал. У матери моей приданое из такого находного серебра было поделано: серёжки там, висюльки всякие... Один наш мужик на городище²⁹ под репу землю плугом драл, глядит: блеснуло что-то. И поднял. Потом всею деревней, до малых детей, рыли. Донесено-таки было про клад,

²⁸*Подьячий* – в России XVII века чиновник, как и дьяк.

²⁹*Городище* – место древнего города, впоследствии незаселённое.

приехал из Москвы стольник и давай всех, и робят тоже, и матушку мою малую ещё, к огню приводить... Ну, выдали ему кое-чего для порядка, а так оттерпелись и серебро сберегли. Дед тогда коней купил. Да только ненадолго богатство то...

– Тут, друг Томилка, до дыбы дело, смекаю, не дойдёт. Это же даже не клад, это с мертвеца снято. Царю такое золото не надобно тоже. Он заберёт его для того только, чтобы на церкву отдать. Попы, монахи – те любое поганское золото освятят, любую мерзость переварят, желудки у них крепкие.

– Ох, не завидую я, атаман, тому дураку-приказчику. Не помилует его девка-воин! Она ведь в жизни богатырка была, поленица, недаром же ей такой курган... Что ей стоит заморыша сего рыжего ночью придушить?

– Да ну его, дурака, к бесу! У нас вон дела поважнее. Теперь места пошли знакомые... Вот что. Встанем на стоянку в одной дуброве, там место заповедное, даже колодец выкопан. Переночуем, а перед светом, когда пограничная стра-

жа уж точно спать заляжет, проскочим по просеке – и на брод.

Надо ли удивляться, что когда стали они на ночлег, не только сырой апрельский холод мешал заснуть Васке? Девка-поленица из кургана стояла перед ним, живая, в доспехе и грозила, язычница, своим сверкающим мечом. Что грозишь, чего хочешь? На самом деле давно истлела ты, и даже кости твои разбросал жадный приказчик. Не было у твоего народа грамотных, не написали и не напечатали о тебе книгу, и даже не нашлось у вас мастера, чтобы имя твоё выбить на твоём каменном истукане... Нет тебя, растаяла твоя слава, исчез твой последний след в мире! И сама она, девка-поленица, словно прислушавшись к его мыслям, исчезла, наконец, растворилась в медленно сереющем небе, среди проступающих перед Ваской чёрных ветвей. Малый растолкал друзей, расстреножил и запряг Голубка.

Дождёвывали на ходу. Васка вёл мерина под уздцы, левой рукою заслоня глаза от голых веток, Бажен с Томилкой подталкивали телегу сзади.

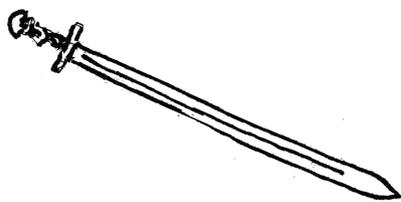
Почти совсем рассвело уже, от всех четверых валил пар, однако река всё не показывалась. На Бажена страшно было смотреть.

Вот пахнуло сыростью, и сразу же дёрнул ушами и остановился Голубь. Васка погладил его по морде:

– Давай, милый, давай, ещё чуток.

– Голубь знает, что делает, – заявил повеселевший Бажен. – Мы у Семи³⁰. Я слышал, как рыба плеснула. Тихо! Наставим-ка уши, братцы. Не напо-ротся бы на сторожу.

Но прислушиваться было уже поздно.

³⁰ *Семь* – теперь эта река называется Сеймом.

Глава десятая, в которой Васке не удаётся увидеть, как заряжается настоящая пицаль, а ещё рассказывается в ней о беспримерной доброте и справедливости пүтивльского воеводы

рислушиваться было поздно, потому что проснулись птицы и подняли такой галдёж, что себя трудно стало расслышать.

Скоморохи протолкнули телегу туда, где лес переходил в кустарник, и виден уже был туман над Семью. Васка отправился на разведку. Выставил голову из кустов и поглядел влево – чисто, прямо – в тумане проступил такой же дубняк на чужом, польском берегу, повернул голову направо – и увидел в двух шагах безусого пешего стрельца с пицалью в руках, во все глаза

разглядывающего его, Васку. Стрелец, не изменив изумленного выражения лица, растянул губы в улыбке и поманил паренька пальцем. Тот, опомнившись, бросился в чашу, но успел увидеть, как стрелец дёрнул ствол пищали кверху и что лицо его исказилось...

Грохнул выстрел. Птицы умолкли на мгновение и засвистели снова. Бажен, метнувшись, вернул к телеге пустившегося было бежать Томилку и вернулся спокойно на своё место. Васка запрыгнул на телегу и прижался к Бажену. Тот спросил:

– Наши хоть?

– Стрелец, – дурацки ухмыляясь, отвечал Васка.

– Наши. Службу несут – хоть то утешно.

Кусты затрещали, и новый Васкин знакомец появился в них, держа руку на головке сабли. Второй стрелец, бородатый, с пищалью наготове, держался сзади.

– Кто таковы?

– Да скоморохи мы походные, люди князя Ивана Борисовича Хованского.

На Путивль идём, да чтой-то заплутали. Указали бы вы нам, служивые, дорогу...

– Хорош Путивль... – начал было задиристо первый стрелец, однако второй оборвал его:

– Глянь-ка, Шестачок, что в телеге у них.

Тот подошел вразвалку, спихнул с телеги Васку и заглянул под рогожу.

– Оружия не видать. Ух ты, машкары-то³¹ какие! Волынка, гудок³²... Похоже, что вправду скоморохи. А смотри, дядя Иван, вот у этого долговязого – рожка и впрямь разбойничья!

Томилка, не обидившись на такую похвалу, скривился преуморительно. Шестачок захихикал. Бородач велел ему взять мерина под уздцы и выводить к броду. Сам вжался в кусты, пропустил телегу и пошёл сзади, не опуская пищали.

– Дядя, убрал бы ты свою пушку, а? – попросил лениво Бажен, – зачем тебе нас, весёлых, страшиться?

³¹*Машкара* – разрисованная маска.

³²*Гудок* – старинный струнный смычковый музыкальный инструмент.

– Послужи, красавец, с моё в порубежных городах, и тогда я твои советы выслушивать стану.

Телега выкатилась на отмель, скоморохи огляделись, и тут Бажен заскрипел зубами: песок на обоих берегах Семи оказался изрыт копытами и исполосован колеями, а справа от той просеки, по которой они пробирались к реке, спускалась к броду битая, разъезженная дорога. Атаман вместо тайного брода вывел ватагу на охраняемый Макошевицкий перевоз!

Тут же, на отмели, бородач приказал развязать воз и уже сам, теперь дотошно, осмотрел поклажу. Постоял, подумал, потом свистнул два раза. Из кустов появился стрелец с карабином за плечами и двумя конями в поводу.

– Садись, Шестачок, в седло. Отведи этих пташек перелётных в приказную избу. Расскажи там подьячему, как поймали их. И смотри мне, заряди прежде стрельбу и держись, как учил тебя, всю дорогу сзади, чтобы, не дай Бог, какого озорства над тобою не учинили. Скоморохам пальца в рот не клади... Про смену там нашим напомни.

– Сыро тут заряжать, дядя Иван, – пожаловался Шестачок. – Пусть лучше Тренка даст свой самопал³³, набитый – хорошо, дядя Иван?

Старший повернулся к нему спиною. Третий стрелец, подъехав, безропотно поменялся. Васка горько вздохнул: он успел уже обрадоваться, что увидит, как заряжается настоящая боевая пицаль.

Через два часа скоморохи, сопровождаемые бдительным Шестачком, въехали в Путивль через Конотопские ворота. Посад, хотя и был защищён крепкою стеной, напомнил однако Васке украинские сёла, о которых рассказывал ему батя: тут покрывались уже первым по теплу зелёным пухом яблони в садах, чернели вскопанные огороды. Попетляв, улица упёрлась в ворота острога, как и посад, окруженного рвом, на этот раз поглубже, да и стены были мощнее и выше. Из бойниц в три ряда торчали жерла пушек.

³³ *Самопал* – ружьё с колесцовым кремнёвым замком, тогда как у пицали был фитильный замок.

Снова копыта простучали по мосту, и путники оказались среди высоких, в три и четыре жилья, пёстро расписанных яркими красками теремов, над которыми вздымали свои цветные купола церкви, деревянные и каменные, с гульбищами и переходами. Васка начал было ещё на посаде считать церкви, однако сбился... Глаза его, оголодавшие за зимнее сидение в Райгородке, всё не могли насытиться.

– Что, по нраву тебе? – скучно промолвил Бажен. – Недаром здешние бахвалятся: «Путивль-городок – Москвы уголок».

Шестачок, в городе выехавший наперёд, пересёк маленькую площадь, держа к деревянным хоромам, и спешил под высоким крыльцом, у которого томились два стрельца в лазоревых кафтанах и с бердышами.

– Здорово, братцы! Петруха, господа наши воеводы на месте ли? – подбоченившись, спросил Шестачок.

– Господин воевода Александра Матвеевич в приказной избе, а князь Владимир Прокофьич в отъезде, – отвечал один из караульных, с равнодуш-

ным любопытством разглядывая скоморохов.

– Вечная мне, сиротинушке, невезуха! Куда ж денешься, пойду доложусь, а ты присмотри, брат, за этими вот.

Молодой стрелец снял шапку, перекрестился и поднялся на крыльцо. Томилка звонко зашептал Бажену:

– Поездка наша коту под хвост! Посадят, дело ясное, в тюрьму. А пока отсидим, раскрадут снасти; о мерине же и подумать больно...

– Ну виноват я, Томилушка, что не на тот брод ватагу вывел, так прикажешь мне теперь на коленки пред тобою стать? А? Если оно поможет тебе, давай стану.

Услышав такой разговор, Васка с новой жадностью завертел головою: что увидишь потом из тюрьмы? Вначале знакомая фигура не остановила его внимания, потом он снова нашёл глазами того мужика, уже поворачивающего в переулок...

– Дядя Андрей! Бубенист!

Прохожий обернулся, просиял и рысцой подбежал к скоморохам.

– Вона! Весёлые с Зыбковской ярмарки! А я гляжу: вроде и они, да только медведя нет...

– Дядя, некогда растабарывать. Мы в передрыгу нечаянно попали, выручи нас, неповинных. Возьми к себе, пока суд да дело, телегу и мерина нашего! За нами не пропадёт.

– Это что ж... Дело такое... Сторожа ваша где?

Караульный Петруха молча отвернулся и протянул ковшиком узловатую ладонь. Бажен, срывая пуговицы, выдернул из-за пазухи кошель и щедро отсыпал; Петруха кивнул и пальцем указал на товарища. Бажен добавил, выхватил из-под рогожи мешок со съестным и хлестнул вожжами Голубка. Андрюша Бубенист поймал вожжи и исчез в переулке, успев крикнуть:

– Тут же, в Спасском, и живу!

Дверь, выходящая на крыльцо, распахнулась. Шестачок очумело скатился по лестнице, оглянулся и заорал:

– Держи, держи их!

– Чего вопишь, парень? Тут мы, – взял его за локоть Бажен.

– Тут... А телега где?

– Твоя правда... Ребята! – оторопело озираясь, закричал атаман. – Телегу спёрли!

– Живо, живо! Воевода гневен, – от усердия стрелец больно подталкивал Васку дулом пищали.

В просторной горнице за столом восседали воевода и дьяк, а когда скоморохи до земли поклонились воеводе, малый, чуток замешкавшийся, успел рассмотреть и плюгавого приказного, который, поставив правую ногу на скамеечку и держа на колене четвёртку бумаги, был в готовности записывать.

– Кто такие? – грозно спросил молодой, густобровый и, судя по всему, очень деловой воевода.

Бажен ответил, и подьячий сновисто записал его слова.

– Лазутчики? – проревел воевода.

– Нет, государь воевода, – глядя ему в глаза, тихо ответил Бажен. – Мы, как сказывал я уже, скоморохи. Хотели вот в Путивль попасть, горожан и стрельцов повеселить, да в Чёрном бору заблудились.

– Что ж вы тогда заповедною тропею пробирались? Да ещё в глухую пору... Пиши, подьячий: «В воровстве³⁴ своем запирались...». А теперь кликни Оську-палача, и чтоб клещи готовил. Будем к огню приводить.

Толстый дьяк, задремавший было, открыл глаза:

– Государь мой Александр Матвеевич! Второй уже раз за сегодня тебе напоминать осмеливаюсь: всемилоштивейшим государем нашим до Фоминой недели пытаться не велено. Подожди дней с десяток.

Воевода крякнул и надолго задумался. Потом спросил уже поспокойнее:

– Откуда ехали, молодцы?

– Зимовали мы, государь воевода, в деревне Райгородке сына боярского Ждана Фёдоровича Жирова-Засекина.

– В добром ли здоровье оставили сына боярского? – оживился воевода.

– Ждан Фёдорович второй год с посольством в немцах.

– А как зовут его супружницу?

³⁴ *Воровство* – в те времена слово «вор» означало «преступник».

– Анной Васильевной, государь воевода.

– Чай, не слышит уже ничего сия старушка?

– Какая старушка, государь воевода? Госпожа Анна Васильевна молода ещё, как это... кровь с молоком, красавица.

Воевода молодецки крякнул и снова задумался. Дьяк зевнул и брезгливо промолвил:

– Государь мой Александр Матвеевич! Не жги ты порох понапрасну. Какие с них, с этой рвани, польские лазутчики? Ты погляди хоть на этого вот: слабоумен вовсе, слюни пускает. – Томилка скорчил рожу ещё жалостней. – Батогами для чину выгладить, пеню с них выправить – и в шею...

– погоди, Фрол Никитич... Ты, Зюзя, оставь все снасти свои на лавке и пойдй прогуляйся. И не сметь подслушивать – харю³⁵ на сторону сдвину!

– Напрасно собираешься бисер перед свиньями метать, государь...

³⁵Харя – тут: отвратительное лицо, рожа (бранн.).

– На безрыбьи и рак рыба, Фрол Никитич... Слушайте, ребята, вот вы из болота выбрали, из лесу вышли, что на свете белом делается, не знаете... Вам и так сойдёт. А государю царю и великому князю Михайле Федоровичу в его царском чину необходимо знать, что в окрестных государствах делается, для наиважнейшего его, государя нашего, тайного дела... Понятно ли говорю?

Бажен поклонился, а за ним и Томилка с Васяткой.

– Я отправляю вас на Украину, в Киев, проведать вести подлинно. А, вернувшись, доложить либо оттуда письмом донести. Грамотный есть?

Бажен вытолкнул вперёд Васку.

– Добре. Значит, донести письмом... Запоминайте накрепко. Разведать подлинно, тайным делом, по таким статьям. Первая. Правда ли, что поляки готовятся с казаками-черкасами воевать? Статья вторая. Где стало лагерем польское войско? Третья статья. Белорусцы к казакам не пристают ли? Четвёртая статья. Не хотят ли поляки, черкасов повоевав, приходить на нас

воинскими большими людьми? Так, вроде бы всё... Запомнили? И ещё одно наиважнейшее поручение. Разыскать в Киеве купца-гречина Настаса Петрова, взять у него на письме или в расспросе все ведомости и выспросить, отчего он, Настас, не приехал в Путивль и отчего не прислал вести листом? Того, что Настас в Варшаве прознает, вам самим в жизнь не разузнать.

– Вот и лазутчика самонужнейшего этим глумотворцам выдал. Не по мне сие, государь мой...

– А ты, дьяк, никак перечить мне, воеводе, вздумал?! Что нам с твоих купцов корысти? Где Настас? Почему Андрюшка Бубенист не ушёл за ним по сию пору?

Дьяк медленно встал со скамьи.

– Государь воевода, да они, шпыни эти убогие, не токмо по-польски, а и по-черкаски не понимают.

– Малый наш родом из Киева, – опять вытолкнул вперед Васку атаман. – Отец у него был в полку Сагайдачного.

– Слышишь, дьяк? Да ведь они и сами собирались в Киев на промысел – что, не угадал, парни?

– Ты, государь воевода, на сажень сквозь землю прозираешь, – сокрушённо вздохнул Бажен. – Не вели казнить, вели миловать!

– Видишь? Вот они и пойдут себе промышлять. Поляки привыкли, что мы купцов и чернецов на проведывание отправляем, а на скоморохов никак не подумают!

– И все ж, мыслю, их одних, ненаученных, отпускать не можно. Токмо деньги пропадут.

– Так пошлю с ними Андрюшку Бубениста. У меня он отказаться не посмеет! Послать стрельца за ним, а второго за спасским протопопом, чтобы этих бродяжек к присяге привести. Вроде всё... Да, вот что ещё. Выдай им на подъём... три рубля.

Дьяк поднял редкие брови, грузно встал со скамьи, протопал к кованому сундуку, вздохнув, снял с шеи ключ... Воевода принялся повторять задание, потом сам пошёл погнать стрельца в Спасский собор.

Когда Бажен принял деньги, все повторили за хмурым протопопом слова присяги, грозящие страшными карами

на том и на этом свете за выдачу государевых великих тайных дел, и целовали на том крест с Евангелием, воевода приказал:

– Выехать завтра же, до света. Руку, руку целуйте за великую за милость и доверие! Фрол Никитич, вели сейчас же послать за Андрюшкой.

– Государь воевода, он нам знаем. Сами тебе Андрюшку покличем, – почтительно отозвался Бажен.

– А ты, дьяк, говорил... Да это же орлы!

Скоморохи, за полчаса превратившиеся в разведчиков-лазутчиков, вышли, кланяясь, и поскучневший воевода сказал дьяку:

– Чтоб не запомнить... Ты, Фрол Никитич, запиши, что дал я весёлым пять рублей, да возьми ещё два рубля из казённых денег и отдай подьячему своему, Зюзе. Шапка на нём до того паскудная, облезлая вся – смотреть не могу уже... Пускай новую справит.

– За что ему, Зюзьке, такой подарок?

– А так. Войны с Польшею не избежать. Смекаю, что за Смоленск воевать придётся, а ежели бунт на

Украине забурлит не на шутку, а казаки с митрополитом киевским снова попросят под высокую царскую руку, тогда в поход ещё раньше доведётся выступить. В поле сабля чинов не разбирает... «Копите, – сказал Златоуст³⁶, – на исход добрых дела». К часу смерти своей, то есть. Я сегодня, дьяк, добрых дел и прикопил: вот ещё и скоморохов на прощанье не высек.

³⁶*Златоуст* – Иоанн Златоуст (ок. 347–408) – вселенский святой, византийский учитель церкви, богослов. В древней Руси под его именем переписывались и поучения, ему не принадлежавшие.

Глава одиннадцатая. Читателя здесь ждёт знакомство с семьёй Андрушки Бубениста и отчасти - с содержимым его заветного сундучка

– у и влипли, уж лучше под батоги, – сокрушался на ходу Томилка, сказавшейся во время присяги Евсейкой Петровым сыном Стуковым.

– Не скули, брат. Эта беда не беда, лишь бы больше не была... Сюда нам, в проулок. Как на грех: встречных нет, спросить не у кого...

– Баженко, слышишь ли?

Теперь уже не только Васка, но и остальные услышали, как кто-то невдалеке играет, завираясь безбожно, на гудке плясовую. Звуки доносились из-за ветхого забора рядом с низким, в землю вросшим домом, обмазанным глиной и побеленным.

Бажен постучал. В калитке сразу же показалась высокая девка, смерила скоморохов презрительным взглядом голубых глаз и закричала:

– Вот и они, слава Богу! Живо забирайте свои бесовские орудия, и чтобы я их больше...

– А есть ли, любезнейшая девица, в доме человек мужского полу, отец либо брат твой, с кем поговорить можно было бы? – спросил, сдвинув свои будто нарисованные брови, Бажен.

– Заходите, заходите, гости дорогие, – раздалось за спиной девки, и она исчезла, словно выдернутая из калитки. На её месте явилась причудливая фигура в харе Смехуна, в потешном кафтане Бажена и со смычком-погудальцем в руке. Васка, присмотревшись, узнал по кривым ногам Андрюшку Бубениста.

– Звиняйте, вот, молодость вспомнил. Заходите, мою дуру не слушайте. Что, обошлось?

– Как сказать. Тебя, дядя, воевода кличет. Мы же, коли позволишь, во дворе обождём.

– Чудно это вы – из воров да к воеводе в посыльные. Бегу, только пере-

оболокусь... А меринка вашего я у хлева привязал.

В дом Бубенист забыл их пригласить, исторопился. Уселся на телегу. Атаман прищурился на солнце, вынул из мешка по сухарю и по луковице на брата. Потом крикнул:

– Хозяюшка! Хоть кваском бы угостила!

Вместо угощения из сеней донеслось пискляво:

Сватался за Машеньку
из деревни скоморох,
Сказывал-рассказывал
про именье про свое:
«Есть у меня, Машенька,
есть волынка и гудок».
Думаю-подумаю,
я за этого пойду.
Выйду ли на улицу, сяду у ворот –
Кто бы ни прошёл,
всякой тётенькой зовёт:
– Здрава буди, тётенька,
скомрахова жена!
Экая разумница,
какой чести дожила.

– Вот несчастье-то, – громко пожалел певицу Томилка. – Сначала батьке, а потом дочке медведь на ухо наступил!

В сенях что-то стукнуло.

Васка пошел искать Голубя. Меринок тоже решил уже, наверное, что там, у приказной избы, они расстались надолго. Он радостно встретил Васку, положил другу на плечо умную голову. Мальй скормил ему корочку и зашептал в тёплое мохнатое ухо:

– Вот видишь, Голубок, мы таки идём на Украину: может, и найдём кого из родичей... И окажется у нас богатый дядя, богатый-пребогатый, одарит меня золотою казной. Тогда я куплю тебе самый лучший зелёный луг отдыхать, Бажену справлю новый обьяринной³⁷ кафтан, голубой с золотою нитью, а себе... себе накуплю книг и пряников.

Он закрыл глаза и попробовал представить себе этого доброго, богатого дядю, но лицо дяди получалось слишком похожим то на отцово, то на лицо Бажена, а то и совсем расплывалось...

³⁷ *Обьярь* – старинная шёлковая, одноцветная, переливчатая ткань.

А вот тётю он увидел, как живую: красивая, как хозяйка Райгородки, в такой же парчовой кике на голове, только ещё добрее она была, душевнее...

– Васка, дуй к нам!

Там, у телеги, Бажен и Томилка склонили повинные головы перед расстроенным Бубенистом.

– Из-за вас, чертей, снова в эту кашу попал... Да что я тут, на дворе, ляпаю языком? Идите в избу!

В избе расселись на лавках. За занавескою у печи кто-то возился.

– Матрёна, не бреди ты мне душу, исчезни с глаз! Про дело нам беседа.

Девка хотела, уходя, хлопнуть дверью – не вышло, та закрывалась с трудом.

– Что смотрите? Так и живу. Служба не доходная, куда уж... Своих больше потратишь, а потом попробуй из казны выбить: только через Москву, по челобитной. Э-э-х, снова ехать!

Бажен рассмеялся и спросил:

– Что ж ты нам, дядя, в Зыбкове пули-то отливал, что с литавры служишь, что в походы на воинских татар ходил?

– Служил и ходил – да только лет десять тому назад пробил меня татарин стрелою. Еле покойница моя Степанида, она у меня в травах знала толк, отчитала, выходила. Вот и нашёл тогдашний воевода мне новую, по силам, службу – а ну её совсем!

– А на ярмарке той зачем отирался?

– На Зыбковской? Были там купцы из Вильно и один старый мой знакомец, львовский...

– Нам в твою службу не вступаться, – отрезал Томилка. – Прижал нас воевода – ладно, сходим разок, сделаем. Атаман, ты передай ему, чего там воевода требовал, ты ведь запоминал.

– Ты, дядя, сам про всё, небось, ведаешь.

– А как же. Это я к Настасу ходил зимою, не застал, он ещё в Варшаве был...

Дверь распахнулась. Молодая хозяйка стала в ней, подбоченившись.

– Батя, эти вот гости поселятся у нас, или как? Кашу и на них ставить прикажешь?

– Или как... Ты вот что, Матрёна, собери мне мешок в дорогу. Денег добыл

сегодня, тебе оставляю... И не реветь мне там! Утром съедем со двора.

– Дождешься ты у меня, реветь, – на этот раз ей удалось-таки хлопнуть дверью.

Андрюша нагнул седую голову к столу и зашептал:

– Бесится, что опять уйду. Болеет за батьку... Ей эти проведывания – нож острый!

– Боится одна оставаться, – поддакнул Бажен.

– Чего ей бояться? Грабить у нас нечего. Караульные почитай рядом. Да и самопал я ей всегда набитым оставляю.

Вслед за ним и весёлые поглядели на стену, где висело ружьё. Было оно безбожно исцарапанное и потёртое, однако знавшее, по всему видно, хозяина и познатнее, и побогаче... Даже Васка догадался, что самопал был турецкой работы.

– А отчего с собою не берёшь?

Бубенист только отмахнулся от атамана.

– Ну, дядя, ты как хочешь, а я с голыми руками идти не согласен, –

Бажен оглянулся на своих. Томилка угрюмо кивнул, Васка восторженно вытаращился. – Возьми вот два рубля, пойдешь, челом бью, достань две пиццали малые, покорооче, но чтоб злые были, свинца к ним, пороховницу с зельем... Всё простое, без завитушек этих, – показал на стену, – однако понадежнее чтоб...

– Не разумеешь, что ли? – покосился на него Бубенист. – В нашем деле сподручнее без огненного боя. Станут досматривать, найдут – а зачем весёлым пистолы?

– Я, дядя, их в телеге спрятал бы, так в грядке³⁸ заделал бы, что не найти. Долото да пила ведь найдутся?

Хозяин подумал, кивнул, поднялся со скамьи, подошёл к стоявшему в тёмном углу сундучку, нагнулся над ним, заслоняя. Спина его неувовимо напряглась. Весёлые дружно отвернулись.

Скрипнуло, легко прозвенело, потом хлопнула крышка. Бубенист осторожно положил на столешницу две малые

³⁸Продольный брус в телеге.

пищали, пороховницу из бычьего рога, украшенную нехитрою резьбой, кусок свинца и отломок большой кости с высверленными в ней неглубокими ямками – в чём пули отливать.

– Набитые. Годятся?

– Испробовать можно ли? – спросил Бажен, взводя пружину у одного из пистолей.

– Зажди, приволоку полено.

Берёзовое полено поставлено было на край стола. Атаман прищурил левый глаз. Томилка отшатнулся. Огненная пластина щёлкнула о кремь, на полке пыхнуло. Осечка? Бажен немного подождал и с опаскою положил пистоль на прежнее место.

– Дай-ка сюда, – Бубенист поковырял жёлтым ногтем на полке, ловко натрусил туда зелья из пороховницы и снова скрипнул пружиною. – Валялись в сундуке долго.

– Дяденька, мне дай, мне, – сам не веря, что ему разрешат, вскочил Васка. Хозяин переглянулся с Баженом и важегато, рукоятью вперёд, протянул малому оружие.

Снова вспыхнуло на полке, потом, через мгновение оглушительно бахнуло. Горницу заволокло дымом. Васка закашлялся и опустил пистоль.

Бажен поднял с полу полено.

– Попал, молодец. И пулька глубоко сидит. Ну, спасибо, дядя!

– Баженко, можно я теперь сам заряжу?

– Подожди немного, – атаман пододвинул к хозяину горстку серебра. Тот отправил её на прежнее место.

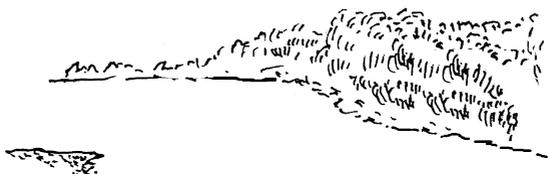
– Как, ребята, принимаете в ватагу?

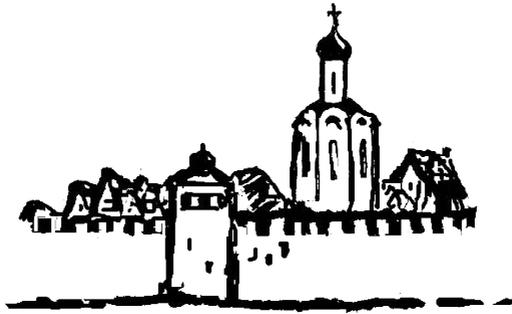
– Что ж, если сам государь воевода за тебя просит, куда нам деться? Только ты, дядя, лучше литавры с собою прихвати. С гудком у тебя того... – жёлчно заметил Томилка.

– Подучусь, ребятки, подучусь, – безмятежно отвечал хозяин и вдруг замер, вслушиваясь.

– Что ж это, люди добрые, в доме делается? Уже в горнице палят! О Небесный Владыко, отчего не свернешь ты им, шпыням, шеи на сторону?! – причитала в дверях запыхавшаяся Матрёна.

Утреннее солнце застало ватагу уже за городом. Умный Голубок подкатил вновь телегу к стрелецкой заставе, и всё тот же мрачный дядя Иван указал скоморохам тайный, поляками не охраняемый брод. На той стороне им не встретилось ни одной живой души до самых Ромен.

Глава двенадцатая, а в ней скоморохи
останавливаются на ночёвку в Чурловом
замке и узнают последние новости от
боярина в лаптях

– Добрый проводник – половина дела! – тряхнув седыми кудрями, похвалился Бубенист. – Путь хотя и не самый прибыльный для вашего... то бишь для нашего скоморошьего промыслу, зато безопасный. В Ромнах-то как встречали, а? И в Сребном подзаработали изрядно.

– Дороги здесь худые, – заметил Томилка занудно. – И разве это заработок? Ты, дядюшка, только в медные свои тарелки и умеешь колотить. Филю бы сюда с Мишкой...

Бубенист обиженно отвернулся. Атаман, против обыкновения, не

вступился за него, и остальные, тоже приуставшие за день пути, молчали, пока не показалась за горбом башня какой-то крепости.

– Что там, дядя Андрей? – оживился Васка. – Какой это город?

– Нашёл тоже мне город... Чурилов замок это, владение пана Тышкевича, воеводы Киевского. Сейчас сам увидишь.

Голубь, кивая усердно головою, вытянул телегу на гребень холма, и все увидели на следующем бугре высокий чёрный замок. За ним рассыпаны были хатки, а возле иных красовались сады, уже зелёные, весёлые.

– Вася, пересчитай-ка дворы!

Малый принялся, шевеля губами, загибать пальцы сперва на левой руке, потом на правой, затем опять на левой.

– Тринадцать дворов, атаман.

Тотчас ватага дружно плюнула через левое плечо и хором выдохнула:

– Чур меня, чур, чур!

Мерин, на них покосившись, и себе хвостом отмахнулся, будто от мужи.

– Не стоит и затевать ничего. А острожек-то ветх и, похоже, безгосударский.

– Здесь, атаман, не Дикое поле, тут бесхозного ничего нет. Нежилой он, замок, это верно, и, коли не идти на хутор, то переночевать там разок можно. Всё крыша над головой.

У крепостного рва Васка распряг Голубка, стреножил его и пустил на молодую траву. Ров оказался полужасыпанным, а под бойницей нижнего яруса валялась, задрав ржавое жерло, большая чугунная пушка.

– Баженко, вот бы из неё пальнуть, а?

– Помог бы лучше...

Осторожно ступая по обломкам подъёмного моста и мусору, на руках петащили они телегу через ров и вкатили в ворота, открытые, с давно сорванными с петель створками. Внутренний дворик был длинный, но узкий; отсюда стены замка казались ещё выше. Каменными стены были только на высоту чуть больше человеческого роста, верхнее жильё, лестницы, чердаки и башни, сложенные из толстых

чёрных бревен, скрипели при порывах ветра, словно вот-вот развалятся...

– И меринка на ночь завести можно, – по-хозяйски осматриваясь, бормотал Бубенист, – и погреться, горяченького сварить есть где...

– Не полыхнёт? – поднял голову Бажен.

– Была тут и поварня, однако проще и скорее – вот где, – и Бубенист исчез в тёмном дверном проёме справа от ворот.

Васка сунулся за ним и оказался в невысокой каменной башне. Сводчатый потолок её сужался кверху и переходил в трубу, а в ней синел кусочек предзакатного неба. Цепкие пальцы Томилки протолкнули Васку вперёд, и его сапоги зарылись в толстый слой пепла.

Томилка втянул воздух носом и хищно оглядел закопченные стены.

– Ну и славный же дух здесь, братцы!

– А как же. Когда-то караульные зимой грелись, а вот осенью селяне колбасы коптили, ветчину...

– Сварим тут кашу, отец. Ей-ей, вкуснее будет!

Они ужинали, когда тревожно за-
ржал Голубь, и почти сразу же в двори-
ке зашуршали чьи-то мягкие шаги.
Васка, повинувшись взгляду атамана,
выскочил из башни и увидел мужика в
сермяге и лаптях, со старинным фи-
тильным ружьём на плече. Мужик,
потирая бритый подбородок, разгля-
дывал в полутьме русалку, этой зимой
намалёванную Ваской на тыльной дос-
ке тележного кузова.

– Ото такие, говорят люди, у Киева,
под горою Зверинцем, плещутся. То
твой мерин? Ты кто, хлопец?

Васка пригласил его в башню.

– Хлеб та силь!

– Прошу с нами откушать, – покло-
нился, вставши, Бажен.

– Спасибо, я уж вечеряв. Что вы за
люди?

– Мы скоморохи походные, добрый
человек. А ты кто будешь?

– Боярин я буду, – сказал мужик,
явно чувствуя себя неловко. – Нас тут,
на хуторе, таких ... хе-хе... бояр испокон
веков пять дворов. Королю его милости
податков не платим, але несём службу
сторожевую, с пищалью и на коне.

Бубенист расчесал пальцами боро-
дёнку и вежливо встрял в разговор:

– А что слышать про пана Тышкеви-
ча? Да ты садись, не бойсь, садись, пан
боярин.

Боярин вздохнул и устроился возле
костра. Бажен отёр чарку полый
кафтана, плеснул в неё из походной
фляги, и с поклоном поднёс угощение
гостю.

– Так вот, панове скоморохи, – угос-
тившись, начал чуриловский боярин, –
тепер, скажу я вам, не самые наилуч-
шие времена, чтобы со смехами
приходить сюда из Московского го-
сударства... Что ж до пана Тышкевича,
то его тут годов з двадцать не було, его
маетки³⁹ в нашем уезде давно в аренде,
орендар же, веры иудейской, втик
дня чотыры тому. Король его милость
объявил сбор всей шляхты на войну.

– На кого же собираются? – скучным
голосом спросил Бубенист. – Никак с
турком воевать?

– Не, казаков с лица земли сносить,
запорожцев, а с ними и всех русинов

³⁹Маетки (укр.) – усадьбы, имения.

даже и до Московского государства. Из церквей хотят костёлы поделать, а в иных – конюшни, – боярин округлил глаза. – А казаки к нам наведались, и арендар пан Шмулевич от них втик, а казаки панское стадо швидко до войска погнали, на солонину.

– Так убежал арендарь? – хохотнул Бажен.

– Аякже, свое здоровье поберёг! Даже шкатулу свою с талерами да долговыми квитанциями казакам оставил. Зараз⁴⁰ вси панкú та орендари тикають под защиту жолнеров, вояков польских. А нам, православным, тоже не солодко. Бо Войско коронне может голову снести только за то, что русин, за то, что православный. Пан Лащ, коронный стражник, на Киев идучи, местечко Лисянку до последнего человека, зверь, вырезал на самый праздник Пасхи⁴¹. Не лучший час, панове, для смехов...

⁴⁰Зараз (укр.) – сейчас.

⁴¹Об этом преступлении Самуила Лаща-Тучапского (ок. 1588–1649) свидетельствует Львовская летопись под 1630 г. *Стражник великий коронный* – польский военный чин. Если войском командовал король, стражник занимался безопасностью войска на марше и в лагере.

– Спасибо за ведомость, – сказал Бажен.

– Постой, атаман, – встрял Бубенист. – А что говорят... что мовят, пан боярин, вот про что: где собираются казаки, кто гетманом у них и кто у поляков?

– У поляков як был пан Станислав Конецпольский гетманом коронным, так воно и ныни. А казаки, тии, что в королевском казацком реестре, разделились: кто до поляков, кто до бунтивных казаков – выписных, которые из реестру⁴² выписаны и грошей от короля не имали. Воны – в Переяслав, а гетманом там запорожский казак Тарас Федорович прозванием Трясило. До него и мужики с косами сходятся. Хотят воны, поляков в бою поразивши, пойти их из Киева и всех городов выводить.

⁴²*Реестр* – список украинских казаков, находящихся на службе у Речи Посполитой. Они не платили налогов, не выполняли крестьянских или мещанских обязанностей и получали ежегодное жалование от короля. Реестровые казаки легче шли на соглашательство с правительством во время восстаний, их старшина не раз предавала интересы рядовых участников казацких волнений. Увеличение реестра было постоянным требованием казацкой массы.

Узнают ляхи⁴³, дай Бог, что воно такое – казак... Спасибо за угощение, але завтра, прошу, едьте себе. Час тепер не такий, щоб в гостях засиживаться.

Проводив гостя, Бажен вернулся к огню. Стемнело уж совсем.

– Что делать, дядя Андрей? Ведомости, смекаю, важные... Может, вернуться с ними кому в Путивль?

– В Путивле все сие известно, да и на Москве. Вот только разве про кровопроливство, что Лащ учинил, не знают – теперь казаки озлятся ещё пуще... Надобно срочно пробираться в Киев. Сюда, к боярам этим, новости на третий год доходят!

– Чудно-то как: Чурилов замок и бояре. Должно, тут богатырь Чурило Пленкович жил, – тихо произнес Васка.

– Ещё чего... – протянул задумавшийся о своём атаман и вдруг оживился. – А что? Взять Илью Муравленина, так его мощи в киевских пещерах лежат. Отчего ж тут не быть городу Чурилы? Это земля русская, древние богатырские места. Илья, тот в Северной земле рож-

⁴³Ляхи – поляки.

дён, а воевал тут, на Украине, и умирать в Киев пришёл...

– Эх, ребята, не до богатырей сейчас тех!

– У тебя, дядюшка, своя служба, – усердно вычищая коркою дно котелка, отозвался Томилка, – а вот мне уютно в доме у богатыря Чурилы Пленковича переночевать. Всё-таки свой человек, русский, не лях лукавый...

Глава тринадцатая, в которой бат-га знакомится с князем Константином Вишневецким и въезжает в Прилуки под звуки музыки и в благородной шляхетской компании

— Хозяин Прилук — свой человек, православный, не лях, а роду старинных русских князей. Родители его, молодого князя Вишневецкого, крепко веры предков держались и за неё стояли. Особливо же мать его, княгиня Раина Ярёмовна. У неё, покойницы, мне не доводилось бывать. А вот люди её не раз помогали, авось и теперь не откажут, — степенно пояснил Бубенист.

— Лет-то ему сколько, молодому князю Ярёме?

— Лет семнадцать, атаман. Мы его и не увидим, он больше в замке своём, Вишневеце на Волини, живёт, сейчас

в немецких землях обучается. А в Прилуках его матери каменные хоромы, и тут рядом, в Густыни, в монастыре архимандрит Исай был ей духовный отец...

– Вот они, Прилуки!

С высокого холма, куда их вывела дорога, Прилуки можно было разглядеть, как на ладони. Защищённый рвом и деревянной стеною с башнями, город был мал, а возвышающийся посреди него замок казался вообще игрушечным. Из-за стен замка торчали шпили дворца, кресты церквей и высокие крыши прочих неведомо как поместившихся там строений. Зато посад широко раскинулся на обоих берегах речки.

– Есть у меня знакомец в посаде, у него и остановимся, – распорядился Бубенист. – На самой окраине живёт. А в город я уж сам схожу.

Бажен взял Голубка под уздцы, остальные со всех сторон придерживали телегу. Спуск был так крут, что Васке неудержимо захотелось отпустить кузов и сбегать вниз, тогда с разгона влетел бы, наверное, в самые Прилуки...

– Встречные едут, – Томилка почесал в голове. – И пышно так...

– Не заворачивать же нам, – буркнул атаман в ответ.

Васка, как замороженный, не мог отвести глаз от быстро приближающихся всадников. Впереди скакал седоусый пан в собольей шубе, дорогой камень на его шапке то и дело вспыхивал под солнцем. Его спутники были в цветном, у всех одинаковом платье.

Один из них обогнал хозяина и, положив руку на торчащий за поясом топорик, прокричал, будто пропел:

– Посторонись! Дорогу князю высокогородному, моему пану старосте черкасскому наияснейшему Константину Вишневецкому⁴⁴!

Князь подскакал к телеге и спросил, глядя поверх непокрытых, склоненных в поклоне голов:

⁴⁴Князь Константин Константинович Корибут-Вишневецкий (1564–1641) – польский магнат, из православия перешедший в католичество, полководец Речи Посполитой, активный участник событий российского Смутного времени. Его племянник молодой князь Ярема Вишневецкий (1612–1651) и его имения были тогда у него в опеке.

– Кто такие есте? Что ищете на моей земле?

Бубенист отвечал на своём украинском языке.

– Схизматики! С Московщины, – промолвил сам себе старый князь, скривился и отпустил поводья. Скоморохи молча смотрели, как лоснящиеся, все одной, игреневой масти, кони княжеской свиты играючи взбирались на холм. Тот гайдук⁴⁵, что ехал ближе всех к хозяйну, вдруг развернул коня и пронёсся в город.

– Ну и ну! Сестра его православие боронила, а он схизматиками обругал. Прямые чудеса – да только не наших святых!

– Забудь пока про святых, дядя! – Бажен, сердито отряхивавшийся от дорожной пыли, вдруг, шапку забыв надеть, замер. – Скажи мне лучше, зачем он слугу своего возвратил?

– Догони да спроси у него самого, – огрызнулся Бубенист.

– Утекать надо.

⁴⁵*Гайдук* – здесь вооружённый и в венгерском платье слуга у вельможи.

– Поздно, брат Томилка. Тут повсюду вокруг Прилук земли Вишневецкого. Мыслишь, атаман, что-то недоброе князёк задумал?

Васка не слышал, что ответил Бажен старому лазутчику. Перед его глазами все ещё стоял холм, на который въезжает, полуприкрытый спинами своих гайдуков, старый князь Вишневецкий. Он так и не оглянется на скоморохов, гордый пан, и можно без помех рассмотреть его получше, но только теперь понял Васка, что с самого начала показалось ему странным в облике князя: уж очень маленького тот роста и, с коня сойдя, оказался бы ниже даже его, одиннадцатилетнего...

– ...в город, однако, и к приятелю моему заезжать не станем.

– А что, ежели через посад проехать, – встрял Томилка, – да сразу выбираться на киевский шлях?

– Там увидим... Ворочаться некуда, атаман!

– Н-но, родимый!

Близки уже были хатки окраины, и колодец с журавлём уже различал среди них Васка и радовался, что сейчас

напьётся холодненькой, когда из улочки выскочило несколько конных жолнеров, осмотрелись – и запыхали навстречу ватаге.

– Приехали и проехали, зашли и не зашли, и хлеба прикупили, и воротились – сразу когти рвать надо было! – и Томилка зло рассмеялся.

– Вот вам и славная польская конница! – сразу успокоившись, объяснил Бубенист. – Гусары. Вон тот, с прапорцем на пике – рыцарь-шляхтич («товарищ» по-ихнему), а остальные – челядь этого панка.

– Спасибо, дядя! Теперь знать будем... А бери-ка свои литавры! Томилка, бубен! Вася! Молодец... Врежем-ка, братцы, краковяк – не даром же выучили! И-и-и раз!

Бухнули литавры, заглушая бешеный треск деревянного прапорца – в половину длиннейшей пики, к коей привязан. Малый, пилика на гудке, со сладким ужасом таращился на красные усаые лица, на блестящий панцирь и шлем-шишак переднего гусара, на злые морды коней.

Этот передний, шляхтич, поднял свою пику едва ли не только перед настороженными ушами Голубка, проскочил мимо телеги, вернулся, бросил пику одному из слуг и загарцевал вокруг скоморохов, хохоча и отмахиваясь от Бубениста обеими руками в железных рукавицах. Атаман отнял сопель от губ и резко бросил вниз правую руку. Васка, зазевавшись, отхватил ещё одно коленце разудалого танца, тут же получил локтем в бок и опустил смычок.

Шляхтич всё хохотал. Можно было разглядеть теперь, что он еле держится в седле, что красен и мокр не только от майского солнца и скачки...

– Цо то за казаки? Музыки! Х-ха! Музыка штурмовалем...

Он согнулся в седле, хлопнул себя по железному бедру, и от него оторвалась, звякнула о стремя и упала в пыль длинная железяка. Сразу же один из жолнеров-слуг, румяный молодец, спешился и подал её пану, тот сунул ему назад, и слуга принялся, пыхтя, пристраивать железку у панского седла.

– Что это у него, дядя Андрей? – шепнул Васка.

– Копьецо такое малое, чтоб, с коня не сходя, раненых добивать, – и Бубенист сплюнул. – Немцы-хитрецы придумали.

– Гей, музыки! Заграйче походного⁴⁶! – шляхтич подбоченился, крутанул над головой кулаком в перчатке и пустил коня шагом к городу. Жолнеры молча окружили телегу.

– Дядя, возьми вожжи, правь уж за ним, – Бажен наморщил лоб. – И чего он хочет, питух? Что это за походный? Разве танец какой?

Шляхтич обернулся и погрозил кулаком.

– А вжарим-ка, братцы, камаринского⁴⁷! И-и-и – раз!

Вот так, под звуки камаринского и, что твои послы, в окружении конницы, въехала ватага в Прилуки. На улицах посада и в замке не видно было местных жителей, у белокаменного дворца Вишневецких стояли караульные с пиками.

⁴⁶*Походный* – польский танец XVI–XVII веков, по исполнению близкий к позднему полонезу.

⁴⁷*Камаринский* – русский народный танец.

Гусар-шляхтич спешился с помощью того же услужливого румяного слуги и исчез в высоких дверях дворца. Костистый челядник, старший над его слугами, принялся отгонять сбежавшихся к телеге жолнеров. Скоморохи опустили музыкальные инструменты.

Почти сразу же на крыльце появился шляхтич, указал челяднику подбородком на дверь и, не обращая больше внимания на своих пленников, побрёл, пошатываясь, через замощенную площадь. Челядник расставил слуг, и они принялись проталкивать скоморохов по одному в дверь и через узкие сени – в горницу. Васка влетел туда последним и уткнулся носом в твёрдую спину Бажена. Густо пахло табачным дымом, конской сбруей и сапогами. Атаман отвечал на вопрос, который уже не раз этой весной задавали им разные начальники:

– ...а шли мы, господине, в город Прилуки для своего промыслишку...

Запнулся Бажен и отлетел в сторону, и Васка увидал перед собою высокого

седоусого шляхтича. Тот удивлённо скользнул взглядом по малолетке и отошёл, разминая кисть правой руки, к столу, покрытому пушистым ковром. Бажен, сторбившись, встал на прежнее место; теперь Васке, чтобы осмотреться, пришлось выглядывать из-за его плеча. Просторная горница была завалена сёдлами, панцирями, сбруей и прочей военной рухлядью. На столе стояло серебряное распятие, а возле него, прямо на ковре, дымилась горка табачного пепла. Рядом с начальником, только что заушившим Бажена, оказался теперь бритый монах, верёвкою подпоясанный. Латинский капюшонник что-то втолковывал начальнику, а тот, шевеля усами, временами порывивал ему в ответ. Васка попытался понять, что они говорят, но быстро утомился.

Наконец, начальник кивнул челяднику, стоявшему у дверей, и процедил, медленно выговаривая слова:

– Розебращчъ. Пшешукашчъ. Телеген також. А самых до хлодней.

Челядник вытолкал скоморохов из дворца и у телеги приказал раздевать-

ся и складывать в кузов одежду, потом прогнал их, голых, по двору, через толпу улюлюкающих, довольных потехой жолнеров, отпер дверь в подвал и посталкивал поодиночке вниз. Заскрежетал замок.

Подвал оказался невелик. На земляном полу – ничего, кроме гнилой соломы и нечистот. Выглядывая в узкую щель у потолка, только и можно увидеть, что булыжники площади и обтрёпанные сапоги слоняющихся по ней жолнеров.

– Вот, братцы, и в баню с дороги попали, – хохотнул как ни в чём не бывало Андрюшка Бубенист, весь обросший, как оказалось, курчавым седым волосом. – А наш атаман, тот уже и попариться успел...

– Нашёл тоже время зубоскалить, – голый Томилака состоял, похоже, из одних костей. – Скажи лучше: понял ли хоть, зачем раздели нас?

– Письма тайные ищут. И телегу челяднику велено обыскать. Атаман, хорошо ли ты малые те сопели уложил?

Бажен кивнул. Левый глаз его заплывал багровым синяком.

– Нечистый вас обоих возьми, – не унимался Томилка, – и тебя, дядюшка, и тебя, атаман, с твоими...

Бажен молча протянул мощную белокожую до кисти руку и запечатал ему ладонью рот. Потом повернулся к Бубенисту:

– Что это за монах? И про что ещё они говорили?

– То чернец латинский, иезуит⁴⁸. Он виною всему... да ещё, смекаю, князь Константин. Чернец сказал гусарскому начальнику, ротмистру, что ему-де была из Ромен ведомость: там-де, в Ромнах, видели ведомого московского лазутчика в скоморошьем платье, – Бубенист вздохнул виновато. – Узнали-то, дело ясное, меня, да только чернец всё на Томилку показывал: рожа-де у тебя, брат, хитрая-прехитрая... – Томилка застонал. – Вот его, голубчика, говорит ротмистр, первого на пытку и поставим. Тогда чернец просил тут нас не пытаться из любезной-де благодарности к щедрому хозяину: тот, мол, важные

⁴⁸*Иезуит* – член католического монашеского ордена.

услуги костёлу, тьфу, римскому и коро-
не оказывает... Тут ротмистр осердился.
Он-де не желает видеть наши мужицкие
морды и прикажет утопить нас ночью
за городом по-тихому...

Томилка вскочил, стукнулся головою
о каменный свод потолка и мешком
свалился в солому.

– Заробел. На бою не бывал, чело-
век смирной... Да, потом они порешили
обыскать накрепко, а потом с тем,
что найдено будет, отослать в Киев, к
гетману коронному.

– Не найдут, – покачал головою Бажен
и повернулся к Васке, погладил его по
худому, в гусиной коже, плечу. – Ты не
бойся, Томилка только прикидывается
трусом, скоморошит. Мы люди хоть
и не военные, однако и не в таких
переделках бывали.

– Я и не боюсь, – голос у малого почти
не задрожал.

– А вот я боюсь! – взвился опять
Томилка. Никто не хотел смотреть ему
в лицо. – И не чего другого страшусь –

не хочу, разумеете ли, не хочу так скоро этого света лишиться, чтобы потом вечно в аду поджариваться на огненной сковороде!

– Молись, скомрах, своим святым Козьме да Демьяну, – сухо посоветовал атаман.

– С нашим бесовским промыслом, добрые люди подсказали, ада никак не избыть, – отмахнулся Томилка и вдруг напустился на Бажена. – Тебе-то всё едино! Ты не веришь в общее воскресенье мёртвых – сам мне сказывал!

– Бескостный у тебя, право, язык. При малом-то? Вася, ты выйди погуляй пока!

Бубенист и Томилка даже не улыбнулись. У Васьки любопытство пересилило весь немалый страх.

– Ладно уж... Верно, не могу я поверить этим поповским басням. Не будь здесь мальчика, вытолковал бы, почему не верю. А хоть бы и вот отчего не верю: как это вот, – он обвёл удивлённым взглядом подвал и потрогал грязную стенку, –

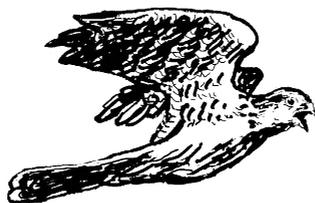
да вдруг исчезнет? Трудно как-то и в собственную смерть поверить. Мнится мне, я живу не первую жизнь, и душа моя уже жива была в другом теле. Я летаю, бывает, по ночам, сонным мечтанием – а вдруг был раньше птицей?

– Соколом, – зачарованно прошептал Васка, который тоже вольно парил, бывало, над землёю во сне. Теперь показалось ему, что над этой, украинской, землёю летал, над её холмами, пашнями, замками...

– Мудрствования – то дело не наше. Чтоб с попами спорить, тебе, Баженко, надо бы сначала всю книжную премудрость одолеть... – Бубенист важно откашлялся. Васка опустил голову: с грустью вспомнились ему все книги, которые только читал, листал или видал на Печатном дворе, у дядьки Гаврилы, в покоях Жирова-Засекина и которых, конечно же, неграмотный атаман и в руках не держал. – Да и есть ли в том толк? Мы знать не можем, что станется

с нами завтра, а ты про тот свет... Я простым своим умишком смекаю так: не там, а тут живём, и должность своя у каждого. Вот её исполнять надо...

В подвале вдруг потемнело. На колени Томилке упал ломоть хлеба. Бубенист замолчал. Все услышали, как незнакомый голос проговорил что-то по-польски и как прошуршали потом вдоль стены, удаляясь, торопливые шаги.

Глава четырнадцатая. О том она, как продолжалось путешествие скоморохов в благородном обществе, и о неудачной попытке расстаться с любезными попутчиками

— говорила ведь мне матушка-покойница: не иди, золотце мое ненаглядное, в скоморохи! Батяка твой сгинул, и ты пропадешь ни за грош... Права, ох, как права была! Будто чуяла, что в такую проклятую ватагу попаду, к умникам таким под начало... Ох, все кишки вытрясло...

Бажен не отвечал на надоедливое ворчанье Томилки. Васка понимал, что он не хочет лаяться с товарищем, которому пришлось сегодня хуже, чем атаману: Томилку, связанного по рукам и ногам, втиснули утром в телегу столь

неудачно, что носом уткнулся он в короб со своим любимцем Петрушкой и с прочими кукольными снастями. Бажен и Бубенист, те сумели перевернуться потихоньку на спину и могли хоть на небо поглядеть, на зелёные ветки, проплывающие порой над головою, с Ваской перемигнуться. Малого только на ночь за ногу привязывали к телеге, а днём он был почти свободен, поил и пытался на привалах пасти Голубка, старался, как мог, помочь старшим. Он и убежать, наверное, сумел бы, да не хотел бросать ватагу.

Вот уже два дня их пёстрая телега тащилась в обозе гусарской роты, которая вышла из Прилук и двигалась, как было уже известно, на Киев, чтобы соединиться с главными силами поляков. Обозные мужики, поляки и русины, посматривали на пленников сочувственно, при случае и сухари Васке совали, однако отворачивались, когда скоморохи пытались с ними заговаривать: явно побаивались слу-

ги пана Чайковского, того самого шляхтича, который так храбро взял в плен под Прилуками Васку и его друзей. Этот слуга, румяный Тимко, правил теперь Голубем и надзирал над пленниками, важничая перед ними безмерно и гордясь своим красным жупаном с шёлковыми галунами. По этой и по некоторым другим приметам ясно стало, что парень глуповат.

Неунывающий Бубенист первый день похода развлекался, без труда доказывая Тимку, что его и других униатов⁴⁹, отступивших от веры отцов своих и прадедов, на том свете черти будут вечно кипятить в котлах со смолой. Не найдя лучшего возражения, Тимко, в конце концов, пустил в ход нагайку. Бубенист примолк, задумался, а ночью, когда Тимко заснул, Васка получил от лазутчика важное поручение.

⁴⁹*Униат* – греко-католик, бывший православный, принявший Брестскую унию между католической и православной церковью 1596 года.

Вот уже три часа малый старался его выполнить. Глаза от постоянного напряжения начали уже слезиться, и он не сразу и поверил, когда под передним колесом телеги что-то слабо блеснуло. Раздумывать было некогда. Васка плюхнулся животом в грязь. Над ним нависло тяжёлое копыто обозной лошади, а возчик Стах, дядька вообще-то добрый, с испугу перетянул его кнутом. Малый не почувствовал боли: выбираясь ползком на обочину, он успел ощупать находку. Именно то, что нужно! Обломок лезвия бритвы или, может быть, перочинного ножичка.

Выслушав изрядную порцию забористой матерной брани и вытерпев пару зуботычин, Васка изловчился и передал находку Бубенисту. Ещё через полчаса малый получил новое задание, на этот раз несложное: подходящие камешки встречались на дороге часто.

Тележные колеса скрипели и выли так, что вполне заглушали шум от тайной работы, однако на всякий случай Бажен принялся петь – и распевал,

что твой соловей, до самого вечера, награждаемый то поощрительными, то вьедливыми замечаниями обозных мужиков.

Когда стали на ночёвку, Тимко по очереди начал развязывать пленников для нужных дел, сунул им, ворча, по гнилому сухарю и, снова связавши, оставил под телегой, а сам устроился на ней.

Поздней ночью скоморохи сползлись голова к голове на совет. Бажен зашептал первым:

– Смекаю, что верёвки перерезать надо будет утром, как заново нас этот пёс свяжет, и чтоб резать не до конца, а таким макаром, чтобы сподручно, как пора придёт, разорвать.

– Верно рассудил, атаман. Как поедем бором великим (там, под Киевом, леса большие), я свистну. Мы с малым налево тогда...

– Дядя Андрей, а можно мне с Баженом, а?

– Добро, вы налево, а мы с храбрецом Томилкой направо. Сходимся в пятницу, в полдень, на Торговой площади в

городе⁵⁰ у ворот Братской школы на Подоле. Там спросите, где это... И если в эту пятницу до Киева пробраться не успеете, то в следующую, ясно? Слушайте ещё раз...

– Дяденька, а почему бы нам сейчас не убежать?

– Эх ты, а ещё грамотей! Не видал разве, что ляхи на ночь обозом осадным становятся, блюдаясь запорожцев. Наша телега внутри, нам отсюда, из обоза, ночью не выйти.

Храп, так успокоительно звучавший сверху, вдруг прекратился. Жолнер Тимко замычал, перекатился по телеге, повозился и задышал спокойно. Бубенист зашептал:

– Жаль, пистолы сейчас не выковырять. Братцы, вот что ещё: сбегать – так всем! Кто заробеет или зазеваётся, того в Киеве ляхи ещё пуще будут мучить, за всех спиной ответит.

Общий вздох был ответом Бубенисту. Бажен отозвался неохотно и не сразу:

⁵⁰В те времена Киев распадался на три слабо связанных между собой поселения: Верхний город, «Печерське мистечко» (городок) и Подол, который в народе и назывался обычно Киевом.

– Некому тут робеть, дядя... А за Ваской я присмотрю.

Ближе к утру Васку разбудил конский топот. Очнувшись и подняв с земли голову, он увидел, как караульный с факелом провёл какого-то гайдука к шатру ротмистра, и снова задремал.

Чуть свет поднялась суматоха. Слуги разжигали костры, связывали постели. Бегая вокруг своих панов, обматывали их широкими поясами, затягивали на них ремни доспехов. Позавтракали шляхтичи в спешке, не заливаясь, как обычно, вином по завязку. До обозных мужиков, а значит – и до чутких ушей Андрюшки Бубениста дошёл слух о том, что от гетмана коронного прислан роте приказ идти на Переяслав, а там, под Переяславом, окопавшись, не выпускать мятежных казаков из города, пока не подойдёт сам гетман коронный с войском.

Скоморохам не пришлось долго гадать, что будет с ними. Подъехал челядник пана Чайковского, Дарда, и с ним ещё один жолнер из тех, кто захватывал ватагу под Прилуками.

Дарда мрачно приказал Тимку собираться побыстрее, крепче связывать лазутчиков и тут же отвесил ему подзатыльник за нерасторопность. Другой жолнер, сплюнув, кинул растерянному Тимку, будто в утешение:

– Повеземо отых вот до Киева.

Ещё раз, уже по-иному, сыграла труба. Началась ещё большая, чем прежде, сумятица, и вот, наконец, рота построилась на дороге. Впереди встал знаменщик с хоругвью, за ним трубачи, барабанщики и литаврщики, а там, по старшинству, шляхтичи-товарищи со своей челядью.

Пан ротмистр на сером в яблоках злом жеребце гарцевал перед строем. Алый бархатный плащ падал на круп коня, золочёный панцирь сиял на солнце. Лихо подбоченившись, он вскинул голову в соболиной шапке, поднял руку, грозно повёл очами и вдруг увидел рядом с собою нелепо раскрашенную телегу с пленниками. Пан ротмистр дёрнул седым усом, погрозил челяднику Дарде и тронул поводья.

– Панове гусажи, – проревел ротмистр, с лязгом вылетела из ножен сабля с крестообразной рукоятью и протянулась в ту сторону, откуда вечером пришла рота. Все повернули туда головы, и даже Томилка ухитрился высунуть свою из телеги, да только не было в той стороне ничего, кроме весёлых зелёных бугров, двух полосок озимых и петляющего между ними просёлка.

Пан ротмистр прокричал речь, упомянув в ней о казаках и о Переяславе, махнул перчаткой музыкантам и вместе с офицерами поскакал в голову двинувшейся роты.

Гремели, бахали и даже ухали литавры, пищали трубы, реяли павьи перья на шишаках, блестели доспехи шляхтичей, начищенные стволы самопалов и боевые молоты на плечах слуг, острия пик грозили самому небу, топорщились усы на сытых круглых лицах – и как же много их было, этих гусар!

– Дядя Андрей, сколько ж их в одной роте?

– Шляхтичей-товарищей с сотню, да у каждого такого товарища конных слуг с оружием до десяти человек, вот и считай...

Проезжали знакомые возчики, один из них оглянулся и что-то вроде крикнул. А вот и обоз исчез за бугром – и остались от роты только кучи лошадиного навоза, мусор и кострища – как после ярмарки, подумалось Васке. Сейчас и музыка смолкнет.

Челядник высморкался, ударил своего гнедка под бока сапогами и выехал на то место, с коего держал речь пан ротмистр.

– Слухать меня, бесовское отродье! Едем до Киева. Зараз Тимко поедет с самопалом у руках за возом и першого, хто зашевелится, свинцем пригостит. А коли, не дай того Боже, – он снял шапку и перекрестился, – проклятые запорожцы наскочут, теды... Что с нами самими потим не будет, а вы першыми до свого пекла помандруете! Понятно ли я казав, москали?

Пан Дарда утёр пот (речь была долгой) и похлопал по рукояткам двух

пистолетов в кобурах по обеим сторонам передней луки седла. У Васки перехватило дыхание: пока Тимко, рот свой дурной разинувши, слушал ротмистра, он сумел надрезать верёвки на руках Бажена и Томилки, а в последний момент успел вернуть лезвие Бубенисту.

– Пан шляхтич, – заговорил вдруг Томилка, – ты хоть и не нашей веры, а всё русский будто человек... Возьми себе нашего Петрушку со всем потешным устройством, он больших денег стоит, да только пусти нас на волю, а, пан шляхтич?

– Добре! Как вас повесят, а рухлядь вашу продавать будемо, не продешевлю тепер, ха-ха! Сахно, не спи! Привязуй своего саврасого до возу, бери вожжи!

Полдня они ехали безо всяких приключений. За Борисполем пошли густые леса, однако Бубенист всё не свистел: Тимко не дремал и держал карабин наготове, а там и челядник чаще начал пропускать телегу вперёд, потом накрепко пристроился рядом с Тимком, маленькие глаза его то и дело ощупывали пленников.

Вдруг жолнер Сахно облегчённо перевел дух, а Дарда, пришпорив гнедка, в два счёта обогнал телегу, остановился, сдернул шапку и принялся кланяться и креститься. Поднявшись повыше в телеге, Васка увидел за кустами широкую голубую полосу Днепра, церкви на кручах и ахнул. Бажен заскрипел зубами, а Бубенист, безмятежно уставив в небо свою седую бородёнку, промолвил:

– Вот ты, парень, и увидел Киев, мать городов русских.

Глава пятнадцатая, а в ней объясняется, почему икоморохи сумели переправиться через Днепр, а коронный гетман Станислав Конецпольский не смог

– Дивись, дивись, хлопче, – радостно засипел пан Дарда, натягивая шапку. – Ставлю золотого, что больше ты этого не побачишь. Ото Зверинец, киевская гора. А ото киевская святыня перед тобою – греко-католический Выдубецкий монастырь, а там, от за тою горою, головный наш, соборный храм – святая София!

– Эх ты, за тою горою... Та гора, Васка, – славная Киево-Печерская лавра, её псам-униятам у нас, православных, не отобрать!

– Сам ты пёс седатый! Разбалакался... Гей, перевозчику!

Дозваться перевозчика было, однако, нелегко. По песку у самой воды мотался на лохматой татарской лошадке шляхтич не из богатых, гнал, голос срывая, всех кормщиков на ту сторону: оттуда-де, с Наводницкой площади, будет переправляться сам пан гетман коронный со свитой-почтом. Пан Дарда, осмотревшись, пристал к хозяину большого судна, байдака, он то грозил своим паном ротмистром, то упрашивал...

Чубатый перевозчик, наконец, согласился. Тимко отпряг Голубя. Жолнеры вкатили по доскам, выдвинутым из байдака, телегу с пленниками, завели лошадей.

На середине Днепра Голубь жалобно заржал. Васка приласкал друга, не глядя: он и сам никогда не видел такой широкой реки. Множество челнов и с десятков пузатых байдаков сгрудились на том берегу у пристани. На самом красивом байдаке, с резным, в змеиное подобие устроенным носом, слуги расстилали ковры.

Чубатый перевозчик, бранясь вполголоса, повернул правильное весло: у пристани не нашлось уже места, и гребцам пришлось поднатужиться, выгребая против течения. Байдак выскочил носом на песок.

Оказавшись на берегу, скоморохи тоскливо переглянулись: о побеге пока приходилось забыть. Во время переправы они боялись пошевелиться, чтобы невзначай не лопнули подрезанные верёвки. Тимко, не забывавший присматривать за пленниками, почуял неладное и призадумался...

– Ты чего копаешься, як сонная муха? – рявкнул челядник.

Тимко втянул голову в плечи, перевернул на Голубе хомут, повозился ещё с упряжью, оборотился боязливо к челяднику, показал грязным пальцем на Томилку – и разинул рот: по дороге вдоль берега надвигалось на него нечто невероятно пышное, многоцветное и сверкающее... Получив пинка, он снова принялся за работу. Воспользовавшись тем, что челядник и молчаливый Сахно сами теперь уставились на гетманскую

свиту, Бажен приподнял голову и мигнул Васке. Тот склонился к товарищам.

– Одно нам осталось, – зашептал Бубенист. – В Замок повезут через город... На Подоле, на Торговой площади, в толпе как свистну – разбегайтесь... Кому-то да повезет, а люди киевские укроют. Собираемся там же...

– Тимко, ах ты негідный, лайдак, а ну скоріш! – челядник был уже на коне.

– Погляньте, хлопцы, – загудел за спиною перевозчик, – и немцы йдуть с ляхами.

Васка высунул голову из-за плеча Тимка и увидел рядом с гетманом двух латинских монахов, а в роскошной ораве панов, – в самом деле, немца в шляпе, длинноволосого и в коротких штанах. Пан гетман, ещё не старьй, но с виду усталый и сердитый, спешился, поддерживаемый под руки, и, преклонив колено, принял благословение у старшего из монахов.

Неуловимое движение произошло в толпе на пристани, ветром пахнуло, что ли? Пан гетман, уже ступивший

жёлтым, в гармошку собранным сапогом на край ковра, простеленного с пристани на сходни байдака, медленно обернулся, и Васка увидел его высоко подбритый толстый загривок. Теперь уже все услышали глухой гул, свист, над сжавшимся и, казалось, уменьшившимся сборищем шляхтичей взлетели стрелы, зависли тонкие петли арканов.

Жолнеры у телеги остолбенели. Бажен жаворонком взмыл над кузовом и исчез за правой оглоблей. Пан Дарда и себе подпрыгнул в седле, опёрся коленом о грядку кузова, дрожащею рукой вытянул из кобуры пистоль, пальцем взвёл изогнутую медную штучку и упёр ствол в живот бледному Бубенисту. Тень мелькнула, на щеку Васке брызнуло горячим, рядом с ним тяжело рухнул челядник и придавил так и не пошевелившегося Томилку.

У байдака вертелся на звере-жеребце черноусый казак, колотил рукоятью сабли по облавку и выкрикивал:

– Вы, холоуи ляхськіе! Отчалюйте зараз же, и чтоб выше Канева не приставаы! Бо все попаымо!

Из-под брюха Голубка выскочил Бажен с двумя пистолями. Жолнер Тимко, с по-прежнему открытым ртом, бросился к пристани. Бажен вытянул руку. Вылетел желтоватый дымок. Тимко споткнулся и упал лицом в песок.

Лёгкие ноги казацкого жеребца, танцуя, переступили через него.

– Гарно, казаче! – прокричал всадник, спокойно вглядываясь в свалку у пристани. – Давайте, хлопцы, с нами. Мы зараз тикаты будемо.

У пристани кипела рубка. Те важные пань свиты, которых в первые же мгновенья не сорвали с сёдел казацкие арканы и которые не корчились сейчас в пыли под копытами, опомнились, озлились и храбро защищали теперь своего гетмана.

Черноусый запорожец загнал жеребца по брюхо в воду, посмотрел в сторону города. Не одобрив увиденного за изгибом дороги, покачал головою. Пуля прожужжала рядом с ухом Васки и отколола щепку от байдака. Перевозчика и гребцов не было видно.

Запорожец, снова очутившийся возле телеги, сунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. Тотчас же из свалки вынырнуло несколько казаков, кони их, все в пене, несли теперь и перекинутых через сёдла пленников. Мелькнул так вот, нелепо свесившись, и давешний немец, которого Васка узнал только по кудрям да по смешной шёлковой тряпке на шее...

– Нам пора, хлопцы. Придёте в Переяслав, спытайте сотника Иванка Швачку!

Сотник Швачка подмигнул Васке, потом его круглое лицо снова напряглось. Он свистнул дважды, убедился, что казаки отходят, и сам пустил коня вскачь. Жолнерские коньки дернулись было за его красавцем, но вернулись к телеге.

Из-за поворота вылетели на полном скаку гусары в доспехах, но не в боевом строю, а скорее гурьбой. Было их много, не меньше сотни – так показалось Васке. Едва успев поднять пики, врезались они в поредевшую толпу у пристани, в суматохе давя своих же раненых.

– Братцы, не зевай! На телегу! – истошно завопил Бубенист, а сам, спрыгнув, принялся расстегивать жупан на лежавшем навзничь Сахне. – Атаман, хватай вожжи! Томилка, очнись, придержи на телеге эту падаль... ну, челядника! Васка, закрой рот, а то пуля залетит!

Малый не мог оторвать глаз от пристани. Пан гетман, обиженно насупившись, уже восседал на коне. Рядом с ним размахивал нагайкой, распоряжаясь, толстый седой пан в кунтуше с отрубленным рукавом. Васка вдруг понял, что поляки не очень-то торопятся в погоню за казаками...

– Гони! – Бубенист, в жупане с галунами, перевалился в кузов. – Что? В город! Куда ж ещё, душа ты скомо-рошья?

Нестерпимо медленно протащилась телега по песку, потом выпрыгнула на твёрдую дорогу. Васка оглянулся. Байдак отплывал, а на песке рядом с жолнерами бился, пытаясь встать на ноги, пегий конь Тимка. Когда же попала в него пуля? Челядников гнедок

и савраска Сахна не отставали от телеги.

Впереди маячили на дороге одинокие всадники, последний из них без конца оглядывался на пристань. Вскоре и позади увидели скоморохи тучу пыли и в ней проступающие цветные пятна – похоже, что пан гетман возвращался, от греха подальше, в город.

– Смотри, смотри! – дёргал Васку за рукав Бубенист.

Посреди Днепра, как раз там, где легла солнечная дорожка, медленно кружился пылающий байдак, тот самый, красивый, убранный турецкими коврами. На корме его возник, как из чёрной бумаги вырезанный, человек и бросился в реку. Над ним взметнулась малым столбиком вода, и ещё раз – будто камень бросили, потом байдак и пловца закрыла гора.

– Уйдёт, – сказал лазутчик убеждённо. – Запорожцы своего не дадут в обиду. Ч-чёрт, мы так меринка загоним!

Голубок действительно начинал уже хрипеть. Бубенист велел Бажену осаживать, потормошил безуспешно

Томилку, подтянул почти совсем съехавшего под колесо челядника, оглянулся на Васку, сам поймал повод гнедка, скатился в пыль, нагнал саврасого и взгромоздился на него. Скачка продолжалась.

Вот и бревенчатая стена города. Ворота открыты. Бубенист завопил:

– Казаки! Казаки!

Телега прогрохотала по подъёмному мосту, проскочила мимо растерянных толстощёких стражников и понеслась по узкой улице. Выкатились на площадь. Чёрные башни костёла вдруг нависли над ними. Бажен отпрянул и натянул правую вожжу. Васка успел ещё разглядеть, как к калитке в стене у рогатого костёла бегут, светя пробритыми макушками, латинские монахи... Мелькали лавки, рундуки, купец в чалме упал, руки раскинув, на прилавок, брюхом прикрывая дорогой товар; народ втискивался в проходы между лавками, прижимался к стенам. Деревянная церковь выросла перед Баженом, он гикнул, направил Голубя в переулок справа от храма, бросил

вожжи и оглянулся, блестя зубами, на Бубениста.

Голубь, не сбавляя почти скорости, пустился по переулку. Тотчас же свернул в открытые – будто их тут ждали – ворота усадьбы, что сразу за церковью, и стал во дворе, как вкопанный. Ноги его мелко дрожали. Бубенист закрыл ворота, грюкнул засовом и тяжело сполз с седла. Не удержался на ногах и сел прямо на землю. Лошади прижались друг к дружке головами и затихли.

Глава шестнадцатая, начинающаяся всеобщим смехом, а завершающаяся появлением митрополита киевского

олёса молчали, и слышнее стало, как шумит площадь. Крик там стоял, гудели копыта, и даже сыграла вроде бы тревогу полковая труба, однако скоморохи уже не обращали на тревожные звуки внимания. Как будто ворота были заговорёнными, а сами они очутились в чудесной Микитиной вотчине, где всякому беглецу навеки воля⁵¹.

Бажен изумлённо разглядывал свои пальцы: из-под ногтей на обеих руках сочилась кровь.

⁵¹Такое убежище для опальных и беглецов запрашивает у царя Ивана Грозного боярин Никита Романович в исторической песне XVI века «Гнев Ивана Грозного на сына».

– Ты ранен, Баженко? – подскочил к нему Васка.

– Не... То я пистоли ногтями из доски добывал. Ух, как схватило!

Всё ещё кривясь, атаман обвёл ватагу красными глазами и вдруг захохотал, тыча пальцем в Бубениста и с трудом выговаривая:

– Гляньте, братцы... гусар-то наш... каков!

И в самом-то деле – Васка только теперь это разглядел – Бубенист был смешон до икоты в мешком на нём висевшем красном жупане...

– Гусар... а пан гусар!... Где... п-пику потерял?

– А Томилка-то наш, Томилка! Это надо было видеть, как очумело, с обрывком верёвки на носу, выползал он из-под костистых останков пана челядника... Хохотали уже все.

– Ну и удалцы же вы, весёлые, – захлёбывался Бубенист, – ну и резвецы! Томилка с испугу пластом лежит, а атаман, гляжу, тако храбро под телегу хоронится... Ой, не могу!

Томилка отряхнулся, осмотрелся, скорчил жалостную рожу и запищал:

Ой, снимите с меня мёртвое тело!
Уберите, чтобы сверх земли не тлело,
Чтобы черви не точили,
А черти в воду не тащили!

– Буде скоморошить, Томилка, лучше б ты свою прыть чуток пораньше показал, – оборвал его, снова скривившись от боли, атаман. – Давайте думать, куда теперь податься, и что делать с этим вот приبلудю на возу. Дядя, тебе тут, в Киеве, и карты в руки!

– Перво-наперво надобно хозяина двора найти, – озабоченно заметил Бубенист, срывая с плеч красный жупан.

– Хозяин дому в Михайливському Золотоверхому монастири, – ответил ему незнакомый сонный голос. – А я скризь дрёму чую: вроде и двор пустый, а кони топчут и люди регочут...

На крыльце стоял, позёвывая, коренастый вислоусый дядька в рубахе длинной, до пят.

– Здравствуйте в вашей хате, – вышел вперёд Бубенист. Ватага поклонилась.

– Здравствуйте и вы, якщо добрые люди... Токмо, кажу я, хата не моя. Сие двор отца митрополита Иова Борецкого⁵², а я токмо... Эге, да у вас на возу жолнер убитый!

Вислоусый резво метнулся к воротам и проверил, хорошо ли задвинут засов. Насел на Бубениста:

– Откуда у вас... оте на возу? Откуда кони жолнерские? Як досталися ко двору? Чого це у вас возок размалёванный? – и он сунул нос прямо в зелёные волосы русалки.

– Мы скоморохи походные из Москвы, добрый человек, – оттеснил атаман плечом Бубениста. – Не гони нас, выслушай сперва! Ты же сам мастерством своим кормишься, понять нас должен...

⁵²Речь идёт об Иове Борецком (1560–1631), игумене Михайловского монастыря, поставленном в 1620 году в православные митрополиты константинопольским патриархом Феофаном III. Непримирымый защитник православия, был в 2008 году канонизирован Украинской православной церковью Киевского патриархата.

– Отчего мовишь, что мастерством? – насторожился вислоусый.

– На руки твои посмотрел – краска въелась... Так вот, ехали мы для своего промыслишку на Киев, и на пристани вашей попали мы в стычку казаков с ляхами, и тот вон жолнер убитый упал с коня к нам на телегу, а конь его за нами увязался. И другой тож. Ворота же твои отперты были, вот наш Голубь в них и завернул, эта животинка нас не впервой выручает.

– Что за чудеса! Упав з коня – та й прямо до воза... От ты, хлопчику, ты скажи, як воно було. Ты ещё, надежду имею, брехать не научился.

– Меня Ваской кличут...

– Ты, хозяин, его не трожь, – попросил Бажен. – Мальцу нашему и так досталось не по годам его... Васка, отчего у тебя кровь на щеке?

– То не моя, то с него вот, – Васка, не глядя, ткнул пальцем. – То с пана челядника Дарды капнуло.

– Тьфу, гадость! Оботрись. А коли вправду, хозяин, то дело было так... –

и Бажен поведал всю прежалостную повесть путешествия, опустив только всё, связанное с Путивлем и его хитроумным воеводой.

– Грех не помочь вам, – промолвил вислоусый, озабоченно присматриваясь к пану челяднику. – Тем паче в такое время. Токмо оставаться вам тут, на дворе митрополичьем, не можно.

– Твоя правда, хозяин, – Бажен покорно склонил голову. – Ни в какие ворота не лезет: весёлые – и на дворе митрополичьем.

– Что блазни? И не то даже, – отмахнулся хозяин. – Недобре, что из Московщины пришли. А что до мертвяка, то я придумал одну штуку, ну прямо казацкую хитрость, настоящий фортель⁵³. А ну, хлопцы, подсадите ляшка на коняку!

Васка отвернулся. Слышно было, как суетился гнедок и кряхтел Томилка.

– Засувайте ноги до стремян! – скрипнул засов. – Никого в переулку... Ану, кнутом тую жолнерскую скотинку! Так!

⁵³ *Фортель* – воинская хитрость.

Заржал обиженно гнедок, ударили в землю его копыта. Снова скрипнул засов. Васка поднял голову.

– Уже краще... Ляшок конный, с саблей, не пограбленный совсем, даже и в сапогах. Все подумают, что с битвы его мертвого конь вынес.

– То не поляк – русин, уният заклятый, – счёл нужным уточнить Бубенист. – Только пистоль его я вынул. А другой... Ты гляди, так на соломе и лежит!

– Уният? Собаке собачья и смерть. Ну, отепер можно и познакомиться. Я естем школьный мастер и типограф Спиридон Соболя, по отчеству Богданович. Тии ляхи з униятами батьку моего загубили, и мэнэ воны допекли до печинок...⁵⁴ Вам допоможу. Токмо куда ж вас определить?

– Так ты книги печатаешь, мастер? – протянул Бажен. – А наш мальй, Васка, был на Москве в учениках у резчика, что служит на Печатном дворе, да и сам он там отирался.

⁵⁴ *Мэнэ воны допеклы до печинок (укр.)* – меня они допекли до печёнок.

– Не брешешь? О, теда мне отрочек сей – дарунок Божий! Хочешь в подручные? А то я зараз майже⁵⁵ один: и швец, и жнец и, – звиняйте, панове весёлые, – на дуде игрец! Мой подручный, почтенный пан Селивон Рыболов, годен токмо рукоять пресса – ворот крутить да стопы бумаги таскать – и то наглядаты треба⁵⁶, чтоб пресс не разломал и дорогую бумагу не помял... Эге ж! То ж он, панове, лайдак, по воду поехал и ворота не закрыл! Вот до него, Селивона, на постой и пошлю вас. Там безопаснее...

Совсем уже сон стряхнув, печатник Спиридон сыпал теперь словами, что горохом. Васка, не всё в его быстрой речи разбирая, перестал вслушиваться и задумался вот о чём: как это может один человек, ну пусть с подручным, создать и в мир выпустить печатную книгу? Дядька Гаврила рассказывал, что на Москве у одного стана десять человек трудятся.

⁵⁵*Майже* (укр.) – почти.

⁵⁶*Треба* (укр.) – надо.

– Не гоже нам вот так сразу идти со двора, любезный хозяин, – сумел вставить слово Бажен. – Мы в таком сейчас образе, что доброму человеку и плюнуть некуда. Меня, например, теперь не хуже нашего Голубка чистить надо...

– Сегодня ночуйте вже тут. Зараз мыльню на огороди вытопим, а придёт моя стара, ваши ризы роскошные перемое. Сами ж посидим за чаркою-другою, покалякаем...

Только сейчас Васка понял, какой знакомый запах, давно уже дразнивший его ноздри, стоял во дворе: был то запах жжёного сена, на густой олифе замешанного, запах краски типографской.

– Давайте, хлопцы, распрягайте. Коней на конюшню, он там. А сами потом до мэнэ, от у тую дверь, там моя светлица.

В ворота постучали. Мастер Спиридон изменился в лице и, помедлив, спросил:

– Кто це колотыться? Тут двир митрополита киевского.

– Одчини⁵⁷, пане Спиридоне. З нами отец преосвященный, – отвечал грубый голос.

В отпертые поспешно ворота въехали два всадника в тёмной одежде, однако вооруженные до зубов, развели, с коней не сходя, створки ворот пошире и пропустили во двор небольшую чёрную карету, запряжённую только двумя смирными лошадками, а за нею ещё с полдесятка обвешанных оружием конных. Во дворе сразу стало тесно.

С козел тяжело спрыгнул здоровенный послушник и помог выбраться из кареты сухонькому старичку-монаху, потом пошарил в карете, вытащил осторожно высокий резной посох и с поклоном вложил его в руку церковному иерарху. Мастер Спиридон, стоявший уже наготове, склонился над протянутой ему жёлтой, в тёмных веснушках рукою. Митрополит небрежно перекрестил его.

– Здрав будь, Друкарю. Снова спал, не выспишься всё. И во время какое!

⁵⁷Одчини (укр.) – отвори.

– Писля трудов тяжких, пресвяты́й отче. Ведаешь сам, тружуся я один.

– Время якое... Сторо́жу пришлось оружием обвесить, як гайдуков панских... Треба. Челядника моего, покойника Петра, да трёх монастырских подданных ляхи на улице на шматки саблями посекали за то токмо, что православни.

– Ведаю про то, пресвяты́й отче.

– Як работа посувається⁵⁸? Скоро ли выдрукуешь «Апостола»? Грошей я тоби дать не зможу...

– Так-сяк справляюся, отче. На родине моей, на Белоруси, не перевелись ещё люди православные, которые святому делу охотно помогают.

– Гроши зараз на иную справу⁵⁹ потребны, собираю, где токмо возможно... У тебя не прошу, твоя справа теж необходимая. Время пришло подвигов, – какой философ сказав, не помнишь ли? И я забув. Старый уже, хвораю, а

⁵⁸*Як работа посувається?* (укр.) – Как работа продвигается?

⁵⁹*Справа* (укр.) – дело.

треба зараз пастыриў молодых, к делу горячих... Молодых и делу святому Отчизны верных...

Старичок задумался, повиснув на своем посохе, потом огляделся и вдруг напустился на мастера Спиридона:

– Что то за люди обдэртые? Или двор мой постоялым зробився, что всякий до него валится? Та ещё з возом повапленным, з русалкою!

Васке стало неловко. Как-то стыдно, что отец митрополит увидел русалку. Вообще-то, работой своей он был доволен и вовсе не считал, что русалка та плохо намалёвана. Напротив, тот же Бажен уверял его, смеясь, что работа даже слишком мастерская: надо ведь, сумел сделать это зелёноволосое создание таким похожим сразу на двоих – не только на Вешку, а в той есть, кто спорит, кой-чего русалочьего, но и на добрую и ликом прекрасную её хозяйку... «Как давно это было! – удивился малый. – Если б не русалка намалёванная, то и лицо Вешки совсем бы забылось». Его дёрнули за рукав: скоморохи по очереди подходили к руке подобревшего старичка, и Томил-

ка скорчил уже неммыслимо постную рожу...

– Заждите, детки! – сказал им митрополит Иов Борецкий. – Федько, знайди лопату и зробы, что тебе приказалем... Детки! Мастер Спиридон зараз поведал мне про вас. Претерпели есте от гонителей наших. Все православни зараз терпять, молитися надобно. Пане Спиридоне! Ключи у тебя, видимкны малый чулан, нехай возьмут, что им потребно из одежины. А отрочку сему замурзанному хоч бы и мой подрясник, там есть, майже новый. Я, ещё протопопом Иваном тут будучи, – он показал, не глядя, в сторону церкви, – справил его, да не доносил. Мы с отрочком зараз под одну версту, что старый, что малый. Ну, идить, детки.

И он повернулся было к мастеру Спиридону, но тут шагнул вперёд Бубенист и тихо, но настойчиво попросил позволения поговорить с преосвященным отцом наедине, время самое малое забравши. Митрополит взглянул на него внимательно, и Васка увидел, какими же молодыми, любопытными могут быть глаза у этого

хилого старичка. Кивнув лазутчику на крыльцо, митрополит последовал за ним, с трудом передвигая ноги.

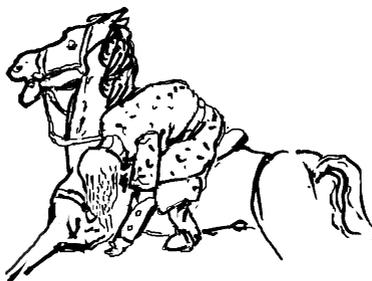
Томилка уже рылся в кузове телеги.

– Так и есть, верно я это боками своими почуял. Котёл украли, бельишку нашему ножки приставили, ведёрка кожаного и того нет, фляга...

С треском распахнулась дверца чулана. Здравяк-послушник отворил её, наверное, головой, потому что в руках еле удерживал берестяной, весь в земле и вёревкиами обмотанный, короб.

– Головы пока целы – и то, считай, подарок, – серьёзно сказал Бажен, не отрывавший глаз от двери, за которой скрылся Бубенист.

Уже в сумерках мастер Спиридон повёл нечаянных гостей на новое место; как и собирался, к своему подручному Селивону Рыболову.

Глава семнадцатая, в коей Бажен объявляет войну речн Псполитой, а Васка вступлет в единоборство с коренным киевлянином, заклучает с ним мир и начнлет совместную проходку по Киеву

тобедав, скоморохи облизали ложки и, по походному обычаю, сунули их за голенища. Чернбровая хозяйка, протирая стол, одарила их за это взором осудительным, сложила грязные полумиски и вышла, неслышно ступая босыми ногами.

– Что это было, дядя? – скучно спросил Томилка.

– Затирка. Просто тесто такое, в кипятке с солью распущенное.

– Живут, конечно, они чистенько, справно, хлёбово каждому наливают в особливую миску, а вот еда бедная...

Хозяин наш какого вчера осетра вытащил – и на базар сразу! И рыбою тут несет...

– Помолчал бы, утроба несытая! – осерчал ни с того ни с сего Бажен. – Чем же здесь ещё вонять может, в каморке, если хозяин здесь сети сушил? Спасибо людям и на том... Хватит отсыпаться, завтра перед светом пойдём с Селифаном, поможем невод таскать.

– Я не смогу, атаман, – сказал Бубенист. – Мне, может быть, и ночевать с вами не доведётся.

– Казаки там бьются, Селифан рыбу ловит, ты своё дело делаешь, а мы тут... Рассказал бы хоть.

– Про те дела вам же лучше не знать – мало ли чего... Одно скажу, что на днях доведётся кому-то в Путивль скакать.

– Не, я не поеду. Надо сперва мне с ляхами теми переведаваться. Я их первым не задираю.

– Беда, ребята! Ваш атаман замещение с поляками нарушает и Речи Посполитой войну только что объявил. Ой, как страшно!

– Смеёшься, дядя? Как нас в Прилуках вязали, что-то они про мир не вспомнили. А к запорожцам, сказывают, донских казаков много пришло. Они что ж, по-твоему – не русские? Не нашего царя подданные?

Бубенист помолчал. Зажав уже в левой руке кремень и трут, он любовался остальной, на столе разложенной снастью для курения: была там короткая глиняная трубка, набитая крученым табаком, кисет, кресало. Поднял прищуренные от удовольствия глаза на Бажену:

– Про донских казаков мне ли не знать? То дело известное, что их с запорожцами водой не разольёшь: то донцы на Сечи, то запорожские на Дону живут, в Крым вместе по морю ходят. Так ведь они люди воинские! Прости мне, старику, однако мушкет – это тебе, атаман, не сопелка, хе-хе...

Бажен, побагровев и набычившись, присматривался к тому, как торжественно берёт Бубенист в зубы свою казацкую люльку⁶⁰ и священно-

⁶⁰Люлька (укр.) – трубка для курения табака.

действует с нею. Васка, забоявшийся ссоры, смотрел на них во все глаза и увидел, что трубка уже немного треснула у дыры, той, широкой, сверху, куда набивают табак... Вдруг атаман хлопнул Бубениста по плечу:

– Правда твоя, дядя! Только я свою сопель на свирель променяю, а у той против одного мушкетного – целых пять стволов. Как заряджу вишнёвыми косточками – так одним махом – пятерых ляхов!

Заскрипела дверь, открылась шире, и в каморке стало светлее.

– Приймаете ли гостей? – спросил мастер Спиридон Соболев, попытался протиснуться внутрь, передумал и остался в дверях, нагнувши голову. Поздоровались, потом гость беспомощно развёл руками и спросил:

– Хотите загадку, панове? Вот:

Хоч без окон, а с дверьми.
Полна горница людьми.

– Чего уж там? В тесноте, да не в обиде, – усмехнулся Бажен. – Спасибо,

что помогли, пан Спиридон. Что в Киеве слышно? Мы тут, как крысы в бочке, уже скоро кусать друг друга начнём.

– Ясно... А в Киеве сказывают, что на той стычке у переправы казаки самого пана коронного гетмана за малым не поймали, а поймали-таки немца-капитана. Пан коронный гетман за ним крепко жалкует; сказывают, той немец свежо найманный был за великие деньги, бо ж магистер и доктор с огнистой стрельбы...

Васка припомнил длинные кудри и шёлковую тряпку на шее того немца – вот ведь какие пушкарки бывают!

– ...Теперь пан гетман решил переправу свою добре подготовить и подготовил. Чи не слышали сегодня того воя латинского? А, забув, вы ж от костёлу доминиканцев подале... Так вот, пан гетман у них службу слушал, а доминиканцы меч ему освятили на всю Русь и с тем воем своим около костёла носили.

– Подготовился он добре, а переправляется ли уже? – спросил Бубенист.

– Так зараз же все ляхи на переправи.

– А что про казаков слышно?

– Они, пане атамане, до Переяслава собираются, дорогих гостей поджидают, закуски парят-варят, горилочку гонят да в барыльця⁶¹ сливают. Панове, я до вас с просьбою. Пустить своего Василька, чтоб для меня по городу прогулку зробив, до Лавры.

– Хочешь ли пойти, Васка?

– Конечно, атаман.

– Ну и добре. Ляхи зараз вси на переправи. До побачення⁶², панове.

Разминая шею, затёкшую от неудобного положения во время разговора, мастер Спиридон оглядел дворик и кликнул:

– Селивонэ!

Из дверей хаты появилась растрёпанная голова Селивона Рыболова, скрылась было, потом появился весь хозяин двора, уже в шапке и в свитке, наброшенной на плечи.

⁶¹*Барыльце* (укр.) – небольшая деревянная посуда для жидкости с двумя днищами и выпуклыми стенками, стянутая обручами.

⁶²*До побачення* (укр.) – до свидания.

– Селивонэ, отчего ты сегодня и вчора не приходив?

– Час такый, пан мастер. Краще уже дома од греха пересидиты... И так пан мени он яку свиню пидсунув... – и замолчал, заметив Васку. Лицо его, и без того надутое, совсем перекошилось.

Мастер Спиридон задышал тяжело, в землю глядя. Потом сказал:

– Бог тебе, человече, судья. Пан отец Иов, митрополит киевский и всея Руси милостью Божию, просил тебя сделать доброе дело, а ты... Нехай уже. Отпусти со мною свого Грицька. До Лавры с хлопчиком сим хай сходить, до типографии. А я тобі сей день зачту.

– Грицько! Грицю, от пойдёшь, куда пан мастер Спиридон тобі прикаже. Слухайся его! И от жолнирства тримайся подале!

– Вели ему, Селивоне, штанци якись натягти и сапоги дай, бо ж до Лавры пойдёт...

– Чув? Иди.

За воротами мастер сказал мальчику, что сначала надо зйти к нему, взять шкатулку и грамотку,

чтобы отнести их в Печерскую лавру, в типографию, сиречь в друкарню, пану отцу типоблюстителю Артемию Половковичу, и заставил несколько раз повторить должность и имя.

– А на словах что передать? – важно спросил Васка.

– В грамотке ж сказано, хлопче. Ну, добре, и на словах скажи, что все доски целы, не поколоты, не треснули, и от краски видмыти, як треба.

– Понятно. А что это, пан Спиридон, за город на горе над этим городом?

– Город? Ага, по-московскому... По-нашему называется Замок, крепость градская. Токмо из него проку чуть: защиты доброй нема. Ветх зело наш Замок, и гарматы⁶³ большие с него свезены. А гроши на него великие идут. Все замковые мещане на него подымное⁶⁴ платять. Грицько, твий ба-ко замковый?

– Замковый, пане. Каждый год два по десять грошей вынь да положь.

⁶³*Гармата* (укр.) – пушка.

⁶⁴*Подымное* – налог, подать, взимаемая с каждого дыма (жилья), двора.

– Магистратские, те по три золотых кладуть.

– Так они ж богачи-дукачи, те хлебники и шевцы, хай и платятъ!

– Шустрый ты какой! Всем несладко, хлопцы. Тепер зачекайте трошки⁶⁵.

Пан Соболь скрылся за воротами усадьбы. Грицько проводил его взглядом, показал вдруг Васке длинный розовый язык и учал задираться:

– Тю-тю! Попёнок-опёнок, поповски обноски!

Васка одёрнул злополучный подрясник, в голове у него зашумело.

– А ты мещанин бесштанный!

– А ты, ты... блазень бездомный! Волоцюга, по чужим дворам волочишься!

– Дурак ты преузорочный!

– Це ты дурень, невивглас⁶⁶, до церкви не ходишь!

– Сам ты невежда неграмотный, аза⁶⁷ от ежа не отличишь!

⁶⁵*Тепер зачекайте трошки* (укр.) – теперь подождите немного.

⁶⁶*Невивглас* (укр.) – невежда, необразованный человек.

⁶⁷*Аз* – название буквы древнеславянской азбуки.

Грицько залився краской и больно ткнул Васку кулаком в грудь. Тот охнул и, размахнувшись, попал сопернику в нос. Бойцы обхватили друг друга, Грицько сумел подсечь Васке ногу, сам не удержался и вместе с ним покатился в пыль.

Мастер Спиридон вышел из калитки, закрыл её за собою, осторожно поставил на землю шкатулку, наклонился над бойцами и, изловчившись, поймал за ухо сначала одного, а потом и второго. Поставил их, сопящих, на ноги.

– Слухай, Грицько, зараз мы повернемося до твого батька, я ему поведаю бывшее, он из тебя пылюку выбьет, а потим сам отнесёт шкатулку. Ты же, хлопче..., – повернулся он к Васке. – И ты вернёшься домой. Селивон сам справится.

Грицько скривился, кулаками выдавил из хитрых глаз по слезинке и принялся божиться, что больше этого скоморошенка пальцем не тронет, всё сделает, только бы батьке не было рассказано. Васке его нытье успело уже и надоесть, когда мастер Спиридон в

конце концов простил их обоих, переспросил для верности, кому надо отдать в типографии шкатулку, и снова направился к воротам. На полпути остановился, хлопнул себя по лбу и едва ли не бегом вернулся к удивленным мальчикам.

– Вот беда! Из-за дурной ваши драки едва не забыл сокровище своё из шкатулки вынуть! Так и отдали бы Половковичу...

Он вырвал у Грицька шкатулку, достал небольшой сверток, развернул тряпочку и дрогнувшим голосом позвал полюбоваться на свою драгоценность.

Васка увидел обычную грушевую резную дощечку, с такой заставки в книгах печатают. А вот рамка была заполнена небывальными изогнутыми травами, а над нею выступало на ветке яблоко граната, дерева из далёких полуденных стран. Дощечка была стёртая, в трещинках, кусок рамки справа выщерблен. Грицько пожал плечами и принялся ощупывать свой расквашенный нос.

А мастер, встретившись с изумлённым взглядом Васки, спрятал в усы довольную улыбку:

– Это доска самого Ивана Федоровича Москвитина...

Ахнул Васка и снова склонился над дощечкой. В том, что ему доводилось о первопечатнике слышать на московском Печатном дворе, трудно было отделить правду от сказки.

– Его, его... Славетный наш першодрукаръ вырезал её на Москве ещё, оттиснул с нея заставицу в первом своём творении – в «Апостоле» московском и увёз на Украину... Добре сия доска постранствовала по типографиях, и каждый друкаръ, светлую память русского архитипографа почитая, в своей книжци за честь почитал ея оттиснуты. И я тоже. Что за друкаръ був, який мастер художества типографского! И який философ премудрый! Я зараз с его «Апостола» свой – буква в букву набираю бестревожно, бо знаю, что похибок⁶⁸ и опечаток у Йвана Федоровича не водилось вовсе!

⁶⁸ *Похибка* (укр.) – ошибка, недосмотр.

Пан Спиридон бережно завернул дощечку, взглянул с жалостью на застучавшего Грицька, посоветовал ему умыться на рыночной площади у колодца и попрощался с ребятами.

– Ещё чего – два раза на день умываться! Кривця⁶⁹ и так не тече уже...

– Ты что ж, и вправду не будешь больше приставать?

– Сказано ж було, – отвечал Грицько, старательно отряхиваясь.

– Что, батькина ремня забоялся?

– Не... У Лаври побувать хочеться, погулять. Давай, пошли уже. Ты ж тут, у Києве, без меня, як кутёнок слепой.

⁶⁹ *Кривця* (укр.) – уменьшительно-ласкательная форма слова «кровь».

Глава восемнадцатая, описывающая славный Киев-град, каким увидел его Васка весной 1630 года от рождения Христова

В-прежнему сторожке поглядывая друг на друга, вышли пареньки на рыночную площадь. Она была пустынная: досужий народ, как понял Васка, глазел сейчас на переправу коронного войска. Оказалось, что два дня назад, в той сумасшедшей скачке, малый совсем не разглядел главной площади Киева. Прямо напротив Воскресенской церкви, сразу за которой и располагался столь счастливо укрывший скоморохов двор митрополита Иова Борецкого, прямо напротив неё красовался посреди площади деревянный терем о два жилья, украшенный большими стёклами окон, щедрой резьбою и резною же смотровою башенкой на крыше.

– Гришатка, а это что? Наверное, палаты воеводы?

– Воеводский палац в Замке стоит, – снисходительно объяснил Грицько. – То наша ратуша.

Васка хотел было спросить, что такое ратуша, да забыл: в глубине площади, за амбарами, лавками и рундуками увидел он белую церковь. Вытянутая вверх, с одним стройным куполом, лёгкая какая-то, она как будто взлететь хотела над прочными, к земле плотно прижавшимися торговыми строениями...

– То соборная наша церква, Пирогоци. Её ще при руських князьях було змуровано⁷⁰! А це Братский Богоявленский монастырь, там школы... Дывись, куды идешь!

Малый, снова засмотревшийся на красный флюгер ратуши, чуть не забрёл в вонючую лужу. Только сейчас он обнаружил, что площадь не замощена.

⁷⁰*Мурувать* (укр.) – сооружать строение из кирпича, камня.

– Там, в Братском монастыре, у церковной стены могила славного гетмана Петра Сагайдачного, который с Войском Запорожским на битве с турками будучи, поганых турок по одному в плен забирал и в свой лагерь приводил, и на том бою стрелою пострелен и в Киеве от раны помер. Там, на могиле его богатырской, хоругвь устроена, а на ней вин, як живый, намалёванный на коне с сагайдаком и с булавою своею гетманскою! И ещё там братские школы...

– А что за школы, Гришатка?

– Ты дывысь, як его школы зачепыли! Те школы не для таких голодранцев, як мы с тобою. Там учаться сыночки бурмиистра, войтов, попов, значных казаков, старцев соборных, от кто... Там ученики ходять чистенько, всегда в сапогах, звутся спудеями.

– А мастер Спиридон, – он ведь там учитель, – не мог бы тебя, скажем, в те школы пристроить, а, Гришатка?

– Мог бы, мабуть... А навищо: выучившись по-гречески – та й знову невода тягать? Навищо оно мени?

Васка с завистью поглядел на стены монастыря. Везёт же людям... На Москве нет таких школ.

Оставив позади площадь, они прошли узкими – и оттого Васке показавшимися ещё более длинными, чем были они на самом деле, – улицами и вышли к Острожским воротам. Как и два дня назад, ворота были отворены и мост опущен. Из башни доносились голоса игравших в кости стражников.

– От где легка работа, – завистливо протянул рассудительный потомок Селивона Рыболова. – Понаидалы морды. Це тебе не по-казацки в поле за татарами гонять!

За мостом, на развилке Васка остановился.

– Теперь куда?

– Тепер в гору, до самого Кута Спасского, а там сам увидишь. Так ты ещё в Печерський лаври не бував?

– Нет...

Гришка посмотрел на него с презрением неописуемым.

– То ты ничего ещё и не видел в жизни своей.

На подъёме, не столько крутом, сколь утомительно длинном, Васка скоро начал задыхаться.

– Що це з тобою, Васько?

– Круто гораздо...

– Весь Киев такой! Весь на горах та буграх... Мы тут приобвыкли. Як був я ще малым, так с хлопцями бигав в Хрещатый яр⁷¹ гулять. Хотел бы я поглядеть, як ты погасав бы там с горки на горку!

– А волков там не водится?

– Забигають и вовки. А лисиц та зайцив повно.

Наконец, забрались они на гору.

– От тут, у Преображенской, и передохнём. Заодно и по Киеву роздивисься, майже все побачишь...

Васка, не успев отдышаться, поплёлся первым делом посмотреть церковь. От неё, некогда огромной, остались только невысокие, на высоту человеческого роста, остатки стен. На одной из них, которая пониже, вырос развесистый клён. Штукатурка была смыта дождями, однако с широкого кирпичного

⁷¹Яр (укр.) – глубокий овраг.

столба взглянули вдруг на паренька суровые лики святых.

– И дожди не смывают?

– Что? Да это же из камешков блестящих выложено, навечно. Там внутри кое-где и по стене красками наведено, ещё можно побачиты... Якщо батько мэнэ пустыть з тобою, я тебе все покажу: где була Василивська церква, а де Десятинна, Симионивська... И тут недалечко, ще стоит стена, майже целая стена церкви Федора Тирона. И покажу, где булы князивськи, руських князив, палаты...

– Да откуда тебе всё то ведомо?

– Тут все киевляне знают, где что в давнем великом Киеве було. Меня, ещё совсем малого, батько за руку водил и показывал, А ему – его батько, а мой дед. Це мастер Спиридон, хоч и навчєный вин, може всех Киевских святынь не знать: он не киевлянин родом, белорусец.

– А где Софийский собор?

– Залазь на стену. Зверху все покажу! Ну?

– А не грех?

Васка решился и вслед за юрким Грицьком начал карабкаться по уступам поросшей травой стены, сложенной из невиданного им раньше древнего тонкого кирпича.

– Руку! Ну, давай ще трохи...

Наверху ухватился за ствол клёна. Пока лез, неведомый святой, из камешков тех вечных выложенный, следил за ним своим страшным чёрным глазом, однако испугаться и вернуться с полпути значило опозориться перед Грицьком. А ведь сын мещанский и без того, на пустом, собственно, месте снова начал задаваться...

– Вон где купола Софии – бачишь, слева от ограды Златоверхого?

– С чего бы это вы все тут, Гришатка, всё «золотоверхий» да «золотоверхий»? Купола-то у собора деревянные, крашенные.

– А це вин у давние часы був золотом крытый. Татары, як Киев руйнували⁷², то золото поздирали. И золотые створки из Золотых ворот тоже украли.

⁷²*Руйнували* (укр.) – разрушали.

– Так это татары старый Киев разрушили? Я-то думал, что поляки, когда Украину завоевали...

– Не, батько казал, что татары. Не крымцы, иные, ещё пострашнее. Песиголовци.

– А София отсюда красивая...

– То здалека. Святую Софию униаты забрали, она у них не полагоджена, обшарпанная, двери, кажуть, завалилися, войти не можно. Там, в Старому городи, одни руины и валы... Але ещё восстанет Киев из руин, – казав пан Спиридон, – снова восстанет, як птица Феникс, поднимется из пепла ещё краще! Тогда снова станет великим, богатым, весёлым!

– Добре бы было то, Гришатка. А теперь он с Москвою, с царствующим градом, в сравненье не идёт. Что тут сейчас? Посады да развалины...

– Сады? Что ж тут поганого? Коли садочков багато...

Васка не расслышал его и не улыбнулся забавной ошибке. Он огляделся ещё раз. Теперь не зелёные горы на этой стороне Днепра, где среди садов

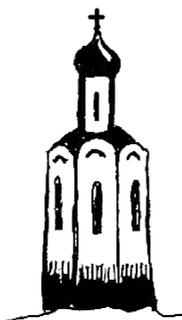
и огородов разбросаны жалостные развалины и убогие хатки, и не бесконечные лесные и луговые дали на левом, низком берегу увидел он. Нет. Прекрасный город раскинулся на обоих берегах великой славянской реки. Город из белого камня и весёлого расписного дерева, город, застроенный густо, будто на прянике, поднявший к голубому небу золотые луковицы храмов и красные крыши теремов, город, в котором не будет соломою крытых мазанок и курных изб-развалюх, город, в котором у каждого в доме будут большие стеклянные окна, а на площадях целыми днями станет играть музыка...

– Ты что, заснув там, москвичу? Мабуть, боишься спустатися. Да ладно, уже допоможу. О! Бачишь, вон ляхи з реестровыми казаками идуть?

Васка встрепенулся, окончательнo отогнал видение и всмотрелся в ту сторону, куда указывал Грицько своим грязным, с обкусанным ногтем, пальцем. Да, там, за Днепром, втягивалась в лес длинная тёмная лента. «Отчего

это, – подумал мальй, – войско коронное
вблизи такое цветное всегда, а издали –
черно?»

Одно из розоватых облаков, плыв-
ших в тот погожий майский день над
Украиной, оказалось между солнцем
и тем лесом за Днепром. Лес сразу
потемнел, зато тень другого облака
сбежала с купола Михайловского Зла-
товерхого собора, и на нём вдруг за-
жглись остатки древней позолоты.

Глава девятнадцатая, в которой Томилка превращается в атамана ватаги пана Евсея Петрова сына Стүкова, а Голубок едва не оборотился рыцарским боевым конем

– Васка! – вскричал Бажен, будто сто лет его не видал. – Васка, да от тебя вольным духом шибает! Дай-ка я тебя, братец, ещё разок понюхаю!

– Какой ещё такую волею? – протянул Томилка, не отрывая глаз от работы. Стружки так и летели, и круглилась уже под его засапожником головка новой куклы. – В Лавре был, от него ладаном да заношенными рясами попахивать должно!

– Ты, Томилушка, таких обителей не видал ещё, – смущённо заметил Васка. – Всё там красиво, удобно. В келью заглянул – у неё стены расписные,

в цветах и травах, над постелями коврики...

– А зачем ты по кельям шарил? – явно не любопытствовал Томилка, а просто языком ляпал, чтобы ручная работа веселее двигалась.

– Искал там друкаря одного, дело было.

– Что ещё видал, кроме ковриков?

– В друкарне был? – спросил осипшим со сна голосом Бубенист, дремавший, оказывается, на старых сетях в самом тёмном углу чулана. – Типографские, они люди грамотные, ушлые, все новости знают.

– Про новости не говорили, – виновато отвечал Васка. – Прознавши, что я из Москвы, ругали книги московской новой печати, что бумага плоха и краска тоже. А друкарня невелика, об одно жилье, и два стана всего в работе.

Бубенист накрылся с головою сетями. Бажен оживился:

– Правильно они ругают. На Печатном дворе в Москве сколько станов? Двадцать, небось? Вот. А тут на двух и лучше, и быстрее книги печатают. В

Лавре мастера прехитрые... Томилка, что ты там снова выстругиваешь? Коль нового Петрушку, то не шибко ли круглый? Али нос ему особно вставишь?

– Надо ж кому-то в ватаге и о деле подумать, не всем же на войну собираться... В казне у нас, панове, пусто.

– Ничего, пане Томилка. Побираючись, тоже люди живут.

– Все шутки шутишь, атаман. А я заместо тебя о промысле маракую. Задумал я новое играние: Петрушка-казак Ляха бьёт и прогоняет, а потом и Немца. Это коли казаки победят. А коли ляхи верх возьмут, то, наоборот, Лях Петрушку-казака бьёт вместо Костлявой с косою. Только слова выдумать надобно, вот что меня тревожит, Бажен.

– Что слова? Наденешь кукол на руки, высунешь над головой, слова сами на язык придут... Ладно, после подумаю.

Васка перестал вслушиваться в их разговор и попытался разобраться в том, что в нём происходило. Он закрыл глаза, и перед ним снова

возник белокаменный Успенский собор, что тянулся в небо, встали сады, кельи, маленький домик друкарни на круче, выплыли умные и смешливые лица друкарей, половина из которых была в мирском платье. Вспомнилась чистота и особое какое-то щегольство расположения станов и снастей в друкарне. Удивило его и то, как именно сказал один из друкарей про худую бумагу и неряшество печати московских книг: без матерных слов, не надсмеялся, не обидно для Васки.

Другой друкарь, молодой, черноусый, в кожаном переднике поверх вышитой полотняной рубахи, споро набиравший с рукописного листа, только кивнул тогда приветливо посетителю-недолетке и, переждав, продолжил беседу с товарищем:

– Во время таковое чем мы есми заняты! Оттиснули вирши хвалебные нашему молодому воеводичу-архимандриту – и снова за божественное, за вечное, за образцы друкарского художества! Треба зараз не над виршами корпеть, а скоро надрукувать листки до народу,

чтобы против ляхов поднять, на подмогу казакам!

– С нашим архимандритом, отцом Петром Могилою, про таковое и не заикайся! Бо архимандрит, хотя и православной веры защитник, да панам-католикам друг и родич, а казаки ему... – собеседник наборщика, сидевший с пером в руке над свежееотпечатанным развернутым листом, кинул быстрый взгляд на Васку, чужого, и замолк.

Малый очнулся. Быть может, про эту беседу надо было поведать дяде Бубенисту? Однако обитателям чулана было сейчас явно не до него и его похода в Лавру.

Бажен метался по чулану, то подбивая руку ворчащему Томилке, то едва не наступая на голову Бубенисту, потом вдруг широко распахнул дверь, выпрыгнул во двор и пустился по нему вприсядку.

– Всё! Седлаю Голубка и еду в казаки! Тебе, Васка, привезу пару пистолей с дорогим камением на рукоятях, тебе, Томилка, золотного шёлку на балаган

и всем ватажникам – по пригоршне золотых! Вот поживём!

Из халупы пана Селивона выбежали младшие братья Грицька, числом пятеро, а за ними выплыла пани хозяйка. Уставились на пляшущего Бажена, они – восхищенно, она – испуганно. Атаман высоко подпрыгнул, прошёлся колесом и вдруг рухнул на одно колено перед Рыболовихой.

– А тебе что привезти с войны, милостивая пани? Может, парчи на кикку?

– На перемитку? Не треба..., – застеснялась хозяйка. – А вот якщо попадетсЯ такой татарський казанок медяный, ведер зо два, то було б непогано. Я б у нёму сорочки з золою вываривала.

– Казанок? Один? Три казанка! И заморского сукна на юбку!

В чёрном нутре чулана показался смачно зевающий Бубенист.

– Про меня запамятовал, атаман.

– Тебе, дядя? Самолучший турецкий кальян в серебре! Васка, седлай Голубка!

Малый окаменел. Ему уже представился ласковый Голубок, как лежит он в чистом поле с распоротым брюхом.

– Атаман, ну что ты, как ребёнок малый? Куда тебе на меринке вашем ехать, да ещё без седла... Коли уж собрался на войну, так лучше на жолнерском том жеребце, что у пана Спиридона на конюшне стоит. Там же и сбрую военную взять и седло.

Васка перевёл дух.

– Дело говоришь, дядя, – отдышавшись, согласился Бажен. – И пистолы возьму тогда не твои малые, а седельные, челядниковы.

– Верно. А ехать тебе на авось не гоже. Сгибнешь понапрасну. Послушай-ка меня, старика, – и, поманив атамана в дальний от хаты угол двора, Бубенист принялся что-то ему нашёптывать.

Младшие детки Селивона Рыболова продолжали глазеть на них, ожидая продолжения зрелища. Рыболовиха пришла в себя. Кому подтерев нос, а

кого и шлёпнув, она привела потомство в послушание и увела в хату.

Из чулана на свет Божий выполз Томилка, почесал колодкой засапожника в затылке, подвинул шапку на место и обратился к Бажену:

– Пошутил, атаман – и будет. Теперь баба станет на тебя за казанок обещанный злобствовать. Слова лучше мне про Петрушку и Ляха придумай, обещал ведь...

– Я не шутил, друг, – ответил, подойдя, Бажен, опять спокойный да весёлый, как в лучшую свою пору. – Я и в самом деле еду в Переяслав.

– Не шутил, – тихо повторил за ним петрушечник, и лицо его исказилось, как будто он хотел заплакать. – Ты в таком разе дерьмо, а не атаман! Что ты доброго в этом году для ватаги-то сделал? Филю с медведем отпустил, Бубениста-неумеху взял, через рубеж перевести – и того не смог... А теперь сам, ватагу бросая, на войну собрался!

Бубенист закусил губу и отвернулся от Томилки. Атаман обнял старого за плечи и повёл в чулан. Кивнул петрушечнику:

– И ты давай с нами. Орёшь, как на базаре – хочешь, чтоб опять ребятня высыпала? Васка – а ты чего стал, как засватанный? Давай и ты на совет!

В тёмном чулане они помолчали, не глядя друг на друга. Поручил тишину Бажен, улыбнувшийся как ни в чём не бывало:

– Вот теперь можно и посудачить. Послушаем Томилку, ты ведь не закончил свою речь, ведь правда?

– Что хотел, сказал уже. Разве вот ещё что... Куда тебя несёт? Ты не малец, не Васка – тот, хотя и грамотный, и вроде нашему ремеслу обучается, может ещё кем угодно стать: может помереть думным дьяком, в золоте купаясь, а может и под забором замёрзнуть.

– Уж лучше думным дьяком – правда, Васка?

– Бажен, ты через всю свою жизнь шутки шутил, так хоть теперь меня послушай! Мы ж ровесники, тебе ж за тридцать уже...

У Васки, не успевшего переварить Томилкиного предсказания о своей судьбе, теперь и вовсе отвалилась

челюсть: ему всегда казалось, что Бажен моложе Томилки лет на десять.

– Тебе за тридцать, говорю, а на второй половине жизни ремесло не меняют. Ты добрый скоморох, во многих местах на Руси славен... Что другой будет разучивать цельный месяц, ты походя сообразишь. Зачем тебе в казаки? Куда ввязываешься? Это ж война в чужой земле, Бажен... Или корысти лёгкой и быстрой захотелось? Так ведь и убить могут.

– Всё сказал? Послушать тебя, так я под мост с кистенём иду, а не в казаки. Оно, быть может, и смешно тебе покажется, однако я эту землю чужою не полагаю, а от тех же православных киевлян мы ничего пока с тобою, кроме добра, не видели. Я перед ватагою, конечно, буду виноват. Однако вы вот что, братцы, поймите. Мне один мудрец говорил, что человек тем от беса и отличается, что волен в поступках своих и способен сам совершить как доброе, так и дурное. Ежели перед ватагою я виноват, зол для неё, то людям этим, с нами единокровным и ляхами порабощённым, им я помочь

хочу. Я могу, и я имею право сделать выбор как человек вольный.

– ...человек вольный и раб князя Хованского, – ехидно добавил петрушечник.

– Томилка, шут ты бессердечный, я иногда жалею, что мы с тобою столько сапог вместе истоптали, забыть об этом хочу! Да, я князя того человек, а перед Богом и собою вольный!

– Да будет тебе, атаман, – сказал Бубенист, глядя в земляной пол. – Все мы кому-то служим. Я вот и вольный вроде, а царь и надо мною, и над вашим князем тоже. Над царём же самодержавным вроде – Бог над ним. А тебя, Томилка, злобы твоей, не понимаю. Я стрельцом двадцать лет отслужил, был на войне с поляками, ходил в походы за воинскими татарами...

– Слыхали мы эти песни, дядя, – процедил Томилка.

– Можно и повторить... Да, двадцать лет, и не пойму никак, почему молодому и здоровому не пойти повоевать за правое дело?

– Томилка за ватагу обижен, – и Бажен положил руку петрушечнику на

костявое плечо. – Что ж, ребята, наш Томилка прав. Ватага – дело святое. И чтобы оно не страдало, придётся новоприбылым товарищам нашим – тебе, дядя, и тебе, Василий, Томилку слушать и работу прилежно работать.

Бубенист кивнул и начал было:

– Да у меня своих забот...

– Ты, дядя, и своё дело верши, и Томилке, прошу, помогай. Вернусь, как ляхов разобьём, вместе пойдём на Русь, и я тогда дорогою свой должок отработаю. Вот вам крест святой! А Томилку слушайте.

– Да что ты заладил: Томилку, Томилку? – возмутился, напыжившись, петрушечник. – Скажи: пана Евсея Петрова сына. Я, может, не такой храбрец, как некоторые, и сафьянных сапог не нашивал, зато дело своё знаю и теперь за атамана остаюсь. Пусть малый мне голову Ляха красками распишет, чтоб поглупее вышел, усы чёрные, чуб рыжий, а потом пусть играть помогает.

– Быть по-твоему, пан Евсей Петров сын, – улыбнулся Бажен. – Что ж, пойдём, дядя?

– Пойдём. Не прощайся, вернёшься ведь ещё.

Бажен возвратился уже под вечер на жолнерском коньке, обвешенном походным снаряжением, и шёптом рассказал друзьям, что повезёт в Переяслав письмо от митрополита Иова Борецкого к сыну его старшему, Стефану Ивановичу. Святой отец получил весточку, что тот сейчас там на бою меж казаками. Быстро собрался, попрощался с Томилкой и лёг, попросив Васку разбудить его перед светом, чтобы мог выехать, как только откроются городские ворота.

На рассвете Бажен едва не сбил конём в ворота усадьбы Бубениста, прямо засыпавшего уже на ходу. Они обнялись, потом Бажен снова вскочил в седло и уехал, не оглядываясь.

Глава двадцатая. Васка в ней пытается разыскать Бубениста и убеждается в коварстве Грицька

Через неделю Бубенист улучил после обеда время, когда они остались вдвоём в чулане, и рассказал Васке, весьма польщённому необычным доверием лазутчика, что он нашёл-таки исчезнувшего было Настаса Петрова и что хитрый грек обещал сегодня поведать свежие ведомости из Варшавы, с сейма⁷³. А главное – обещал свести с двумя польскими жолнерами, которые намекали-де греку: они, дескать, к православным добры и хотят предупредить о каких-то им ведомых коварных замыслах своих начальников.

⁷³ *Сейм* – сословный парламент в Королевстве Польском, потом в Речи Посполитой.

Бубенист предупредил, что вернется поздно, и попросил Васку покараулить, пока не придет, чтобы ему отпёр калитку – а то перебудит стуком ночью весь двор.

Васка ждал его под воротами и уснул, только когда поднялся Селивон, чтобы вместе с Грицьком уйти на Днепр. Когда малый проснулся, Бубениста ещё не было. Не пришёл он и на следующий день. Он исчез, растворился в Киеве, Бубенист.

На третий день Васка искал его с утра до вечера вместе с Грицьком, отпущенным по этому случаю отцом, всюду искал – и в Михайловском Златоверхом монастыре, и у приказчиков русских купцов на рынке, и в друкарне Спиридона Соболя на подворье митрополита Иова: везде Бубенист появлялся несколько дней назад, но с тех пор его никто не видел. На следующее утро, когда Грицько ушёл с отцом рыбачить, Васка уже сам вышел на поиски. Обходить улицы, почти уж и не надеясь, просто для того, чтобы иметь право сказать потом атаману: «Баженко, я сделал всё, что мог».

Солнце поднялось совсем высоко, когда он в третий уже, наверное, раз оказался у городских ворот, что выводят на мост, перекинутый от Подола к Замку. Васка плёлся, еле передвигая ноги, глаза опустив к земле. И вдруг остановился.

Справа от выложенной булыжником дороги, за несколько сажень до ворот, в утопанной глине слабо блеснула... да, это блеснула глазурь казацкой люльки! Сломанная, с раздавленным мундштуком, она очень походила на ту, с которою так любил возиться дядя Андрей... Впрочем, у той трубки была примета. Малый дрожащими пальцами выковырял из глины чудом уцелевшую чашу. Сомнения отпали: на ней, возле самой большой дыры, всё ещё воняющей горелым табаком, видна трещинка. Это была трубка Бубениста!

Васка огляделся. Натоптано здесь было больше, чем рядом же у дороги, а выше на обочине трава странно потемнела. Малый нагнулся ещё раз, отогнул ярко-зелёные по майскому времени верхушки бурьяна и отвёл в

сторону листья подорожника. Корни травы и сухая глина вокруг них замараны чем-то тёмно-багровым. Чем-то? Кровью, вот чем.

Страшась обдумать свои открытия, Васка огляделся ещё раз. Светлое пятно на недалней городской стене бросилось теперь ему в глаза. Он подошёл осторожно. Это было место, недавно починенное, но уже посеревшее. От бревна, пахнувшего ещё смолою, отколота была щепка. Васка всмотрелся попристальней и разглядел на белой древесине отщепа тёмный свинцовый след. След от пули.

Малый вернулся на дорогу и огляделся. Толстый и низкорослый стражник, прохаживающийся с алебардою у ворот, остановился и благожелательно ему усмехнулся. Васка настороженно приблизился к нему.

– Скажи, пан жолнер, то не твоя милость стоял тут позавчера вечером?

– Позавчора? Увечери? А що трапылося⁷¹?

⁷¹Що трапылося (укр.) – что случилось.

– Та я своего дядьку разыскиваю. Тут где-то пропал. Может, воры напали. Ты не слышал ли чего, пан жолнер?

– Не, не слышал. Да ты, хлопче, походи поближче. Постой туточки, а я десятника поклычу.

Васка попятился.

– Пане десятнику, я казацького шпи-га⁷⁴ поймал! – завопил вдруг стражник, бросился к Васке и крепко ухватил его за плечо свободною левою рукой. – До мэнэ, пане десятнику! Ой-ой, рассукин сын!

Одурев от ужаса, Васка укусил стражника за волосатую руку и рванулся что было сил. Старенький подрясник не выдержал, раздался короткий треск. Васка полетел плечом вперёд, выправился и стремглав пустился по улице вниз.

– Шпиг! Люди добрые, держите шпи-га!

Тяжёлые сапоги стражника бухали позади, казалось, что сразу за спиной. Прохожие прижимались к домам и заборам. Васка летел стрелою, сворачи-

⁷⁴ *Шпиг* (укр.) – разведчик, шпион.

вая за первые попадающиеся углы. Вдруг он понял, что больше не слышит погони. Прислушался, для верности забежал ещё за один угол. Не сразу поверил, что стражник отстал.

Васка боязливо огляделся. Он стоял, согнувшись и пытаясь отдышаться, в незнакомом переулке. Днепр был где-то совсем рядом: от него веяло тиной, и мачты байдаков торчали прямо над соломенными крышами. За забором баба кормила гусей, с большим чувством оценивая поведение каждого из них, а также невестки своей Горпыны: та ухитрилась разбить её любимый горшок, память о покойной бабусе.

Ноги у Васки задрожали и подкосились, он еле добрёл до бревна под тем забором. Сел и уставился на муравьев, снующих по своим муравьиным делам, как будто на свете ничего не случилось. Да, ничего другого тут не придумаешь: дядя Андрей был там, у ворот, с теми жолнерами, на беседу к которым собирался. Там они, наверное, хотели его скрутить и затащить по мосту в Замок. Дядя Андрей боронился,

выпалил из малой пищали (или это они стреляли в него и не попали?) и пролил там кровь... Только с одним человеком во всём Киеве мог теперь посоветоваться Васка, к нему и направился. Дорогой натерпелся немалого страху: хоть и скинул он разорванный подрясник, свернул и сунул под мышку, всё мерещился ему давешний стражник и, пока не убеждался в ошибке, всё казалось, что вот-вот узнает и снова погонится.

Типограф Спиридон Соболев вышел к нему усталый, в перемазанной краской рабочей одежде, тяжело опустился на крыльцо и жестом пригласил гостя сесть рядом. Тут он и выслушал Васкин рассказ об исчезновении Бубениста.

Подумав, мастер испытующе поглядел на малого и, понизив голос, сказал, что не хотел бы его, хлопчика, пугать, однако дела пана Андрея плохи. Настас, понятно, изменник, те жолнеры были ловушкой. У ворот на Замок беда, скорее всего, так и случилась, как предполагает Василько. Только (тут мастер Спиридон тяжело вздохнул) и для самого пана Андрея, и для всех них было бы

лучше, если бы он был сразу убит в той стычке. Так было бы лучше и для общего дела, для православных людей.

Васка возмутился тогда, а мастер Спиридон пояснил ему свои слова, в землю глядя. Мол, если пан Андрей попал к жолнерскому начальству, – а такими делами, как допросы вражеских посыльщиков, занимается поручник Киевского воеводы, человек жестокий и упрямый, – так вот, если пан Андрей раненым попал в Замок, то живым ему оттуда не выйти. То, что с Москвою перемирие, здесь значения иметь не будет. Ляхи, как понять можно, считают пана Андрея запорожским шпигом, а такому во время казацкой войны пощады быть не может. Если он жив, его беспрестанно пытаются. А скорее всего, был он убит сразу, потому что, – тут друкарь снова испытующе посмотрел на Васку, – и сам, хлопчик, и второй уважаемый московский скоморох, и пан Селивон, да и он, Спиридон, не взяты до сих пор в Замок.

Друкарь опять задумался. Видать, вражьи ляхам не удалось выследить

пана Андрея, поэтому, если он не живой уже, то все они в безопасности.

– Мне-то, – сказал он, – деваться пока некуда, а вот господам скоморохам не худо бы перейти в иное, более безопасное место, а куда именно, надо пораскинуть мозгами.

У Васки голова шла кругом. В по-прежнему тесной, но как-то сразу опустевшей каморке Селивона Рыболова его встретил упрёками уязвлённый до глубины души Томилка, он же наместник атаманов пан Евсей Петров сын Стуков. Мало того, что Бубенист на промысел вовсе плюёт и, чтоб легче от дела отбояриться, перестал даже дома появляться, теперь и он, Васка, слоняется по Киеву целыми днями – вместо того, чтобы помочь кукол доделать и слова для них придумать.

Малый безропотно выслушал его. Ещё дорогою решил он не пугать пока Томилку несчастьем с дядей Андреем. Зато Голубку рассказал всё без утайки.

Там, в душном хлеву, он прижался щекой к тёплой, домашней шкуре Голубка. Хозяйская коза Машка, вскормившая своим молоком многочислен-

ное потомство пана Селивона, косилась на него жёлтым глазом и спрашивала себя, наверное, не собирается ли ещё и этот пришелец поселиться в её жилище.

Как только Васка сумел собраться с мыслями, он тотчас же забыл о козе. Главный вывод из его раздумий оказался неутешителен: ватаги весёлых больше нет. Остались не растерянные ещё в дороге потешные снасти и их хранитель – атаман без ватаги Томилка. Этот, впрочем, доделав новые куклы, сможет промышлять и сам. А прежней ватаги не будет, пока не вернётся Бажен. Васке же лучше исчезнуть из Киева. Город, ещё вчера приветливый и весёлый, казался теперь ему огромной западнёй, по которой шныряют, выискивая его, Васку, стражники и жолнеры.

Ватаги нет. Он может и должен, как говорил тогда Бажен, принять решение, подумать и о себе. Атаман обещал ему, что на Украине можно будет поискать родичей. Десять дней назад (как давно это было!) их, связанных, провезли, как узнал потом Васка, верстах в двадцати от Березани, где родился и жил его отец. Тогда ему было

не до родичей... Сейчас, пока отлучился Бажен, он съездит туда один. Васка не боялся пускаться в одиночестве путешествовать по краю, охваченному войной – Киев с его Замком и замковым застенком казался ему сейчас страшнее всего на свете.

– А не найду своих, поедем искать Бажена, правда, Голубок? С Баженом нигде не пропадём.

Услышав знакомое имя, Голубок встрепенулся и, повернув голову, легонько куснул малого за плечо, а затем стал шарить по ладони своими мягкими губами.

Мастер Спиридон тоже одобрил это решение Васки. Вздохнув, он порылся в чулане и вынес оттуда старое седло, нашёл, покопавшись, и прочую верховую сбрую.

Возвратившись во двор Селивона Рыболова, Васка тихонько вывел из хлева Голубка, оседлал его, собрал свою котомку, привязал её к седлу и хотел уже, безлюдьем двора воспользовавшись, съехать тихо, ни с кем не прощаясь, однако передумал. Ведь не

пригласить с собою на войну Грицька было бы нечестно.

– Грицько! Грицько!

Грицько оказался дома. По-домашнему, в одной длинной рубахе, вышел он из хаты.

– Грицько, я еду сначала в Березань родичей искать, потом на войну под Переяслав. Хочешь со мною? Голубь мой двоих снесёт. А там, глядишь, ты у ляха и себе коня добудешь.

Грицько хмыкнул, чёрные бусинки его глаз оценивающе оцупали Голубка. Он почесал в затылке, почесал и отказался:

– Ніколы мени, треба батьке помогать. А вдруг убьют, кто тогда с батьком рыбачить будет?

– Вольному воля, – свысока, с седла уже, глянул на него Васка. – А за вас, людей деловых, найдётся, кому поводить.

Грицько, не сморгнув глазом, выслушал это язвительное замечание и спросил невинно:

– А ты у старшого свого отпросился? Нет? Ага... Дядьку Овсию! Дядьку Ов-

сию! Тут ось ваш Василько на войну, у старшего не пытаючись, поехал!

Голубок прижал уши и затрусил было к воротам, однако Грицько уже повис на засове. Из-за коморы, с зелёной крыши погреба, свалился Томилка, в руках имея иголку и пёструю тряпку; как сообразил впоследствии малый, не раз потом со стыдом вспоминавший этот разговор, петрушечник там, на светлом месте, шил платье для новой куклы.

Томилка воткнул иглу в тряпку, сунул, скомкав, тряпку за пазуху, укололся, недоумённо потер грудь и спросил шёпотом:

– И ты, малый, сбегаеть? Что ж с ватагой теперь станет?

– Поеду я, Евсей Петрович, родичей в Березани искать. Поищу, поищу, да и вернусь. Вот те крест святой!

– Поклялся лучше бы нашими Козьмой и Демьяном... Отчего ж в Березань? Говорил ведь, что родичи в Киеве...

– Солгал, виноват. Так оно красивей как-то было. Кто знает про Березань? А Киев всем на Руси ведом.

– Красивее, ишь ты... Так пойди, принеси икону нашу.

Когда Васка вернулся, Томилка скармливал Голубю, несколько тем удивлённому, сухарь с ладони и бормотал растерянно:

– На кулачки с ним биться, что ли, с мальцом? Если атаман разум теряет, чего с малого-то спрашивать? И меринок ведь не его, ватаги...

Из хаты выскочила пани Рыболовиха, наскоро завязывая узелок.

– Ты, сынок, говорить мой старшенький, на войну поедешь, атамана вашего искать... От, передай ему и скажи, чтобы он, коли там казанка татарского не найдёт, так нехай нарочно и не шукает⁷⁵.

В мирное время до Березани из Киева не дальше дня пути, однако Васка, на всякий случай попетляв по Подолу, выехал из города тем же путём, которым ходили они с Грицьком в Печерский монастырь. На одолженные у пана Спиридона монетки переправился на левый берег, а оттуда уже пустился на Борисполь. Не доехав до него нескольких вёрст, решил остановиться на

⁷⁵*Шукать* (укр.) – искать.

ночѐвку. Уже в сумерках Васка, смертельно боявшийся встретить ночью жолнеров, с облегчением вздохнул, когда разглядел узкую тропинку, что пересекала дорогу и вела в чащу. Он спешился, с Голубем в поводу вышел по тропке на небольшую поляну. Стоял здесь стожок прошлогоднего сена, почему-то не вывезенного косарем.

Голубь фыркнул и потянулся к молодой траве. Васка быстро перекусил, отстегнул с одной стороны повод и намотал свободный конец на руку. Стараясь не смотреть по сторонам, нагнул шапку на глаза и, подняв столб пыли, упал в гнильцой попахивающее сено.

Среди ночи Голубь натянул повод. Васка мгновенно проснулся. Недалеко от поляны, в версте, не больше, были волки.

Глава двадцать первая, а из неё можно
узнать о приключениях Васки в Березани

Полдень застал Васку на лесной дороге недалеко от Березани. Сразу за Борисполем он повстречал слепого бандуриста с поводырём, от которого узнал, что местечко набито жолнерами. Оставалось надеяться, что ляхи успели убраться вон. Обойти Березань, как обходил он до этого все сёла и местечки, что встречаюсь на пути, было бы чересчур обидно. Поэтому Васка и решил, времени не жалея, вначале разведать всё досконально.

Ветер прокатился по верхушкам сосен, и вдруг почудилось в этом шорохе лишнее, лесу чужое: невнятный голос, треск сучка под копытом. Васка оглянулся, проехал вперёд, пока не

увидел, что перед ним просветлело. Тотчас остановил Голубка, завёл его в чащу и привязал к сосне. Сам же продрался сквозь кусты на опушку. Оттуда видно было немного: местечко закрывал курган, а его огибал выходящий из лесу просёлок. На песке рассмотрел Васка чёткие следы подков: три всадника пересекли недавно дорогу и проехали вдоль опушки.

Малый метнулся было назад, в чащу, потом передумал, стащил сапоги и босиком, прижимаясь щекой к пахучему, в ясной твердой смоле, стволу, принялся взбираться на высокую сосну.

Теперь уже возможно стало разглядеть вожделенную Березань: оказалась она совсем маленьким местечком. Рынок и деревянная тёмная церковь посредине, от небольшой площади лучами расходились улочки.

Сердце Васки сжалось, когда понял он, что его деду, прадеду и прапрадеду суждено было провести свой век на этих сонных улицах. Каково потом пришлось бате в шумной, огромной Москве? За местечком белели большие палатки,

а ещё дальше, со стороны Переяслава, чернели свежей землёю окопы, возле них суетились тёмные фигурки. За рекой (Недра – так называл её отец) пасся большой табун. Возле церкви толпился народ, оттуда доносился глухой гул. Мальй подтянулся повыше...

– Слазь, серденько, до мэнэ, – услышал он снизу хриплый голос, – та расскажи, что там, в Березани, побачив.

Под сосною стоял, широко раскинув руки, усатый детина в гайдуцкой одежде, с топориком за поясом. Конь утомлённо опустил голову у него за спиной. Ещё один гайдук, с тремя конями в поводу, неторопливо спешивался.

– Чего страшишься, попёнок, серденько мое? – спросил, по-прежнему улыбаясь, усатый гайдук. – Слазь, не серди меня.

Он ещё круче запрокинул голову, круглая венгерская шапка соскользнула с неё, и до смерти перепуганный Васка увидел бритое темя с прилипшим к нему длинным узким чубом – оселедцем. Это были запорожцы, переодетые гайдуками! Руки у малого

разжались, он пролетел сквозь ветки и глухо, мешком свалился в песок.

– Здоров ты прыгать, хлопче, – прохрипел переодетый запорожец, легко подняв его на ноги. – Поведай нам, кто ты и что в Березани высмотрел.

Васка, почти совсем уже опомнившийся, рассказал, зачем идёт в Березань и о том, что увидел в местечке.

– Ото беда! От самой Москвы пришол, а там – кляти⁷⁶ ляхи! Чи багато их? Говоришь, не считал...

Разговорчивый запорожец переглянулся с товарищем, сплюнул в песок и, сопя, принялся сам взбираться на дерево. Спустившись, поманил к себе пальцем товарища и Васку.

– Поганое дело. Ляшки стережуться справно, якраз по-над лесом перед нами дозорцы проехали. Один ляшок, тот даже на курган выскочил, обдывляючись. Треба нам узнаты, скильки их тут, что за рота, где сбиралась, кто полковник? А ты глазастый, – похвалил он малого. – Ляхи, схоже на то, церкву

⁷⁶Клятый (укр.) – проклятый.

Божу грабуют. Дороше, не спи! Скажи краще, что надумал робыты?

Дорош, задремавший уже, плечом привалившись к сосне, открыл левый глаз:

– С хворостиною, Явтуше.

– Хлопчик? Нехай збигае до мистечка⁷⁷?

– Эге ж.

Дорош снова закрыл глаза, а Явтух повернулся к Васке озабоченно.

– Сможешь, Васильку? Ляхам, колы, не дай Боже, перестринуть, скажешь, что бегал до леса искать корову. Тилькы выйты из лесу и зайты до мистечка тоби доведеться не тут, а в стороне. То ж як – сможешь?

Васка, давно понявший, что наткнулся на казацких разведчиков, согласно кивнул. Тотчас же поинтересовался:

– А чего ж вы сами не съездите? Вы ж в гайдуцком убранстве...

– Убранство тое разве что тебе тепер зможе в оману ввести⁷⁸. У какого гайдуса ты побачив бы такие перемётные сумы?

⁷⁷ *Мистечко* (укр.) – городок.

⁷⁸ *Ввести в оману* (укр.) – обмануть.

И говорливый Явтух гордо улыбнулся. В самом деле, перёметные сумы на всех четырёх казацких конях были набиты, как мешки с сеном.

– То такая казацкая выдумка, фортель, як ляхи кажуть. Едет шляхтич до войска, бачить – гайдуки, и не боится ничего. А мы его, куроеда, – в сабли!

Со страхом и отвращением посмотрел теперь Васка на сумы: в них барахло, снятое с зарубленных шляхтичей.

– Нехай помацает, – буркнул Дорош и снова закрыл глаза.

– От-от, пощупай! Что, а? То-то, братчику... Не дрантя в сумах, а оружие. Зараз до войска в Переяслав люд селянский идёт с топорами, с косами. А тут оружие – и доброе...

– И жупан взяти – не сором.

– Правда твоя, Дороше! Что с бою взято, то свято. Жупан теж... Сидит наш товариш на Сечи, всю зиму из куреня не виходячи, бо не имеет на себе ничего, окрим штанив. Так что же – ему з ляшка жупан снять сором, – чтоб

тело свое голое лыцарское⁷⁹ прикрыть?
Мы не убивцы, а казаки!

– Не убывалы, – вымолвил Дорош, показав на свою гайдуцкую шапку.

– Эге ж! То русины булы, с лыстами⁸⁰ до гетмана посланные. Мы же с Дорошем, вбрання⁸¹, оружие да лысты забравши, их крест целовать прымусылы⁸², что додому пидуть.

– Досить балачок, – заявил Дорош, не пошевелившись. – Колы идеш, то давай уже.

На разведку Васка отправился, почти уж убежденный в казацкой добродетельности, однако, мимо лошадей проходя, ещё раз провёл рукою по одному из вьюков. Да, набит не одним только тряпьём: твёрдое дуло самопала оказалось под его ладонью. Тут он стукнул себя по лбу.

⁷⁹ *Лыцар* (укр.) – тут: казак-запорожец, которому присущи казацкая доблесть, искущённый в военном искусстве.

⁸⁰ *Лысты* (укр.) – документы, письма, грамоты.

⁸¹ *Вбрання* (укр.) – одеяние, платье.

⁸² *Прымусылы* (укр.) – заставили.

– Господа запорожцы!
– Чего-то забув?
– Конь ведь мой в лесу привязанный
стоит!

– То приведи его до наших, хлопче.

– Не треба. Скориш.

– Чуешь, не треба за конем. Давай повертайся скоріше. Пойдешь разом с нами, бо мы тепер прямиком в Переяслав, до Тараса.

Малый не спросил, кто такой Тарас. Он вернулся к дороге, пересёк её и пробирался сквозь кусты до тех пор, пока не решил, что отошёл достаточно далеко. Оглядевшись, выломал длинную лозину и вышел из лесу.

Солнце начинало уже опускаться. Васка благополучно добрался до крайней хаты, прошёл через распахнутую калитку и постучал в дверь. На стук выглянула баба средних лет, бледная, заплаканная.

– Чого тобі, хлопчику?

Васка, поздоровавшись, рассказал, что ищет родичей. Баба пригласила его в хату, пошарила в печи, поставила

перед малым полумисок галушек и, забыв дать ложку, запричитала:

– Та что ж то за лихо⁸³ от тиих жовнирив⁸⁴! Муку забрали, корову за рога увели, Трохима сусидського ни за что убыли вчора. Ой, льшенько!

Она бросила на стол облезлую расписную ложку и зарыдала в голос. Со скамьи сползли трое ребяток мал мала меньше, уцепились за мамкин подол и тоже заревели.

Не чувствуя вкуса, Васка доел галушки и подождал, пока баба успокоилась. Потом спросил про своих родичей.

– Батько твий на якої улице жил? Кажешь, Иванком звали? А дида як? А по-уличному не помнишь, як дида? Тоди то були старые Харченки, правда ж, Ивасику?

Ивасик, старший и одетый поэтому в рубашку, кивнул, исподлобья разглядывая Васку. Баба снова скривилась, готовая заплакать.

⁸³ *Лыхо, льшенько* (укр.) – беда, горе, лихо.

⁸⁴ *Жовнир* (укр.) – жолнер, солдат польской армии.

– Не маеш уже тут родичив, хлопчику. Дид твой и баба померли в моровое поветрие, як прибежал из Варшавы от мора пан Банковский, и у него померли два пахолки⁸⁵, а от того учинился мор в Березани. Тогда много людей у нас померло. Три сыны у твоего диды було, все на войне убиты, хоча, тепер выходить, що твуй батько и не на вийни... В дворе ихнем пришлые люди живут. Где он, той двор? Ото сразу за церквою улица, по той же стороне, где церква, третий двор. Ещѐ, коли память мне не отшибло, то они были, дид та баба твои, не березанские сами: прийшли молодыми откуда-то из Подолии, от татар спасались.

Васка давно предчувствовал, что никого из родных тут не найдѐт. Теперь ему хотелось только на ту хату посмотреть, где отец его родился.

- Жолнеров на селе много ли?
- Ой, много их, клятых!
- С две сотни будет?
- Их у мистечку тьма тьмущая!

⁸⁵Пахолк – слуга.

– А кто полковник у них, где собирались... ну, откуда жолнеры?

– Наши песиголовци сказали, что вонны з Кракова.

Васку прямо подбросило.

– Так у вас жолнери стоят?

– Три ирода. Пахолки, а пан их, товариш пан Красносельский, у сусида. Вон и добро их награбованое, оставили в хате.

– А где же они сами?

– Взялы ружья свои и поихали. На службу якусь.

Фу ты, как повезло... Конечно, местечко небольшое, и все хаты заняты постоем. Надо ж, однако, разведать побольше: стыдно вернуться недотёпой к лихим запорожцам... Эх, была не была!

– Спасибо тебе, хозяйка, за хлеб-соль, пойду хоть на хату родительскую посмотрю.

Под новые причитания бабы Васка вышел снова на улицу и вскоре был уже у церкви. Хотел уже обойти её, когда заметил, что двери церковные распахнуты, и услышал доносящийся

из них невнятный шум и мерное звяканье. Замирая от страха, перешагнул он порог.

В церкви стоял полумрак. Звук, удививший Васку, исходил из-под купола. Это кольцо, на котором висело паникадило⁸⁶, тёрлось о железный крюк. На паникадиле сидел верхом жолнер, раскачивался, как на качелях, и летал, звеня шпорами, от стены к стене.

Его товарищи возились у иконостаса. Присмотрелся Васка – а они сдирают с икон серебряные оклады. Один из жолнеров, с толстым, в окованном бронзой переплёте, Евангелием в руках, увидел Васку, швырнул под ноги книгу, подбоченился и заулюлюкал:

– Го-го-го, схизматик, турко-гречин, наливайченко, русин-медзведзь, го-го!

У Васки ноги приросли к полу. Жолнер, качавшийся на паникадиле, повернул в его сторону красное усатое лицо и начал разворачиваться весь... Цепь, наконец, не выдержала, жолнер со звоном врезался в стену над входом,

⁸⁶Паникадило – церковная люстра.

в то самое место, где должен был быть изображён, как помнил Васка, «Страшный суд», и рухнул перед самым носом паренька.

Теперь уж у Васки будто крылья выросли. Никто не догонял его. Он вспомнил о том, что хотел поглядеть на дедовскую усадьбу, перешёл на шаг, совсем остановился и вышел на середину улочки. Отсчитал третью хату от церкви. Оказалось она такой же, как и другие, точно так же вросла в землю и обшита была, для большего тепла, как и говорил когда-то отец, связками камыша. Нашлась и примета – гнездо аистов на крыше. Длинноногая птица, усевшаяся было в гнезде, привстала и распустила с шумом крылья, когда от церкви донесся новый взрыв хохота.

Прямо за спиною малый услышал тяжелое дыхание и не успел снова испугаться, как чья-то рука мягко отодвинула его к плетню. Оглянулся – в двух шагах от него, посреди улочки, остановилось похоронное шествие. Покойник был молод, голова его замотана белой тряпкой. Гроб несли на плечах

заплаканные девчата в праздничной одежде, а за ними стояли мрачные дядьки и парубки, перевязанные полотенцами, как свадебные дружки и бояре; один из мещан держал перед собою на таком же вышитом полотенце каравай. Васка заставил себя ещё раз взглянуть на покойника: да, поверх белой тряпки у него надет веночек, как у жениха.

Процессию догонял бледный попик в разорванной и наспех зашитой рясе, с кадилом.

– Ну что, батько Арсен? – грубым басом спросил мещанин, стоящий возле гроба и отодвинувший тогда Васку.

– Супостаты в храме Божиим, только мимо храма пройти возможно есть нам, – стуча зубами, промолвил священник.

– Мало что убили, так и поховать полюдски не дают... Девки, с Богом!

Столики мои дубовые,
Гостеньки мои любовные...

Гроб проплыл мимо Васки. Он старался не смотреть вблизи на по-

койника, поэтому уставился на красивые, напряженные лица девчат. Одна из них скользнула по нему сперва безразличным, потом удивлённым взглядом. Васка потупился, переждал и замешался в хвост шествия.

Когда гроб поравнялся с церковью, бабы завыли, заглушив свадебные песни девчат, посыпались проклятия убийцам. Тот жолнер, что улюлюкал Васке, высунулся из дверей и попытался отлаиваться, но вынужден был скрыться снова.

Сразу же за селом процессия повернула направо. Там, у леса, верстах в трёх от той опушки, за которой ждали Васку переодетые запорожцы, виднелись кресты кладбища. Отсюда уже лучше можно было разглядеть палатки и окопы у переяславской дороги. Палатки теперь не белые, а багровые: солнце садилось. Как ни хотелось Васке разыскать могилы деда и бабушки, держиваться дольше становилось уже опасно. Перед самым кладбищем он осторожно выбрался из толпы и нырнул в лес.

Уже в сумерках, исцарапанный и в подранном о сучья подряснике, нашёл он казаков, разбудил и рассказал о том, что видел в Березани.

– Так церкву грабують? Мещане по грошику складываются, церкву соби, як у людей, мурують; и сердега-казак, из басурманского полону счастливо высвободившись, икону за обитницею⁸⁷ дорогим окладом украшает, а воны – грабувати? Ну, добре...

– Скильки наметив? – спросил Дорош.

– Палаток? Двадцать палаток и ещё две.

– Та й у самый Березани из сотню хат, Дороше.

– Рота. Уся тут.

– Так, Дороше, не меньше, як с тысячу жолнеров. Кто полковником, не узнав, ни? Ну и чёрт с ним. Спасыби тобі, Васильку! Прийдём до Войска, расскажем про твою помощь гетману нашему Тарасу Федоровичу, наградит тебе!

– Сами.

⁸⁷ *За обитницею* (укр.) – по обету.

– Сами так сами, Дороше. Чего желаете в нагороду?

– Пищаль бы мне малую.

– Як прийдемо до Войска, одержишь пару найкращих. И одежину добрую на плечи, був там такой недорослий шляхтич... Твоя ряска совсем подерлась. Так ты не попёнок, кажешь?

Васка рассказал о происхождении своего подрясника, с которым давно уже не прочь был расстаться.

– Зараз сын пана отца митрополита в Переяславе. Что ж, за спинами казаков не хорониться, правда ж, Дороше?

Дорош кивнул, скупно улыбнулся малому и сказал:

– Довеземо безпечно⁸⁸.

– Ты вже, Васильку, не тревожься за себе. Проведём до наших, ляхи и носом не почують. Поедем ночью, а до свету будем. Веди уже своего коня, а то швидко сутение⁸⁹.

⁸⁸*Безпечно* (укр.) – безопасно.

⁸⁹*Швидко сутение* (укр.) – быстро смеркается.

Когда малый появился с Голубем под уздцы, запорожцы переглянулись. Дорош спрятал улыбку в усы, а Явтух заметил серьёзно:

– Добра конячка, хлопче! На ней бы гетману ездить, на голубой – здалека познать можна!

Глава двадцать вторая, повествующая о
встрече и прощании Васки с другом его
Блаженным

На рассвете Васку, съёжившегося от холода на верном Голубке, что-то заставило проснуться. Причина была не в лёгком, беспечном его сновидении: вместе с добрым, улыбающимся Блаженным и кроткой, молчаливой Вешкой гулял он по солнечному сосновому лесу, искал грибы в мягкой хвое. Очнувшись, он увидел, что ехавшие перед ним казаки остановили коней, а Голубок даже успел опустить голову к траве. Над лугом клубился предрассветный туман, и слышался впереди тихий шелест, будто дождь там шёл.

– Что стряслось, дядя Явтух?

– Тихо! Конница, и багато их, – прошептал запорожец, вслушиваясь. – Свер-

нуть не можем. З обеих сторон лужка – болото...

Дорош бежал уже, ведя в поводу коней, под укрытие темнеющего слева большого стога. Шелест превратился тем временем в чавканье нескольких сотен копыт.

– Рысят, бисови дети, ну прямо на нас, – пробормотал Явтух. Дорош разрыл сено и показал малому, чтобы туда зарылся. – А добре придумал, брате! Залазь, Васильку, залазь! Може, и пересидишь.

Васка не пошевелился. Дорош пожал плечами, прижался к стогу и снял с плеча самопал. Чавканье раздавалось уже совсем близко, в тумане мелькнули показавшиеся огромными тени всадников. Явтух сбросил с головы круглую гайдуцкую шапку, присел за своим жеребцом, наложил стрелу и повёл луком, прицеливаясь из-под конского брюха.

– ...А я и говорю: «Петруха, глянь-ка в бочёнок, нет ли там мочёного сухарика?» А Петруха мне, подлец: «Надобно было про то на той неделе спрашивать...»

Васка не сразу сообразил, что тот, в тумане, говорит по-русски. Явтух вернул стрелу в сагайдак и перекрестился. Дорош промолвил спокойно:

– Казак с Дону. Зови!

– Наши, серденько мое! – Явтух птицею взлетел в седло, хлопнул Васку по плечу (малый едва удержался на ногах), выехал вперед и гаркнул радостно:

– Пугу-пугу! Эге-ге-гей, тут казаки з лугу!

Шум копыт, совсем уж было приблизившийся, попритих.

– Давайте до нас, – раздался, наконец, простуженный голос. Дорош и Явтух растаяли в тумане. Васка помедлил, услышал мирный разговор, потом смех и тоже тронул поводья.

– Ось и наш хлопчик. Так, говоришь, багато уже казаков собралось?

– Тысяч с пятьдесят, не меньше, – отвечал Явтуху бородатый, с длинной пикой казак.

Снова зазвучало множество копыт, из тумана вынырнули лошадиные морды.

– Где сотник? Здесь, пане сотнику, наши посыльщики⁹⁰. К Тарасу Фёдоровичу возвращаются, важные ведомости, говорят, везут.

– Добре... Да тут Дорош! Здорово, старый друже, от где побачились... А мы в дозор едем. Давайте, хлопцы, прямо по нашему следу, бо вытоптали, як те татары. За нами чисто. Тарасу скажить, де нас бачылы⁹¹.

Васка подъехал поближе к донскому казаку и спросил, не встречался ли ему в Переяславе Бажен из Москвы, высокий такой, весёлый?

– Бажен из Москвы? А как же! – вскинулся бородач. – И ты московский? Чудно – под Переяславом с москвичом столкнуться! Дружка своего ищи у Киевских ворот, брамы по-ихнему, там его сотня справа от брамы до башни кусок стены держит. А стоят они в каменных палатах польского старосты переяславского Ивана, как его... Заславского, вот. На Андреевской улице. Там тебе покажут.

⁹⁰ *Посыльщики* – разведчики.

⁹¹ *Де нас бачылы* (укр.) – где нас видели.

И в самом деле, в Переяславе Васка без особого труда разыскал каменицу Януша Заславского, в отсутствие вельможного хозяина занятую запорожской голотой, и там, за первой же дверью из тёмных, шумных и замусоренных сеней, которую решился приоткрыть, обнаружил своего драгоценного Бажена. Атаман босой сидел на полу и, нижнюю губу выпятив, изучал прореху на кафтане.

Васка радостно завопил и бросился к нему. Бажен поднял голову, вскочил с полу, подхватил дружка и подбросил к сводчатому потолку. Успокоившись, они принялись рассматривать друг друга.

– Вот, нашёл-таки тебя, – опустил глаза Васка. Смутился же он не даром: малый явился к другу переодетым в добрый, с меховой опушкой кунтуш, в новой шапке, с двумя пистолями в кобурах у седла; на улице он всё ощупывал их, боясь потерять, и даже сейчас не забывал о них – не украдут ли? Щедро одаренный счастливыми, что в живых остались, разведчиками,

ожидал он, что и Бажена увидит чуть ли не в собольей шубе и с пищалью, чтобы ложе из рыбьего зуба да в дорогих камнях. Однако друг выглядел скорее уставшим страдником, чем радостным, уверенным в себе победителем.

– Ну, как вы там, игрецы-резвецы? – наконец подал голос Бажен. – Что Томилка, ворчит по-прежнему?

– Томилка по-старому, а вот дяди Андрея нет.

– Как это нет?

Вздохнув, Васка принялся рассказывать, а пока рассказывал, старался не встречаться с пронзительным взглядом атамана и потому осматривался. Друг его сидел не на полу, как показалось вначале, а на пыльном и затоптанном, но всё же на ковре. На стене под маленьким, кверху суженным окошком висело распятие, и на склонённую бронзовую голову Христа, а того пуще – на забитый рядом большой гвоздь повешено было всякого оружия и сбруи. На скамье у стены лежал, епанчею с головою накрывшись, казак в стоптанных сапогах.

– Значит, мастер Спиридон говорит, что из Замка Бубенисту нашему живым не выйти?

– Так сказал.

– Хороши дела... Что озираешься? Тут духовник хозяина жил, чернец латинский. Еле мы с Яцком жильё проветрили, езувитский дух до сих пор стоит – или мнится уже мне... Келья, право келья: третьего и положить негде, я уж сегодня на дворе переночую... Что ж, мир праху твоему, Андрюша Бубенист. Такая уж у тебя служба была... А ты, Васка, что такой пышный? Никак на Петрушке тако с Томилкой разбогатели?

Малый ещё раз вздохнул, и поведал о своем березанском приключении. Увлёкся, принялся размахивать руками, а вспомнив о шляхтиче, качавшемся на паникадиле, так разошёлся, что едва не сбил епанчу со спящего казака. Бажен оживился.

– Награда не по заслугам, брат! Но ты всё равно молодец... А с дядей Андреем мы, быть может, ещё встретимся. Он, когда мы от ляхов сбегать наладились, здорово придумал: собираться в пят-

ницу, в полдень у ворот Братской школы. Как знать, мы с ним, может статься, просто разбрелись пока. Чего на войне не случается? Помнишь атамана Бособрода? Он, как мне поведали, в плену у крымцев.

– Да разве они, татары, на Брянск ходили?

– Они-то в году прошедшем не ходили, это он сам вместе с донцами да запорожцами к ним на пироги весною плавал... Я и Филю ещё найду – вот это уж тебе подлинно обещаю!

– А ты, Баженко, как тут воюешь? – осторожно спросил мальи́й.

Бажен вдруг расхохотался, не то чтобы весело, но так заразительно, что и Васка, не зная, чему смеется, не удержался. Казак на лавке приподнял под епанчей голову и снова опустил.

– Как воюю? – заговорил Бажен, вытирая слёзы. – А за спины казаков спрятавшись. В том наш разумник Томилка прав, что в мои годы ремесло менять не годится. А военное – оно такое же ремесло, да только построже других: в нём, если напартачишь, не

деньгами или спиной ответишь – головою. Здесь одного смельства да смекалки мало! Справный казак все польские и татарские хитрости назубок знает, в землю лучше твоего крота зарывается – пушкой его не достать! Казаки, к примеру, с детства учатся лук натягивать. Один при мне на спор так запустил в небеса стрелой, что она сквозь дождевую тучу дважды прошла и на землю мокрая упала...

– А ты так из лука выучился уже?

– Из лука? Сказал ведь, этому сызмальства обучаться надобно. А на саблях рубиться? – это ж целая наука. Ты пока на того же шляхтича свою железку подынешь, а уж он тебе и голову успеет разрубить! Слава Богу, меня ребята подучили немного...

– Не слушай его, хлопчику, Баженко – льцарь добрый, – донеслось из-под епанчи.

– А взять не ручной уже бой, а огнистую стрельбу! Васка, помнишь ли того немца-капитана, что его казаки при нас умыкнули на переправе? Ещё про него мастер Спиридон вспоминал...

На улице запищала труба. Заскрипели входные двери, кто-то протопал по сеням, закричав:

– Товариство, до зброи⁹²!

Казак под епанчей зашевелился, сбросил её на пол и сел. Малый увидел, что он гол по пояс и что грудь его обмотана кровавыми тряпками.

– Лежи уж, Яцко, без тебя сегодня справимся, – Бажен натягивал сапоги. – А ты, Васка, сгоняй на улицу, погляди, что делается?

Перед каменицей гарцевали два всадника. Один из них поднёс к губам трубу и снова запищал. Во втором, с пернатой булавой за поясом, Васка узнал сотника Ивана Швачку, приглашавшего скоморохов в Переяслав на той незабываемой, под Киевом, переправе. Третий казак, выбежавший из каменицы мимо Васки, оказался знаменщиком. Вскочивши на стоявшего рядом со смиренным Голубем коня и подняв прислонённую к стене хоругвь, он гордо выпрямился позади сотника.

⁹²Товариство, до зброи! (укр.) – братья (друзи), к оружию!

Сотник же сумрачно поглядывал на миглом набежавшую переяславскую ребятню.

Из каменицы повалили казаки, здоровались с приехавшими и громко окликали друг друга. Когда улица наполнилась ими, сотник Швачка толкнул локтем трубача. Толпа, призванная трубою к молчанию, притихла. Сотник, снявши шапку и поклонившись, откашлялся и прокричал:

– Панове товариство⁹³! Сию ночь Роменская сотня с охочими казаками в дозор выехала. Только что от сотника Гудымы гонец прибыл с ведомостию, что их, до речки Альты прижавши, штурмует пан Лац с жолнерами своими та немцами.

Услышав ненавистное имя коронного стражника, казаки заворчали. Ребятня, которую матери, небось, пугали свирепым палачом Лацем, замерла.

– Пан гетман Войска Запорожского Тарас Федорович наказал нам зараз же гнать братьям нашим в помощь.

⁹³*Панове товариство!* (укр.) – господа-товарищи!

Не дадим их ляхам на муки! По хатам, де товарищи наши стоят, та на луг до коноводов одразу ж послано. Собираемся на площади, кони от-от будут там. Не гайте ж часу⁹⁴, он дорогой, кровью наших товаришив плаченый!

После недолгой заминки казаки потянулись к площади, обвешанные уже оружием и с сёдлами на плечах. Бажен, тоже навьюченный, оказался перед Ваской.

– Пойдём, проводишь. Время есть ещё... Так про что я тогда говорил?

– Про огненный бой.

– Да леший с ним теперь, с огнистым боем... Ты вот что: дождавшись меня, а если сегодня не вернусь (мало ли куда нам оттуда поход может выйти!), то и сам... В общем, немедленно, говорю, непременно возвращайся в Киев. Ишь, как без меня своевольничать стал! Вот ещё возьми, – он сунул малому кошель и уронил при этом на землю чепрак⁹⁵. – Спасибо, сам теперь и донеси... Кошель

⁹⁴*Не гайте ж часу* (укр.) – не теряйте же времени.

⁹⁵*Чепрак* – подстилка под конское седло.

отдай Томилке, это на ватагу. На войне тех денег много не надобно! И Томилку слушай, а не то, вернувшись, нагайкою по-казацки поучу.

Вот и площадь. Товарищество покуривало, сидя на сѣдлах либо развалившись прямо на земле в тени недостроенного костѣла. Коноводы с табуном задерживались. Сотник обеспокоено вертел круглою головой.

– Баженко, возьми меня с собой, а, Баженко? Я на Голубе от вас не отстану.

– Никак сдурел? Я тебе и сейчас ещё успею рѣбра те пересчитать!

В голосе Бажена не было, впрочем, настоящей злости. Он потрепал малого по плечу и тихо заговорил совсем не о том, чего ожидал от него Васка:

– Чудная эта война, дружок ты мой Василько. Казаков реестровых с нами четыре тысячи, а против нас, с гетманом коронным, – около двух тысячей, говорят. Война закончится, как они тогда в одном войске сойдутся, как станут из одного котла кашу есть? Говоришь, за православную веру бьѣмся, ладно, и я за веру... Только как надеяться можно,

в Переяславе окопавшись, чужеземцев со всей Украины прогнать? Пусть, то дело гетмана Тараса и старшины... А ты вот спроси у друга моего Яцка Лафы (он в комнате у нас лежит раненый, казарюга отчаянный, такие и на Сечи наперечёт), спроси у него, за что он бьётся? Ответит то же, что и мне: бьётся-де, чтоб побеждённые Войском Запорожским польские паны-сенаторы вписали его в свой реестр. Чтобы от польского католического короля ежегодно получать за службу свою червонцы и сукно, а как службы нет, так на хуторе своём с жёнкою и детьми сидеть и от всякого послушенства оставаться вольным, то бишь землю свою пахать беспечально. По нраву ли нам с тобою такое?

– Нет, атаман! – отвечал восторженно мальй. Он мало что уразумел из сказанного, однако счастлив был, что видит перед собою прежнего самоуверенного и насмешливого Бажена. Тот понизил голос:

– Говорили мне, что когда православный митрополит Иов Борецкий, знако-

мец наш, просил в письме государя-царя Михайлу Фёдоровича, чтоб принял его с казаками под свою руку, то писал святой отец это не искренне, а чтоб напугать панов-поляков. Не за то казаки бьются, чтоб голову согнуть под московское ярмо, а чтоб в вольготнейшей для жизни Речи Посполитой получить те же вольности и права, что и поляки-католики. Что ж, насчёт ярма я вполне...

Возник и быстро приблизился гул копыт табуна.

– Баженко! – засуетился вдруг малый. – Тут тебе тётка Горпина узелок передавала.

– Так развяжи. Гей, Орлик! Потолстел, потолстел, обжора ты саврасый... Так что ж там? А, рубаха чистая... Жаль, сменить уже не успею... Да, теперь, своё честно отвоевавши, я нашу вольную скоморошескую жизнь ни на что не променяю! Лучше умереть в поле, чем в бабьем подоле – это верно сказано, Васка. А ещё лучше – на телеге нашей расписанной, среди весёлых друзей, под чужою яблонькой в цвету... Стой, Орлик, не балуй! Вот не любит, когда подпруту затягиваю.

– Бажен, я ещё вспомнил: тетка Горпина тебе про казанок велела напомнить.

– Ну что ж, татарские котлы тут на грядках не растут, придётся мне, смекаю, как война кончится, за казанком для Рыболовихи в Крым через море сбегать. Ну, всё. Прощай пока, Василий!

Бажен лихо запрыгнул в седло и поскакал догонять своих. Сотня на рысях втягивалась в узкую улочку, за нею верхом на палках и с палками же наперевес скакали мальчишки. Васка сообразил, что ему, с пистолями да в кунтуше, нелепо бежать среди мелюзги за казаками, остался на месте и важно помахал вослед сотне шапкой.

Вернувшись к каменице, он увидел на крыльце давешнего раненого казака, Яцка. Тот сидел, привалившись спиной к точёному столбику, а у крыльца пританцовывал рослый вороной жеребец.

– Василько, – так ведь тебе кличут? Василько, привяжи своего мерина разом с моим Воронком до коновязи у дворе,

за хатою... У мэнэ под лавкою пивмишка⁹⁶ овса, дай им поласувати... И напои, коли тоби не важко⁹⁷.

Через полчаса Васка нашёл казака опять лежащим под епанчею и сам устроился рядом с ним на ковре. Впервые за три дня он почувствовал себя в надёжном, безопасном месте и заснул, как убитый.

Разбудил его конский топот.

– Бажен вернулся! – толком не проснувшись, вылетел малый на крыльцо. Под высоким полуденным солнцем проезжали по улице конники. Запылённые, с чёрными от пороховой гари лицами, почти все раненые; иных, перекосившихся на седлах от боли, поддерживали товарищи. Васка увидел вдруг знаконца; это был бородатый донской казак, с которым он говорил ночью.

– Здравствуйте!

– Здорово, казак! А я думаю, кто это меня за стремя хватает, или это я

⁹⁶Пивмишка (укр.) – полмешка.

⁹⁷Коли тоби не важко (укр.) – если тебе не трудно.

снова в седле заснул... Нашёл ты своего
дружка?

– Так они ж... они сотнею всей вам
на помощь поскакали...

– Ты гляди... А мы, там жолнеров
отбивши, через Альту переехали и лесом
ушли, не дались Лащу в зубы. наших
больше не встречали... Да что это ты,
казак, как не стыдно тебе, вернётся и
твоя сотня!

Глава двадцать третья. О том, каким увидал Васка решающее сражение казаков с коронным войском под Переяславом и как он сам наутро после битвы для бой неприятелю

е прошло и часу, как по всему Переяславу запели войсковые трубы, ударили бубны, загудели котлы запорожцев. Яцко, за стену хватаясь, поднялся со скамьи.

– Что это, дядя Яцко?

– Гетман тепер все полки собирает. Може, поляки на приступ пошли? Что бы я без тебя, хлопчику, робыв бы тепер? Седлай коней.

– А разве ты сможешь поехать?

– Зможу, коли треба. Поедем на стену, что за нашею сотнею. Там ещё по росписи мещане с Андреевской улицы

стать повинни, так треба ж комусь из людей войсковых им и указ дать.

Когда добрались они через рас-тревоженный город до своего участка стены, разглядел Васка на забрале полтора десятка мещан с пищалями, на одном из них – богаче, наверное, – поблёскивал и панцирь.

Вскарабкавшись при помощи Васки по лестнице, Яцко первым делом согнал рассевшегося на чурбане толстяка в панцире, сел на его место, отдышался, выглянул из-за деревянного зубца и поманил к себе Васку.

– В лагере у ляхов тихо. Ничего не второпаю... Гей, люди добрые, что в Переяславе трапилось?

Васка и себе осторожно высунул голову и с некоторым разочарованием увидел вражеский лагерь так далеко от городской стены, что если бы не тёмные леса за ним, то его серые земляные валы и верхушки белых палаток нелегко было бы и разглядеть. Перед лагерем чернел остовами печей посад, сожжённый, согласно правилам войны, при подходе неприятеля. Предполье засеяно было озимыми.

– Оглохли вы, панове мещане, что ли?

– Кажуть, что до гетмана Тараса Федоровича перебежали два польских жолнера и поведали: «Добрый час для вашего наступу. Гетмана корунного в лагере нема», – решившись, видимо, проглотить обиду, пробурчал мещанин в панцире.

Тонкоусый чернявый парень подошёл к ним и, с почтением взирая на Яцка, затараторил. Оказалось, поляки-перебежчики, господ своих ненавидя, рассказали, что пан гетман коронный, с двумя тысячами отборных жолнеров поехал на помощь Лащу, и сейчас они штурмуют казаков, обороняющихся в каком-то сарае. Сперва коронный стражник с ротою своею напал на других казаков, которые в дозор ехали, но не смог сам их добыть. А вернувшись с самим гетманом коронным, тех казаков уже не нашёл, зато наткнулся на других, которые, говорят, выручат тех первых шли, и теперь их вместе с паном гетманом штурмует...

– Так то ж наша сотня бьётся! – выдохнул Васка.

– Вона. А може, фортеця якого ще викинуть, та й вийдуть до своїх оборонною рукою, – задумався Яцко. – А Тарас Федорович вирішив, поки гетьман коронний з Лашом наших штурмують, на лагерь ворожий вдарить.

– Послав би він краще наших вивручати, – огризнувся малый.

– Война то штука строга, хлопчику. Гей, добрийи люди! – звернувся Яцко до мешканців. – Не хороніться ви за зубцями тими. Ні ядро, ні пуля, ні стріла сюди не долетять! Пошліть краще когось наймолодшого додому, нехай принесе, чим кишку обдурить!

– Ми у домах своїх перед битвою пообідали, – ядовито відповів товстак.

Козак качнув презирливо золотою сергою. Тонкоусий пареня повісив піщаль за спину і спустився со стіни.

Вниз, на передпольє, вистраивались, топчач озиме, ціпи піших козаків. Білили свіжевістругані деревки копій, багато були з ціпами на плечах, наче збрались на молотбу, інші – з косами. За першим рядом пушкарів установили пушки – біль-

шие на собственных колёсах, меньшие размещены были на телегах. Гетман под бунчуком на огненно-рыжем коне восседая, распоряжался. Наконец, запищала труба, и за нею ударила в уши прочая войсковая музыка. Пехота с криком, нестройно двинулась по полю, в середине её везли пушки, за последними цепями пехоты, не спеша, ехал гетман, в свите которого распознал Васка поджарую фигуру Дороша.

– Конники, мабуть, из тылу на ляхов вдарят, або ж в обход посланы, – морщась, проговорил Яцко, закрыл глаза и привалился к стене.

– Отчего ж наши пушки не бьют? – удивился малый.

– Пушки? Рано им ще... С гарматами була целая гистория... Бачишь там, перед лагерем, ещё землю вырытую?

– Нет, не видно мне, наше войско закрыло, – ответил Васка. Ему казалось, что пехота топчется на месте, но он благоразумно промолчал об этом.

– Отам, в передмисти спаленном, у них спочатку окопы булы, и гарматы вкопаны... – и Яцко принялся рас-

сказывать, то и дело кривясь от боли. Наверное, его эти полчаса перед схваткою тоже томили и тяжки ему были так же, как и тем, кто шёл сейчас с копьями или косами по полю.

Как выяснилось, из ближних окопов жолнеры в первые дни столь жестоко из орудий палили, дорогого пороха не жалеючи, что ветхую городскую стену во многих местах порушили, и её ночами приходилось чинить. Ядра и в дворы мещанские падали. Однако в этой напасти казакам крепко помог пленный немец-капитан. Хлопцы его заставили за дело приняться, так он, бестия, казацкие пушки так расставил, так заряжал и наводил, что вражеские пушкари боялись и нос из окопа высунуть. Для береженья немец был к пушке прикованный. Хлопцы его за подвиги пушкарские освободили, только один козарюга водил ещё день на верёвке, за ногу привязанной, – и то для смеху, вечером же отвязал. Немец же, разохотившись, вызвался сам гранаты снаряжать и так ловко метал ими из мортир, что жолнеры те ближние

окопы совсем покинули и арматы свои оттащили...

– Дядя Яцко, они уж у валов!

Казак крякнул и придвинул чурбан к бойнице. Издали действительно могло показаться, что казаки идут уже под самыми валами, однако прошло ещё несколько томительных минут, прежде чем над польским лагерем и сразу же – над цепями казаков взвились клубы дыма, а потом донеслось рывканье пушек. Видно было, как казацкие цепи приостановились, над ними взлетело на мгновенье облачко стрел, и треск раздался, будто рвали холст: это казаки дружно выпалили из ружий.

– Зараз набежать, – сверкнул глазами Яцко. – От-от почнётся сеча!

Прошло несколько часов, и теперь даже Яцко не мог разобрать, что происходит у лагеря. Там стояло облако пыли и дыма, все реже прорезывали его вспышки выстрелов, всё чаще брели в город раненые казаки. Дважды скакали в Переяславский замок, возвышающийся над противоположной, полуденной частью города, торопливые

гонцы, и после второго из них прорысил к лагерю неполная казацкая сотня.

Васка надумал было тихонько спуститься со стены, чтобы самому податься к битве поближе, разведать хоть, что и как, однако Яцко, глаз один открыв, удержал его железною рукою.

– Ни шагу вид мэнэ. Я твоему Бажену обицаяв, что очей с тебя не спущу, пока ты в Переяславе.

Вдруг в одночасье потемнело. Малый поднял голову: небо быстро закрывала чёрная грозовая туча. Почти сразу же начался ливень, пригасивший ружейную пальбу. Крики и грохот в лагере утихли, либо не слышны стали в раскатах настоящего, небесного грома. Дождь лил, как из ведра, худая кровля над забором начала протекать. Молния ударила в ближнюю башню замка и осветила на поле неподалёку толпы людей. Не ляхи ли приступают?

– То, Василько, наши с бою йдуть, вон и гарматы ляшские тянут, – успокоил малого Яцко и повернулся к мещанам. – Идуть и вы вже, люди добрые... И це вояк? Тьфу!

Васка присмотрелся и при следующей вспышке молнии увидел, что толстяк стоит на коленях и что-то бубнит. Прислушавшись, он разобрал, что мещанин не молится, а заговаривает грозу.

Войско растекалось уже по городу. Вот и под стеною зазвучали копыта, прошелестел усталый говор.

– Эй, православные! – подал голос тонкоусый парень, успевший, спасибо ему, подкормить Яцка и Васку. – Чи побии вы ляхов?

– Якбы не дощ цей, то й ноги бы вражьей не выпустилы, – раздалось внизу. – Слезай вже с нашеста свого, рыцерию прехрабрий!

Васка крикнул:

– Слышал ли кто про сотню Ивана Швачки?

Ему не ответили. Ливень продолжался, и казалось, что он никогда не кончится. Васка помог Яцку спуститься со стены, вместе с черноусым посадил его, стонущего сквозь зубы, на коня. Добравшись до каменицы, по-прежнему пустой и тихой, он из последних уже

сил затащил казака в комнатку, уложил на скамью. Стараясь не смотреть на страшную рану под правой ключицей, стащил с его груди промокшие и сбившиеся тряпки, нашёл другие, присыпал рану порохом и перевязал её заново. Яцко лежал, как мёртвый. Васка погасил огарок и сел в ногах казака, ожидая.

Ливень кончился так же неожиданно, как и начался. Выйдя на крыльцо, Васка увидел, что солнце ещё не село, только башни замка и крыши позолотились. Тут он услышал, что улицей едут конные, слетел с крыльца в грязь и увидел Дороша с незнакомым молодым казаком.

Дорош за день похудел ещё больше и почернел.

– Живый? – удивился он и натянул поводья. – Добре.

– Где наша сотня? Где Бажен?

– Что чутно про хлопцев? – отозвался вдруг с крыльца Яцко.

– Скажи им, Михно.

Молодой опустил глаза в землю.

– На вашу сотню сам гетман коронный пан Конецпольский та пан Лащ

с тремя гусарскими ротами ударили. Ваши ж, в конюшне укрепившись, боронились так рыцарски, что жолнеры никого живцем не взяли, тилькы одного сотника и то перераненного. То пленные поведали пану гетману Тарасу Федоровичу.

Дорош снял шапку и, глядя Яцку в потемневшие от боли глаза, трудно проговорил:

– За них ляжет рота жолнерив. У Березани. Тарас обицяв. Сам поведу, – и кивнул молодому. – Неси, Михно, в хату, что привёз. Помянем хлопцев, Яцко. А ще Явтуха мого. И Стефана Борецького. На валу пид гарматами легли.

Грохнул пушечный выстрел. Казаки не пошевелились. Над городом взвился восторженный рёв. Васка поднял глаза и сквозь слёзы увидел, как в небо, треща и шарахаясь из стороны в сторону, тянет за собой огненный след потешный снаряд. Казацкий Переяслав праздновал победу.

Как только засерело в окошке, Васка поднялся с ковра и пошёл седлать

Голубя. Уже невядалеке от Кузнечных ворот с досадою вспомнилось ему, что не придумал объяснения для караульных, куда едет, чтобы выпустили из города. Враньё оказалось ненужным: из сторожки доносился залиvistый храп, отпертая калитка в воротах скрипела, качаясь на ветру, подъёмный мост опущен.

О дороге он расспросил ещё вечером. Да тут и ошибиться трудно. Мост через Трубеж, ещё мосток – через его рукав. Луг. Дорога вeдет на Пирятин, там будут зыбучие пески... Какое ему дело до этих песков, что ему до Пирятина? А вот и тропка вдоль берега. Через полчаса Васка, в ивняке так-сяк укpывшись, уже мог наблюдать через речку, что происходит в польском лагере. Тропинка, от лагеря к Трубежу вытоптанная, была ещё безлюдной, зато на валах, несмотря на ранний час, суетились жолнеры. Присмотревшись, Васка понял, чем занят неприятель: там убивали убитых, стаскивая своих в одно место. Издалека это казалось совсем не страшным.

Васке нужно было высмотреть дорогу, которая вела от лагеря в тыл, на Киев.

Через час он уже лежал в кустах у этой дороги, в месте, очень удобном, по его разумению, для засады. Выбираясь на правый заболоченный берег Трубежа и заботясь больше о том, чтобы не подмочить порох и оружие, он по уши перемазался в вонючей тине. Взглянув на безнадежно испорченный кунтуш, Васка тут же забыл о нём. Васка прощался с теми, кого бросил сам, и с теми, кто покинул его. Трезвый и добросердечный дядька Гаврила, мудрые и прекрасные книги, тихая и кроткая Вешка, дядя Андрей Бубенист, Бажен в чистой белой рубахе пришли к нему и снова ушли, лёгкие, светлые. Мир, омытый вчерашним ливнем, был свеж и зелен, словно сотворённый заново.

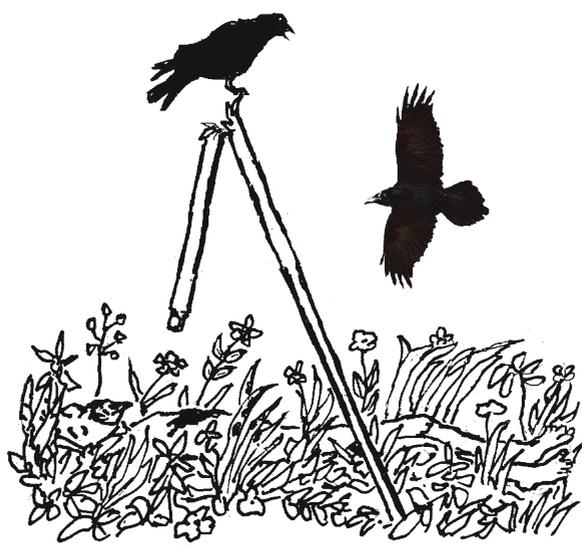
Сорока застрекотала, потом притихла на мгновение и снова начала свой галдёж. За кустами мелькнула голова всадника в круглой венгерской шапочке. Васка привстал с травы, взвёл курки и поднял малую пицаль, которую

держал в правой руке. Ствол заходил из стороны в сторону. Мальй сунул за пояс второй пистоль, взял теперь оружие обеими руками, снова прицелился пониже красного мужицкого лица, мысленно перекрестился и потянул за спуск. Пружина сработала, стальное колёсико закрутилось, кремень, прижатый к нему выдал пучок искр. Вспыхнул порох на полке! Васка затаил дыхание и повёл стволом вправо, догоняя уже поворачивающего к нему голову жолнера, услышал короткий свист... Пистоль выпалил, ствол его задрался кверху. Жолнер втянул голову в плечи и пришпорил коня.

Васка бросил пистоль на землю и рванул из-за пояса второй. Не успевая уже толком прицелиться, выстрелил вдогонку убегающему неприятелю. Жолнер пригнулся к шее коня, вытянул руку назад и коротко оглянулся. Дымок всплыл над дорогой, и зелёный дубовый листок, медленно кружась, упал перед Ваской. Мальй поднял его и увидел, что черенок листка срезан пулей.

Он постоял ещё, посмотрел вслед жолнеру, потом подобрал пистоль. Подумав, сунул его за пазуху. Спрятал там же и второй, вывел из чащи верного Голубка и, закусив губу, направился по дороге в ту же сторону, куда ускакал жолнер. На Киев.

Глава двадцать четвертая, она же и последняя

Где ты бродишь, Васильку? ... А-а, снова до ворот Братской школы ходил?

– Сегодня ж пятница, пан Спиридон.

– Н-ну, может, и выходишь своего Бажена... Перемирие давно настало, казаки по хатам разошлись, Тарас с голотою ушёл на Сечь. Слухай, я тут уже тебя, яко красна девица, выглядываю! Бумага приготовлена, краску мы с тобою ещё вчера замесили да проварили, Селивон пришёл... Пане Селивоне, до стана, будешь пресс потягать! Васильку, становись на место батыйщика, а я вже стану бумагу накладывать... Готово, починаймо!

Пан Селивон Рыболов, нечёсанный и мрачный, взялся за длинную рукоять прессы. Васка ухватил друкарскую мацу и сунул её кожаную плоскую подушечку в миску с густой краской. Взял в левую руку вторую мацу держальцем вниз и тщательно растёр между подушечками краску. Набор стоял уже в медной рамке на толстой, из стана выдвинутой доске – ковчеге. Чувствуя на себе внимательный взгляд мастера, Васка лихо перебросил вверх ногами в левой руке мацу, опустил обе подушечки на набор и водил ими, пока свинцовые строчки не залоснились чёрным. Отступил от стана и снова растёр краску между мацами.

Мастер тем временем ловко наколол чистый лист бумаги на иголки, торчавшие посредине обтянутой пергаменом рамы, и прикрыл его лёгкою откидной рамкой, дощечки которой должны были обезопасить поля будущих страниц от случайных марашек. Рама с иголками, тимпан, в свою очередь, была на петлях соединена с наборной доскою, поэтому, когда типограф накрыл тимпаном наборную доску,

оставалось только прижать посильнее бумагу к двум свинцовым страницам, намазанным краскою. Теперь мастер Спиридон задвинет тяжёлый ковчег в пресс так, чтобы наборная доска с тимпаном оказалась под нажимной плитой, и тогда тередорщик...

– Не спи, пане Селивон!

Селивон вздрогнул, поднял голову, поплевал на ладони, снова повис на рукоятке прессы и потянул за неё до отказа. Тут же он крутанул винт в обратную сторону, и прижимная плита поднялась. Мастер с усилием вытащил ковчег, откинул тимпан, потом рамку, снял с иглоков первый отпечатанный сегодня лист, нацепил на нос очки и отошёл с ним к окну.

– Пристойно, панове, – заявил он торжественно и, тяжко вздохнув, осторожно повесил отпечатанный лист на верёвку для просушки, прихватив двумя прищепками. Верёвки по светлице протянул загодя Васка и прищепки на них по указаниям мастера расположил. Перегнувшись через ковчег, Спиридон взял чистый лист из стопки на соседнем табурете...

Прошло два часа. У Васки занемели уже руки, и он с облегчением услышал, как Селивон прохрипел:

– Досыть. Не могу больше.

– Ещё чего! – окрысился на него раскрасневшийся мастер. – На свадьбе, скажешь, гулял альбо на похоронах? Не задля красного словца писано, что печатники быть должны трезвенными и добродетельными! Вымой знову руки та ставай на мое место!

Вернувшись, Селивон с опаскою встал на место мастера. Увидев, как кладет он на тимпан бумажный лист, мастер схватился за голову.

– Ты ж мне так весь папир⁹⁸ испортишь! Полежи краще... Васильку, попробуй ты.

У Васки дело пошло получше. Вскоре он совсем освоился, и теперь уже мастер Спиридон, которому приходилось хвататься то за мацы, то за ворот пресса, начал вытирать рукавом пот со лба и задыхаться. Наконец, он сдался. Позвал Селивона и повел помощников перекусить – пидвечеряты.

⁹⁸*Папир* (укр.) – бумага.

Только за столом малый понял, как устали у него ноги. Еле поднялся из-за стола. Селивон молча встал на своё прежнее место. Мастер всё быстрее втаскивал и вытаскивал ковчег, Васка мацами вымазал уже полмиски краски. Он старался не смотреть на стопу чистой бумаги: уж слишком медленно та уменьшалась.

Потом он обнаружил, что не различает на доске набора, и испугался, что измазал краской стан. Оказалось, что и окно еле светится. Пока мастер ходил за свечами, Селивон исчез. Вернувшись, мастер поставил подсвечник, огляделся и молча взял у Васки из рук мацы. Малый, стараясь протянуть время, поплёлся мыть руки.

Потом он снова втянулся в работу, и теперь ему уже начало казаться, что это не ковчег задвигает он в стан, а ядро забивает банником в жерло пушки, а когда помогает мастеру затягивать пресс, то это и не рукоять вовсе, а пушка, которую нужно повернуть на неприятеля. Ну-ка, ещё одно ядро,

панове, вот вам! И ещё одно – вот вам! И ещё одно ядро – получите! И ещё ядро!...

Мастер Спиридон, обычно разговорчивый, за работой становился сосредоточенным и молчаливым. Но тут, заряжая сотую уже, наверное, пушку, Васка услышал, что и он ворчит себе под нос, а когда вслушался, понял, что почтенным паном мастером овладело то же весёлое отчаяние, что помогает держаться на ногах ему, Васке.

– Немецкая пехота хотела за Днепр переправиться, ух... – а казаки все байдаки та челны пожгли, – и-й-эх!

– Немцы на Печерське мистечко ударили... – а казаки з мещанами их побили!

– Гетман Конецпольский казаков под Переяславом обдурил, золотые горы пообицявши – тепер казак пану вовек не поверит!

– Реестровци хотилы гетмана Тараса пану Конецпольскому выдать – а наш Тарас из польськими гарматами на Сечь ушёл!

– Уनियाты клятые... Что ты, Васильку? А...

Васка свалился на пустой уже табурет для чистой бумаги.

– Ух, треба перепочить⁹⁹...

Мастер поднял Васку и повёл, сам пошатываясь, на своё любимое место. Они сели на верхней ступеньке крыльца. Город давно спал. Звёзды были такими яркими и крупными, как будто висели они над чистым полем. Не осталось сил спустить рукава рубахи.

– Васильку, твий Томилка... ну, пан Евсей ... уехал до Путивля с московським лекарем... Ух... которого от царского величества прислано было отца митрополита Иова лечить... Ох, плох наш старик...

– Угу, и Голубка в телегу запряг.

– Ты, я ведаю, остался, ибо чаешь дожидаться своих друзей. До ворот братства ходишь... Добре... А потом? Остаешься у меня за пидмайстра, друкарчука... Ух, полегчало немного...

Васка не спешил с ответом. Типографское ремесло нынче прямо-таки устрасило его. Он знал, что они

⁹⁹*Треба перепочить* (укр.) – надо отдохнуть.

сегодня печатали двадцатый лист «Апостола» и что книга эта большая, не меньше, чем в сто двадцать развёрнутых листов. За день один такой лист оттиснут с одной только стороны... Сколько же уйдет труда на всю книгу? Стоящему ли делу учёный, умный и добрый мастер Спиридон навсегда посвятил свою жизнь?

– Пан Спиридон, а что мы будем делать завтра?

– Завтра? Ще сегодня, передохнувши, ты добре отмоешь набор, а завтра его разберёшь. Я же замочу папир, а завтра почну складати следующий лист, оборот сегодняшнего.

– А потом?

– Оттисну пробу, вычитаю, выправлю набор и – панове, до верстата!

– А потом?

– Ты что ж это? – Мастер всмотрелся в перепачканное краской лицо не на шутку осунувшегося своего подмастерья, улыбнулся понимающе. – Ну, добре... Егда все отпечатаем, я наберу, вычитаю и выправлю, и вместе мы оттиснем с особливим бережением титульные листы.

– А тогда?

– Теда разложим на тетради и перевезём на возку экземпляров со сто интерлигатору... по-московски как же будет?

– Переплётчику? Ясно... А дальше что?

– Оправленные экзкемпляры я продам, возьму гроши.

– А после того?

– Розрахуюсь з боргами, то бишь верну занятое на печатание у заимодавцев...

– А тогда что?

– Куплю знову бумаги, олова та свинцю.

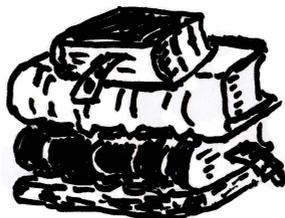
– А потом?

– А по тому... Что ж, поведаю тебе, что будет по тому, – мастер обнял Васку за плечи и прижал накоротко к себе. Отпустил и продолжил внезапно окрепшим, певучим голосом. – Возьмёт нашу книгу в руки мой земляк, православный белорусец и возрадуется, побачивши, что в Киеве книги русские печатают, а коли так, то не везде пировать и веселиться панам-католи-

кам да униятам. И в Валахии брат наш единоверный молдаванин увидит её – и заплачет, и станет мечтать про время, когда и он из-под турецкой пяты освободится и гордым человеком станет снова. А как попадѣт наше творение лет через десяток на очи грамотному казаку, присвистнет он: «Эге ж, бачите, и мы в тому славному году не тилькы панам-ляхам та шмулям-орендарям чуба добренько-такы поскубалы, а й книги святые выдруковалы!». И крестьянин тѣмный промолвит, листа книжного несмело коснувшись: «Выходить, то неправда, что вси ученые люди в Киеве панам-ляхам продались и унию приняли, что книги уси руськие езувитами выкуплены и сожжены! Не вмерла ще й казацкая маты!» И ещё пройдет время, и потомок мой, потомок сытый, учёный и добродетельный, сию книгу побачивши, удивится. Возьмѣт её с полки счастливый и вольный потомок мой, разогнѣт её осторожно и уразумеет, чем мы, малые, нищие и угнетѣнные, в тѣмные годы нашей отечественной гистории занимались: не

только о пище своей повседневной, но и о пище духовной для народа своего православного радели! От яже в нас ремесло, Васильку! Уразумел тепер?

Васка понял почти всё, что сказал типограф Спиридон Соболев, понял, принял сердцем своим и решил остаться с мастером, но глазами невольно искал над чёрной громадой города тот клочёк неба, где днём видны были кресты над Братским монастырём, у ворот которого через неделю в полдень мог, обязан был появиться Бажен Любимов, походный скоморох.

Придумавший эту книжку обращается к читателю

ебось, успел ты уже подумать, что я тебе хочу вкратце рассказать о том, что приключилось дальше с моим героем? Я об этом и сам хотел бы узнать, да только... Молчит моя немудрёная машина времени, совсем разладилась. Паста в ручке засохла, корзинка для бумажного мусора переполнилась, а дисплей ноутбука, едва нажму на клавишу с вопросительным знаком, сразу же покрывается бесконечными рядами ?????????????????? А вот только что высокая стопка томов «Киевской старины», не уместившихся на табуретестремлянке, рухнула, обдав меня пылью, и едва не замуровала у компьютерного столика...

Что же, всё-таки, могло случиться с ним, Ваской? Как повернулась его судьба?

Вызволил ли он, как собирался, из кабалы Вешку?

Не умер ли, не дай Бог, в ужасной для киевлян чумной эпидемии 1632 года, когда после мора в Киево-печерской типографии некому было допечатать начатую в здоровое время книгу?

Дожил ли в честной бедности до грозного 1648 года, до славной Хмельниччины, и не сложил ли голову в новых битвах за свободу?

А может быть, в ряды красножупанной старшины учёностью и быстрым соображением пробившись, принялся после победы грабить и порабощать своих же соратников?

Что если, латинскою высокою премудростью ослеплённый, подался он в молодости за наукой к хитрым иезуитам и сам не заметил, как обратился в просвещённого и оттого ещё более гнусного предателя неученых земляков?

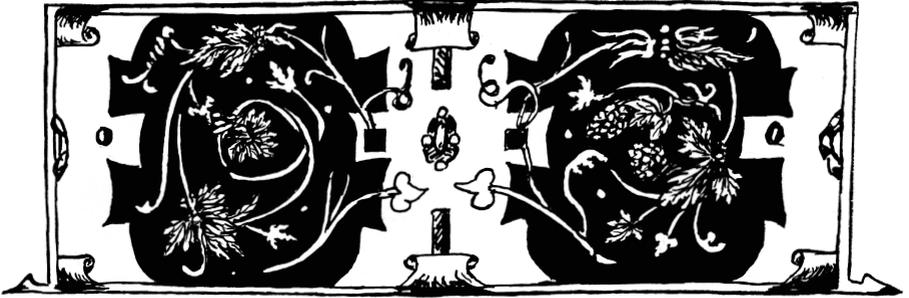
Или, высотами типографского мастерства овладев, отправился наш

повзрослевший Васка подрабатывать на Запад и там, в красивых каменных городах, сгинул душою, забыв обо всём на свете, кроме гульденов и талеров?

Думается мне всё же... Нет. Не будем изменять правилу, принятому, как ты, наверное, заметил, в этой книжке. Я не водил тебя, мой читатель, за ручку. Попробуй и сейчас сам подумать над этой, последней страницей.

2015 год

Глава первая. В ней читатель знакомится с юным москвичом Ваской, а сам Васка – с походным скоморохом Баженом 3

Глава вторая. О том, что приключилось с Ваской после побега от дядьки Гаврилы, и немного о весенней Москве 1629 года 7

Глава третья, а действие её происходит на дороге под Курском, где наших скоморохов ожидали, как оказалось, новые знакомства 29

Глава четвёртая, в которой рассказывается о странных, прямо скажем, обычаях гостеприимства, принятых у обитателей лесной деревеньки Хворостиновки 45

Глава пятая, об истории жизни князя Хворостинского, рассказанной его холопом Луковкой, и о завершении оной. предугаданном Баженом 57

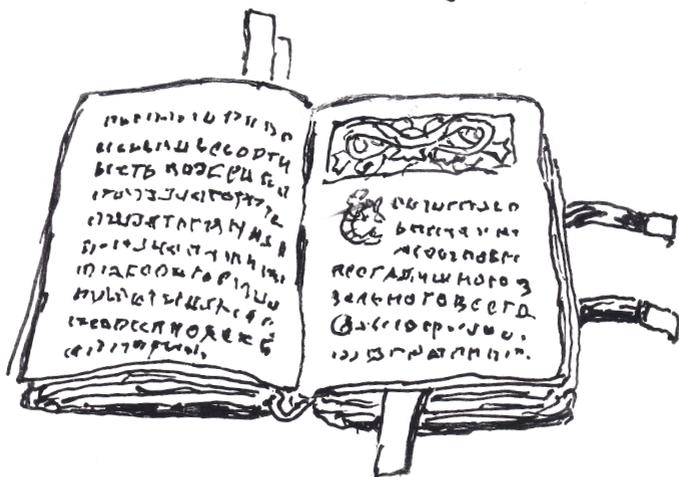
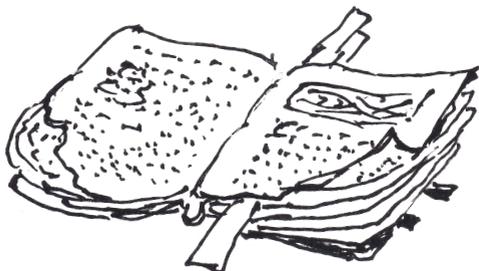
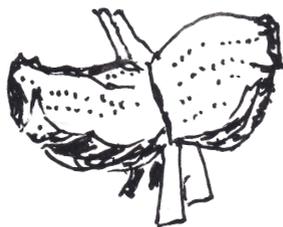
Глава шестая, а в ней читатель познакомится с литавричиком Андрюшкой Бубенистом и прекрасной владелицей Райгородки 69

Глава седьмая, в которой скomorохи устраиваются на зимовку в Райгородке, а Филя показывает, как малые дети горох крадут	83
Глава восьмая. Из неё выясняется, в частности, что Васкина суженая вовсе не ведьмина дочка	101
Глава девятая, а в ней о том, как провожали скomorохов из Райгородки, и о двух встречах Васки с хозяйкой Девич-горы ...	119
Глава десятая, в которой Васке не удастся увидеть, как заряжается настоящая пицаль, а ещё рассказывается в ней о беспримерной доброте и справедливости путивльского воеводы	135
Глава одиннадцатая. Читателя здесь ждёт знакомство с семьёй Андрюшки Бубениста и отчасти – с содержимым его заветного сундучка	151
Глава двенадцатая, а в ней скomorохи останавливаются на ночёвку в Чуриловом замке и узнают последние новости от боярина в лаптях	163
Глава тринадцатая, в которой ватага знакомится с князем Константином Вишневецким и въезжает в Прилуки под звуки музыки и в благородной шляхетской компании	173

Глава четырнадцатая. <i>О том она, как продолжалось путешествие скоморохов в благородном обществе, и о неудачной попытке расстаться с любезными попутчиками</i>	189
Глава пятнадцатая, <i>а в ней объясняется, почему скоморохи сумели переправиться через Днепр, а коронный гетман Станислав Конецпольский не смог</i>	201
Глава шестнадцатая, <i>начинающаяся всеобщим смехом, а завершающаяся появлением митрополита киевского</i>	213
Глава семнадцатая, <i>в коей Бажен объявляет войну Речи Посполитой, а Васка вступает в единоборство с коренным киевлянином, заключает с ним мир и начинает совместную проходку по Киеву</i>	227
Глава восемнадцатая, <i>описывающая славный Киев-град, каким увидел его Васка весной 1630 года от Рождества Христова</i>	241
Глава девятнадцатая, <i>в которой Томилка превращается в атамана ватаги пана Евсея Петрова сына Стукова, а Голубок едва не оборотился рыцарским боевым конем</i>	251

Глава двадцатая. <i>Васка в ней пытается разыскать Бубениста и убеждается в коварстве Грицька</i>	265
Глава двадцать первая, <i>а из неё можно узнать о приключениях Васки в Березани</i>	281
Глава двадцать вторая, <i>повествующая о встрече и прощании Васки с другом его Баженом</i>	299
Глава двадцать третья. <i>О том, каким увидел Васка решающее сражение казаков с коронным войском под Переяславом и как он сам наутро после битвы дал бой неприятелю</i>	317
Глава двадцать четвертая, <i>она же и последняя</i>	333
<i>Придумавший эту книжку обращается к читателю</i>	345

Литературно-художественное издание

Росовецкий Станислав Казимирович

У ДРУКАРЕЙ И СКОМОРОХОВ

Историческая повесть для подростков

Редактор: Ю. Б. Дядищева-Росовецкая

Компьютерная вёрстка: Ю. Б. Дядищева-Росовецкая

Корректор: Ю. Б. Дядищева-Росовецкая

Использована графика С. К. Росовецкого
к изданию его произведений:

«Спадкоємні зв'язки національних словесних
культур» (1997), «"Слово о полку Ігоревім"
у взаємозв'язках із фольклором» (2021)

URL: https://rosovetskyi.com/slovo_o_polku_igorevim_u_vzajemovjazkah_iz_folklorom_rosovetskyi_s_k/

и «Билини давньокиївські:

Реконструкції-переклади...» (2016)

URL: <https://rosovetskyi.com/byluny/> – вос-
становлено Ю. Б. Дядищевой-Росовецкой

На авантитуле фотография С. К. Росовецкого
авторства С. Н. Саломатина